

С пользой
для Отечества

К 70-летию
Великой Победы

12+

Мономах
№ 2 (86) 2015
Краеведческий журнал

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

И.И. Егоров

А.И. Золотов

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

С.А. Ойкин

Е.Н. Сергеева

И.Э. Сивопляс

А.Ю. Шабалкин

Учредитель:

Правительство Ульяновской области

Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»

Адрес редакции:

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Тел. (8422) 30-17-70

www.monomah.sis.net.ru;

www.ulpravda.ru/monomach

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная

Подписано в печать 26.03.2015 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1000 экз. Заказ № 261

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

ОАО «Областная типография

«Печатный двор»»

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, д. 27

На обложке – фото Павла Шалагина

Приобрести журнал в розницу

можно в отделениях почтовой связи,
в киосках «Симбирская печать»,
«Ульяновская печать», «Дом печати»,
в музейном магазине Дома И.А. Гончарова
(вход со стороны ул. Ленина, 138)
и в киоске Ленинского мемориала

Содержание:

Позиция

В. Егоров. О патриотизме.....2

К 70-летию Великой Победы

Г. Стоцкий. Некоторые эпизоды из жизни

генерал-лейтенанта Николая Гагена.....4

В. Будкевич. Ульяновская школа пилотов.....8

А. Долматов. Боеприпасы – фронту!.....12

Л. Берч. Родом из Симбирской губернии.....14

С. Узбекова. Партизан Николай Давыдов.....16

В. Радаев. Три войны генерала Захарова.....18

В. Кислинский. Путешествие по зазеркалью.....19

Е. Платонова. Девушки из сорок первого.....23

Г. Федоренко. Когда отступать некуда.....24

Земляки

Д. Семенов. Товарищ Устинов –

забытый герой Гражданской войны.....27

А. Чижов. Человек без Родины – ничто!.....30

Т. Алисевиц. Иван, крестьянский сын, покоритель морей.....32

Н. Ларионов. Народный артист из Елаура.....34

С уважением к прошлому

А. Шабалкин.

Военная история строкой архивных документов.....36

Человек труда

М. Десятникова. Слово об Учителе.....40

Год литературы

М. Сударев. Крестьянский поэт Спиридон Денисов.....42

В. Радаев. Поэт Волжской флотилии.....44

Л. Люттов. Великая вдова великого поэта.....47

А. Парпара. «Поклонная гора» Николая Благова.....48

И. Васильева. Завещание Ганса Христиана Андерсена.....50

Города и веси

Т. Нуйкина. И это родина моя.....53

Прекрасное – рядом

А. Хохлова. Дом-ателье архитектора Ливчака.....54

Т. Немова. С наилучшими пожеланиями.....56

К. Новеньков. Его рукой водило Божье провиденье.....58

На срезе времени

Л. Берч. Во славу русского воинства.....60

С. Абрамов, С. Серягин.

Александр Сахаров – пропагандист эсперанто.....62

Л. Янушевская. Разыскиваются памятные доски.....64

Юбилей

Рудольф Азбукин:

«Пожелайте мне, чтоб я выглядел на все сто!».....65

Из почты «Мономаха»

Ю. Красных. Читать журнал познавательно и интересно!...65

Уважаемые читатели!

Подписаться на журнал «Мономах»
можно с любого месяца и на любой срок.

Подписной индекс 54840

Редакционная подписка – в два раза дешевле,
в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону: (8422) 41-04-32;

e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал по альтернативной подписке можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59; ул. Рябикова, 43,
проспект Ленинского комсомола, 41, ком. 305 (тел. 20-16-40)

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство БИЗНЕС-ПРЕССА, тел. (8422) 41-01-41;
через агентство УРАЛ-ПРЕСС Поволжье, тел. (8422) 44-40-60

Темы номера:

К 70-летию Великой Победы

Фото Павла Шалагина

Интересы Отчизны выше личных

Боеприпасы – фронту!

Вклад Ульяновского
патронного завода
в Победу

Ульяновская школа пилотов

Кузница
военных кадров

Дом-ателье архитектора Фёдора Ливчака

Новое культурное
пространство

Студенты пединститута
на занятиях по гражданской
обороне. Винновская роша.
1939

Фото из личного архива Константина Новенькова

О патриотизме

Любовь к Родине – это как воздух, которым дышишь, чтобы жить: он просто должен быть. Точно так же и сыновья любовь к Родине, только при её наличии человек на Руси живёт полноценно, ярко и счастливо. Для него важно и дорого всё, что вокруг, он стремится быть полезным и нужным, переживает за неудачи и трудности родной земли, а при возникновении угрозы её свободе – с оружием в руках идёт на защиту Отечества. Именно так поступал русский народ во все времена своего бытия, именно в этом залог величия и непобедимости России.

Самым суровым испытанием для нашей страны стала, безусловно, Великая Отечественная война. Десятки миллионов погибших и раненых, неисчислимое количество вдов и сирот, огромные страдания и неимоверное напряжение сил всего народа – вот безмерная цена Великой Победы, 70-летняя годовщина которой уже близко. Эта война – убедительнейшее проявление того удивительного русского, шире – российского феномена, имя которому – внутренняя убежденность человека в том, что его долг думать прежде всего о Родине, а потом о себе. Каждый понимал, что без этого не будет мира и счастья в родном доме, не будет того пусть и не во всём совершенного, не всегда справедливого,

но насквозь родного русского мира, без которого жить ему и его детям невозможно. Именно поэтому Александр Матросов бросился на амбразуру дзота, Иван Полбин и Владимир Хазов, не щадя своих жизней, шли в бой и уничтожали живую силу и боевую технику врага, оставшиеся без мужей женщины и подростки рвали свои жилы на полях и у станков, чтобы приблизить долгожданную Великую Победу.

И она пришла в мае 1945-го. Это был триумф нашей воли, нашей силы и нашего патриотизма, который питал своими животворными соками не одно поколение советских людей. Могу сказать о себе и о большинстве соотечественников поколения 50–70-х годов, что наша вера в страну, в себя была абсолютной.

Это не значит, что мы ставили себя выше людей из других стран или не хотели жить обеспеченнее и комфортнее. Просто мы знали и видели своими глазами, что страна год от года развивалась, нарастала мощь её экономики и обороноспособности, жизнь, пусть и не в миг, но становилась лучше. Мы понимали, что пряники с неба не сыплются, всему нужно время и напряжённый труд. И никому в голову не приходило даже подумать о том, что можно святое чувство патриотизма назвать, как это было подло сделано разрушителями страны в конце 1980-х, «последним прибежищем негодяев». Мы же уважали армию и гордились ей, попытки избежать призыва – исключительная редкость. Мальчишкам и девчонкам было за счастье

участвовать в военно-спортивной игре «Зарница», заниматься спортом, овладевать знаниями в системе ДОСААФ, участвовать в тимуровском движении, ходить в пешеходные походы по родному краю. Молодёжь постарше, как и в 1930-е, искала возможности приложить свои силы на великих и нужных стране стройках, овладеть овеянными романтикой специальностями геологов, лётчиков, космонавтов. Страна абсолютно искренне и задорно пела: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!». И это было настоящее счастье нашего народа.

Но, как известно, дьявол прячется в деталях. Мирная, размеренная жизнь при всей её прелести несёт в себе и серьёзную угрозу: она духовно ослабляет и создаёт иллюзию, что так, и даже лучше, будет всегда. Вот так незаметно, но неотвратимо в жизнь новых поколений, которые узнавали о войне только из учебников, входила уверенность в том, что никаких реальных бед и испытаний на их веку не предвидится и что их удел и жизненная цель – наслаждаться уже созданным предыдущими поколениями комфортом, а ещё лучше – стремиться к его умножению. А тут ещё, как черти из табакерки, выскочили торговцы ваучерами и создатели финансовых пирамид. Лукавые сказочники завели песни про «прелести рынка» и нашу «кровавую» историю, откровенные враги запустили разрушительные мемы-вирусы: «совок», «сталинизм», «империя зла». И, пожалуй, впервые в отечественной истории традиционный патриотизм у впавших в соблазн «прелестей Запада», заражённых инфекцией излишнего эгоизма, стал истончаться, а кто-то даже уверовал в мантры соросов и шустеров.

Такие массовые настроения неизбежно привели к тому, что великая страна оказалась поверженной. Помешать этому, к сожалению, не смогли даже те, кто ясно понимал гибельность этого пути, но передать это понимание своим детям и внукам не смог. Почему? Об этом – чуть ниже.

Мир социальной гармонии рухнул. Этот холодный душ не сразу, но с каждым годом всё сильнее и сильнее отрезвлял закружившиеся было головы, пробуждал задремавшие гены разумности и патриотизма, а Бог наградил Россию Путиным. У народа вновь появилась вера в себя и свою страну, появилась надежда выстоять в очередных неизбежных битвах за Россию. Но, чтобы это произошло, необходимо извлечь уроки из своих ошибок и поражений последних десятилетий XX века. А упущений в те годы было немало. И самая главная из них – недооценка людьми и прежде всего государством профессионализма и коварства противника. Разгул антироссийской пропаганды в СМИ, опошлявшей и дискредитировавшей ментальные основы нашей цивилизации, разрушал культурный код народа и его стержень – патриотизм. К этому добавилась стихия чиновничьей зашоренности в сферах образования, культуры и воспитания. Формализм, начётничество, писание бесконечных бумаг заменили собой реальную работу с людьми, прямой разговор с ними – высренными словами и обещаниями. Доверие к государству ослабло. Страна погибала.

Сегодня, в условиях горьких событий на Украине, беспрецедентной, открытой атаки Запада на Россию народ осознал серьёзность угроз, стоящих перед Россией и миром. В душах людей

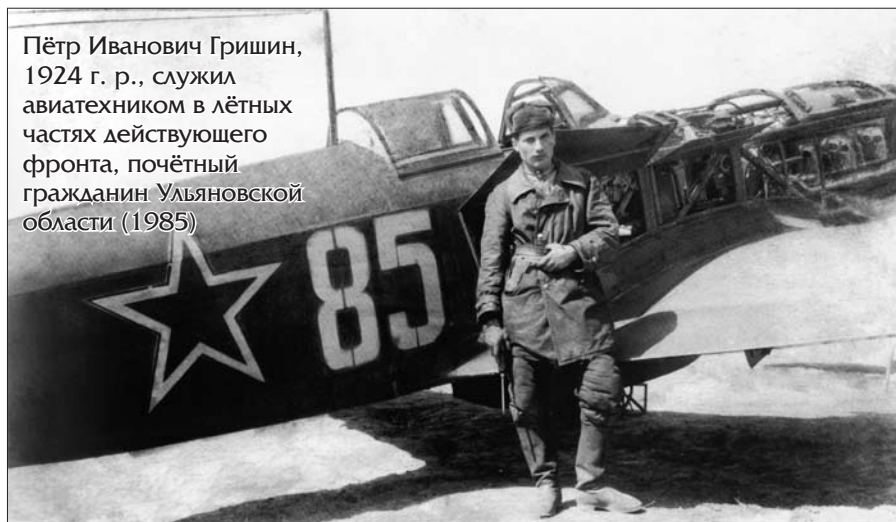
Абзал Низамович Замалдинов, 1913 г. р., (второй слева в первом ряду) принимал участие в сражениях под Москвой, на Украинском фронте

вновь ожили ключевые архетипные ценности патриотизма. И главное сегодня – не растерять это духовное богатство. Надо минимизировать парниковость в работе с молодёжью, самое время найти и доверить ей реальные и важные дела, в ходе работы над которыми молодые люди получали бы настоящую патриотическую закалку и опыт. В учебные заведения должны вернуться походы по родному краю, тимуровское движение, реальная подготовка к службе в армии. И более всего, наверное, нужно умножение в нашем обществе добра, милосердия, взаимопомощи. Вспомним пророческие и удивительно актуальные строчки великого Ф. Тютчева, написанные им полтора столетия назад:

*Из переполненной
господним гневом чаши
Кровь льётся через край,
и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас,
друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, –
возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно
железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем
спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...*

Неравнодушие, готовность защищать наши традиционные ценности и творить новую реальность; деятельная, творческая любовь к нашей удивительно прекрасной многонациональной России, к людям, к делу своей жизни; умение ставить интересы Отчизны выше личных – этого ждут от нас сегодня страна и история.

Вячеслав Егоров

Пётр Иванович Гришин, 1924 г. р., служил авиатехником в лётных частях действующего фронта, почётный гражданин Ульяновской области (1985)

Некоторые эпизоды из жизни генерал-лейтенанта Николая Гагена

Знакомый постоянным читателям журнала «Мономах» **Георгий Стоцкий**, племянник нашего земляка генерал-лейтенанта Н.А. Гагена, делом своей жизни считает борьбу с забвением. Его очерк о судьбе Николая Александровича, написанный в 2005 году, не стал последней страницей в биографии генерала. И после издания брошюры Георгий Борисович продолжил изучать воспоминания соратников своего дяди, участников Великой Отечественной войны, и открыл многие неизвестные ранее факты из жизни выдающегося военачальника Николая Гагена.

Н.А. Гаген. 1943

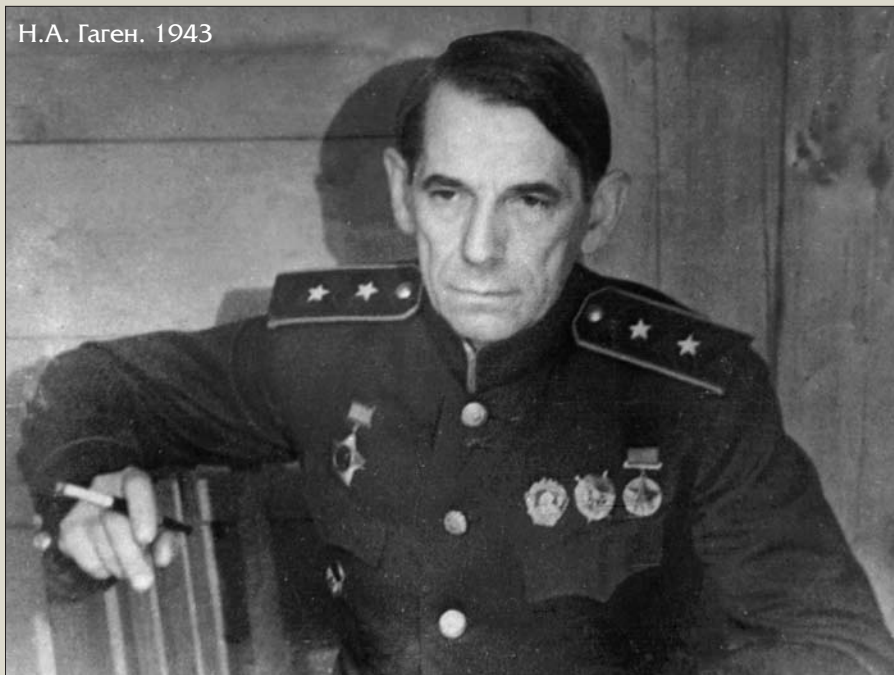

Фото из архива Георгия Стоцкого

После Первой мировой войны в декабре 1918 года Н.А. Гаген вернулся домой в родное село Промзино и весной 1919 года поступил на службу в систему народного образования. Но уже 22 июля 1919 года был призван Алатырским РВК в ряды Красной армии. С 13 августа 1919 года служил в Симбирске и Саратове. В 1928 году окончил Высшую военно-педагогическую школу в Ленинграде. В 1935 году работал в штабе Приволжского военного округа, с мая 1938 года – помощником начальника Казанского пехотного училища.

В Казани он был принят в партию, несмотря на неприятные обстоятельства, предшествующие этому событию: Гагену незаслуженно предъявили серьёзное обвинение. Начальник политуправления Приволжского военного округа в 1936–1937 годах латыш Август Иванович Мезис буквально спас его, заявив на заседании окружной партийной комиссии: «Начальника одного из отделов штаба (округа) Н.А. Гагена обвинили во враждебной деятельности. Это сущая ложь и клевета. Гаген – человек, преданный Советской власти».

Чтобы проверить нового кандидата в партию (заявление Гаген подал ещё в 1931 году) группа партийных

работников приехала в город Сенгилей к матери Николая Александровича, Вере Ивановне, и его сестре Зое Александровне. Его отец – Александр Карлович, бывший управляющий имением графа Рибопьера в Промзине, умер в 1938 году. Ничего предосудительного в жизни семьи Гаген комиссия не нашла. В мае 1939 года партийная организация Казанского училища приняла Николая Гагена в члены ВКП(б).

В штабе дивизии – «немецкие парашютисты-диверсанты»

Накануне Великой Отечественной Гаген служил в Уральском военном округе и занимался формированием 153-й дивизии. 14 июня 1941 года дивизия в составе всего Уральского военного округа получила приказ срочно следовать на запад для проведения маневров. Эшелоны следовали через Киров, Вологду, Тихвин. От Волхова их неожиданно повернули на юг к Западной Двине. На рассвете 22 июня, одновременно с нападением Гитлера на СССР, дивизия прибыла в Витебск. На город наступал 39-й механизированный корпус немцев. В 153-й дивизии, как и во всей 20-й армии, в состав которой

она входила, не было достаточного количества снарядов, а противотанковых ружей, мин не было вовсе. Тылы армии отстали, а местные склады боеприпасов были взорваны.

Командованием дивизии было решено обратиться прямо в Генштаб Красной армии с просьбой указать, где получить боеприпасы и вооружение. Передать такую телеграмму в Москву поручили начальнику особого отдела дивизии С.С. Захарову. Вот как вспоминал он о тех событиях: «...Командир дивизии Гаген Н.А., военком Захаров Е.С. и я в 6 часов утра прибыли в кабинет начальника УНКВД для разговора с Москвой. В кабинете находилось 10 солдат из войск НКВД, которые нас окружили, и начальник отдела отдал распоряжение арестованных посадить в одиночные камеры. Через час меня вызвал следователь, он предложил мне подписать заранее составленный протокол допроса обвиняемого в том, что я являюсь немецким парашютистом и перебросен в тыл для ведения шпионско-диверсионной работы. Этот протокол я не подписал, несмотря на угрозы и оскорбления. После чего я был вновь отправлен в камеру-одиночку.

Мне удалось установить контакт с командантом УНКВД, который по моей

просьбе сообщил в Витебский обком ВКП(б).

Под вечер меня туда доставили. Начальник УНКВД доложил о борьбе с немецкими парашютистами, заброшенными в наш тыл для шпионской и диверсионной работы, и указал на меня как на пойманного парашютиста немецких войск. Когда он закончил своё выступление, секретарь обкома спросил у меня, что я могу сказать по этому поводу. Я ответил, что начальник УНКВД области или немецкий пособник, или сумасшедший паникёр, который в столь ответственный момент обезглавил дивизию. О том, что арестованное командование дивизии не является немецкими парашютистами, может подтвердить весь личный состав дивизии, которая находится под Витебском. Я предложил освободить командование дивизии и вместе с членом обкома выехать в расположение дивизии, чтобы опровергнуть нелепый бред. Секретарь обкома сказал, что, видимо, так и придётся поступить, но начальник отверг это предложение, заявив, что уже принято решение их расстрелять, и не может быть речи об их выезде за черту города». Инцидент тогда закончился благополучно. Но с 6 часов утра до 7 часов вечера командование дивизии просидело в тюрьме в то время, когда враг был на подступах к городу

5 июля дивизия вступила в бой и смогла отбить все атаки противника. В дальнейшем она получила подкрепление – 293-й пушечно-артиллерийский полк резерва Главного командования, но для пехоты главным оружием по борьбе с танками стала зажигательная бутылка. Комдив приказал срочно собрать все солдатские стеклянные флаги. На пяти грузовых машинах выехали к заводу на окраине Витебска и реквизировали на складе всю стеклянную тару.

За пять дней дивизия отбила 26 атак немцев. Не добившись результата, противник обошёл дивизию на флангах, занял Витебск, а 153-я дивизия оказалась в полном окружении.

Ельнинская операция

С 30 июля 1941 года резервный фронт на западном направлении возглавил маршал Г.К. Жуков. 30 августа фронт перешёл в наступление с целью освободить Ельню. 24-я армия наступала на Ельню с северо-востока, 43-я армия – с юго-востока. Им помогала 153-я дивизия 20-й армии (полковник Н.А. Гаген). 23 августа дивизия получила из штаба

армии приказ атаковать сильно укрепленную высоту 249,9 у реки Днепр, перерезать железную дорогу Смоленск – Ельня у станции Добромрино, выбить гитлеровцев с этой высоты и отбросить их назад. Укрепленную высоту, господствовавшую на местности, обороняла дивизия СС. В жестоком рукопашном бою с 17-й попытки высота была отбита у врага. Но удержать высоту было не менее сложно, чем захватить её. Контратаки фашистов следовали одна за другой. Когда положение оказалось критическим, полковник Гаген и секретарь комсомольского бюро 505-го полка Азаров сами возглавили атаку бойцов на рвущихся на высоту эсэсовцев. 6 сентября Ельня была освобождена.

18 сентября 1941 года вышел приказ наркома обороны № 308 о переименовании четырёх отличившихся при освобождении Ельни дивизий в гвардейские. «В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-я, 127-я, 153-я, 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращая их в бегство, наводили на них ужас...» – отмечалось в приказе.

1-й Ленинградский фронт

Среди грандиозных жестоких и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны особняком стоят попытки советских войск прорвать кольцо блокады вокруг Ленинграда в 1941–1942 годах. Это бои под Синявинным и в направлении станции Любань. Во всех сражениях принимал непосредственное участие и полковник, а с 9 ноября 1941 года – генерал-майор Николай Александрович Гаген.

30 августа 1941 года немецкие войска захватили станцию Мга и перерезали последнюю железную дорогу в Ленинград. 8 сентября 1941 года они заняли Шлиссельбург. Продвинувшись до реки Чёрная и вдоль берега Ладожского озера, фашисты образовали полосу шириной 16 км, рассекающую войска Ленинградского фронта на внутреннюю и внешнюю часть блокадного кольца. Советское командование на внешней стороне спешно сформировало 54-ю армию.

15 сентября 1941 года 153-я дивизия полковника Н.А. Гагена после выхода из окружения, боёв под Смоленском

и у Ельни была выведена на переформирование в город Калинин (Тверь), но сделать этого не удалось. Став 3-й гвардейской дивизией после приказа наркома обороны от 18 сентября 1941 года, она была передана 54-й армии Ленинградского фронта. Её численный состав не превышал и трёх тысяч человек. 28 сентября 1941 года дивизия начала наступление в направлении посёлка Келколово.

Немцы отбили 9 атак дивизии, но всё-таки сдали 1-й Эстонский посёлок. 3 октября началось новое наступление в направлении станции Мга. Бои в районе Гайтолово-Тортолово велись по 8 октября и перешли в активную оборону до 19 октября 1941 года.

Это была первая Синявинская операция, в результате которой советским войскам удалось отвлечь на себя силы немцев от непосредственного наступления на Ленинград. В начале октября Г.К. Жуков отбыл в Москву, назначив И.И. Федюнинского командовать 54-й армией. Ставка Верховного командования требовала прорваться к Ленинграду. И 20 октября началось новое наступление – вторая Синявинская операция.

Ещё 2 октября 1941 года в ставке Гитлера был разработан план наступательной операции через Чудово, Тихвин, Волхов. Немцы решили, зайдя в тыл нашим войскам, находившимся между Волховом и Ладожским озером, окружить их и уничтожить. 8 ноября немцы взяли Тихвин. Обороняла Тихвин 4-я армия, с 7 ноября возглавляемая генералом армии К.А. Мерецковым, командующим 7-й армией Карельского фронта. 3-я гвардейская дивизия наступала в первом эшелоне через посёлок Гонтовая Липка на Синявино и посёлок № 7. Затем 3-я гвардейская срочно была переброшена к Волхову.

Историк Ю.А. Сяков в книге «Волхов в огне» так описывает события той осени: «В начале ноября полки 3-й гвардейской ходили в атаки на Синявинские высоты. Сражение там было отчаянное, не утихало ни на день, ни на час. Никто не отменял приказа прорвать блокадное кольцо... Командиру первого стрелкового батальона под командованием старшего лейтенанта С. Захарова с приданной ему артбатареей и бронепоездом № 60 была поставлена задача в срочном порядке по железной дороге Волховстрой – Тихвин идти навстречу противнику...».

14 ноября 1941 года отступающие и в конце измотанные части 311-й стрелковой дивизии были заменены более

боеспособными частями 3-й гвардейской дивизии. Пока дивизия разворачивала свои боевые порядки, вперёд была выдвинута пулемётная рота старшего лейтенанта Ф.Ф. Синявина. По замыслу Н.А. Гагена рота должна была заставить врага поверить, что передний край фронта именно здесь, на северной окраине деревни Морозово. Рота выполнила свою задачу и в течение суток сдерживала противника, а дивизия прочно встала на окраинах Волхова и ГЭС и не пустила врага дальше.

Ещё в начале осени 1941 года по решению ГКО СССР Волховская ГЭС была демонтирована, а её оборудование эвакуировано. Когда немцы подошли к Волхову, генерал И.И. Федюнинский получил разрешение взорвать местный алюминиевый завод, Волховскую ГЭС, железнодорожный мост и затопить паттерну.

Когда немцы подходили к городу, Гаген, чей НП располагался непосредственно на станции, получил устный приказ от Мерецкова на взрыв ГЭС. Гаген приказ не выполнил, решив обороняться до последнего и взорвать её вместе с собой только в том случае, если враг прорвётся. К счастью, немцы были отброшены от Волхова, и началось восстановление оборудования ГЭС. В мае 1942 года были смонтированы два агрегата, и 23 ноября 1942 года осаждённый Ленинград получил электричество из Волхова по подводному кабелю на дне Ладожского озера. Но до этого было ещё далеко, а вот на карьере самого Гагена отказ взорвать ГЭС сказался отрицательно.

9 декабря 1941 года войска 4-й армии генерала К.А. Мерецкова освободили Тихвин. Ставка Верховного Главнокомандования 17 декабря создала Волховский фронт от озера Ильмень до станции Кириши под командованием генерала армии К.А. Мерецкова. В него включили 4-ю, 52-ю, 59-ю и 26-ю армии (впоследствии 2-ю ударную). Генерал-майор Н.А. Гаген был назначен командиром Волховской оперативной группы, созданной в период обороны города Волхов. Так закончилась 2-я Синявинская операция. Она не дала немцам возможности соединиться с финнами и лишить город Дороги жизни через Ладожское озеро.

Волховский фронт

Верховное командование на базе управления Волховской опергруппы сформировало 4-й гвардейский корпус. В него вошли 3-я гвардейская

стрелковая дивизия, несколько стрелковых бригад, а также приданные ему для усиления танковые, артиллерийские и миномётные части. Командиром корпуса был назначен генерал-майор Н.А. Гаген. Начальником политотдела корпуса – бригадный комиссар Ф.А. Пухов.

13 января 1942 года Волховский фронт начал новую наступательную операцию с целью окружить немецкую группировку в районе города Кириши. Для этого 2-я ударная армия, которой отводилась главная роль, у Мясного Бора начала наступление с юго-востока на Любань. К.А. Мерецков в своей книге «На службе народу» всячески подчёркивал, что наступление началось по требованию Ставки, хотя фронт был совершенно не готов ни по численности боевого состава, ни по вооружению.

54-я армия Ленинградского фронта наступала навстречу с северо-востока. 4-й гвардейский корпус подключился к наступлению в марте, а 3-я гвардейская – в январе. Оборона немцев была прорвана у станции Погостье 16 марта 1942 года. Командир 140-й стрелковой бригады Б. Владимиров вспоминал: «За пять суток непрерывных боевых действий, несмотря на героизм солдат и офицеров, части первых двух эшелонов продвинулись всего на 6-10 км». За два месяца до Любанской операции немцы создали хорошо организованную, глубокую оборону. Местность для наступления была труднодоступной, болотистой, лесистой с глубоким снегом при полном бездорожье. Корпус был сформирован из множества мелких частей, управлять ими было очень сложно.

Первую половину апреля части корпуса вели борьбу за овладение Макарьевской пустыней и Смердыней, но все атаки, не поддержанные артиллерией из-за отсутствия снарядов, не имели успеха.

2-я ударная и 52-я армии при прорыве обороны противника в январе достигли ширины отбитой территории на западном берегу Волхова в 25 км, но в горле прорыва у Мясного Бора она составляла всего 3-4 км. В феврале её удалось расширить до 13 км. Позже 2-я армия вклинилась в глубину обороны немцев до 60 км. И её с 54-й армией разделяли не более 30 км. Но 19 марта 2-я ударная и некоторые части 52-й армий оказались в окружении. Прорваться к ним с внешней стороны пыталась 59-я армия. Бои у Мясного Бора шли до июня. Выйти из окружения удалось немногим. Командующий 2-й ударной

армией генерал Власов добровольно сдался в плен. Операция закончилась трагически. Командир 140-й стрелковой бригады, входившей в состав 4-го гвардейского корпуса, Борис Владимиров неоднократно вспоминал Гагена: «Генерал Гаген во время боевых действий несколько раз бывал в бригаде, хотя добираться до нас по болотам и под огнём противника было не просто. Мне импонировала его смелость, требовательность к себе и подчинённым и чувство огромной ответственности за порученное дело».

После Любанской операции материалы на награждение бойцов и командиров были направлены в штаб Волховского фронта. Ответ К.А. Мерецкова гласил: «Армия успеха не имела, в наградах отказать».

Советское военное командование решило готовить новую операцию по освобождению Ленинграда. Вышел приказ по созданию с 8 июня 1942 года единого Волховского фронта от Ладожского озера и на юг через Кириши до озера Ильмень. 8-я и 54-я армии Ленинградского фронта вошли в состав Волховского фронта генерала армии К.А. Мерецкова.

Новое наступление планировалось вновь у Синявина, в самом узком месте блокадного кольца. В 3-й Синявинской операции планировалось наступление в три эшелона: первый эшелон – усиленная 8-я армия, второй – 4-й гвардейский корпус и третий – 2-я ударная армия.

Гитлер, в свою очередь, готовил окончательный штурм Ленинграда – операцию «Северное сияние». Для этого после падения Севастополя под Ленинград перебрасывалась вся 11-я армия, дальнобойная осадная артиллерия и воздушный флот с Крымского полуострова. 27 августа 1942 года прибыл штаб Манштейна и часть армии.

4-й гвардейский корпус получил приказ фронта с 25 по 27 августа 1942 года срочно передислоцироваться к месту будущего прорыва.

1 сентября в прорыв был введён 4-й гвардейский корпус в составе 4-х бригад, усиленный двумя дивизиями. Немцы яростно оборонялись, имея свою артиллерию на укрепленных высотах, они непрерывно обстреливали наступающие части. В воздухе господствовала немецкая авиация.

Борис Владимиров писал: «Части,двигающиеся на усиление корпуса, подверглись такой сильной бомбёжке, что подразделения трудно было собрать. Многие бойцы после удара

авиации разбредались и небольшими группами бродили по нашим тылам в поисках своих частей».

На болотах вокруг приходилось строить гати. За три дня наступления части корпуса смогли продвинуться ещё на 3 км, но потом остановились. 4 сентября Гаген ввёл в прорыв все свои войска.

4 сентября 1942 года Гитлер приказал Манштейну принять на себя командование всеми войсками южнее Ладожского озера и восстановить прежнее положение на фронте. Манштейн ввёл в бой дивизии 11-й армии. С других участков фронта было переброшено до 500 самолётов, которые непрерывно бомбили и штурмовали наши войска. 8 сентября Мерецков ввёл последний свой резерв – малочисленную 2-ю ударную армию.

8 сентября генерал-майор Гаген приказом по Волховскому фронту был назначен заместителем командующего 4-м корпусом, а командующим стал генерал-майор С.В. Рогинский.

Сам К.А. Мерецков такую замену объяснил следующим: «Между родами войск не было организовано тесного взаимодействия. Командир корпуса генерал Гаген, ранее проявивший себя с положительной стороны, на этот раз не сумел осуществить твёрдого руководства. Командованию фронта пришлось вмешаться в управление боевыми действиями корпуса». Объяснение более чем странное. 8-я армия не обеспечила огневую поддержку при вводе корпуса, фронт не проконтролировал этого, а виноватым оказался Гаген.

20 сентября 1942 года немцы перешли в общее контрнаступление. К этому времени обжитая советскими войсками территория прорыва представляла каплеобразную форму с узкой частью восточнее реки Чёрная. 25 сентября немцы ударами с севера и юга замкнули кольцо окружения у деревни Гайтолово.

Г.Г. Борисов, бывший пулемётчик отдельного разведывательного батальона 4-го гвардейского корпуса, вспоминал: «После ввода корпуса в прорыв туда переместился и полевой штаб. В дремучем лесу были подготовлены три блиндажа, но Гаген сказал: «Я должен воевать и находиться на переднем крае, а не отсиживаться в тылу. Мне нужен КП на поле боя». Через некоторое время КП стоял в 200–300 метрах от передовой. Но к этому времени корпус и другие части были окружены. 26 сентября 1942 года по приказу фронта войска 2-й ударной армии начали

Парад Победы. Командующий 26-й армией Н.А. Гаген – пятый слева. Москва. 24 июня 1945 года

отход на восточный берег реки Чёрной. Генерал-майор Гаген, не добившись помощи извне, решил создать «кулак» для прорыва изнутри, но и это ему не удалось. Какой-то полковник передал приказ: «Частям выходить, кто как может». При КП Гагена осталось 16 человек. 28 сентября он разбил их на две группы. 13 человек должны были принять ночные самолёты, забрать сколько смогут боеприпасов и продовольствия, остальное утопить в болоте и следовать на выход за ним.

В ночь на 29 сентября эта группа ползком благополучно добралась до первой траншеи обороны линии фронта. Но в этот же день полевой штаб 4-го корпуса нарвался на оборону немцев и почти полностью погиб. Гаген просидел сутки в воронке с водой, дождался оставшихся и вышел из окружения.

Из воспоминаний Владимирова: «3 октября пришёл приказ выйти в резерв фронта в район села Никольское. В этом селе мы совершенно случайно встретили нашего, теперь уже бывшего, командира корпуса Н.А. Гагена. Измученный, худой, с посохом и автоматом, он только что вышел из окружения и направлялся в штаб фронта. Мы были искренне рады видеть его живого, избежавшего плена. Несмотря на свои немолодые лета, он нашёл в себе силы и мужество прорваться из кипящего котла окружения. Несколькими днями позже мы с комиссаром бригады

навестили генерала Гагена. Он находился в распоряжении штаба фронта, где его привлекли к ответственности за потерю руководства соединениями корпуса в ходе боёв. Нас возмутили предъявленные ему обвинения, так как мы знали, как корпус вводился в сражение. Нужно было, видимо, найти козла отпущения, чтобы настоящим виновникам всех бед в Синявинской операции остаться в тени. Удобной фигурой оказался боевой труженик генерал Гаген. Впоследствии, однако, он сумел себя полностью реабилитировать как командир корпуса, и начатое дело было прекращено...».

Наши людские потери в 3-й Синявинской операции были огромны, но и немецкая сторона израсходовала ресурсы, предназначенные для штурма Ленинграда. Город Ленина был спасён от немецкого вторжения.

Впереди у генерала Гагена были ещё Сталинградская битва, разгром Белгородско-Харьковской группировки врага, участие в Яско-Кишинёвской операции, освобождение европейских столиц от фашистов. Закончил Великую Отечественную войну Николай Александрович генерал-лейтенантом, командующим армией в Австрии и Парадом Победы на Красной площади в Москве.

Фото из личного архива Георгия Стоцкого

Ульяновская школа пилотов

Отражение героической истории в филателии

В апреле 2012 года издательский центр «Марка» выпустил в почтовое обращение конверт с изображением здания Ульяновского автомеханического техникума. Конверт появился по инициативе Ульяновского отделения Союза филателистов России (СФР) при поддержке УЛГУ, в ведении которого находится техникум. В этом историческом здании Ульяновска (построено для ремесленного училища Робертом Гёдике в 1871 году на средства, пожертвованные бывшим симбирским губернатором В.В. Орловым-Давыдовым и его отцом Владимиром Петровичем) в 30-х и 40-х годах прошлого века размещалось первое в Ульяновске учебное заведение, которое готовило лётчиков и авиационных специалистов.

В августовском номере 1931 года ульяновской газеты «Пролетарской путь» жители города могли прочитать такой заголовок: «Лётная школа прибыла в Ульяновск». Газета сообщала: «17 августа прибыла в Ульяновск краевая авиационная школа гражданской авиации. Школа существует уже второй год и находилась до сих пор непосредственно в Самаре. В середине этого года состоялся первый выпуск пилотов. Из-за неимения в Самаре подходящего земельного участка для аэродрома школу решили перевести в Ульяновск, где имеются налицо все условия для авиационной школы. Были и другие причины перевода: центральный совет ОСО решил создать кузницу кадров

для гражданской воздушной флотилии на родине Ильича».

Для размещения Ульяновской краевой лётной школы Осоавиахима были выделены здания в центре города на улице Гимова. Теперь в одном из них находится Ульяновское музыкальное училище, в другом – городской Дворец бракосочетания. Оба этих здания также можно увидеть на почтовых конвертах, выпущенных почтой СССР в 1976 году и почтой России в 2008 году.

На этом развитие авиационного образования в нашем городе не закончилось. Не прошло и пяти месяцев, как на набережной реки Свяги в здании бывшего ремесленного училища был открыт 1-й Всесоюзный авиатехникум

ЦС Осоавиахима. Однако и на этом создание учебной базы не завершилось. Приказом ЦС Осоавиахима от 05.11.33 Ульяновская лётная школа и авиатехникум были преобразованы в Объединённую школу пилотов и авиатехников Осоавиахима.

В 1931–1933 годах школа готовила пилотов, а с 1933 года – инструкторов-лётчиков и авиатехников. По особой программе подготавливали инструкторов-лётчиков-парашютистов. В феврале 1933 года состоялся первый выпуск курсантов лётной школы. Школа являлась важным методическим центром авиации Осоавиахима. На её базе регулярно проводились учебно-методические сборы руководителей и специалистов аэроклубов.

В первые годы работы её самолётный парк состоял из учебных самолётов У-2 (По-2), УТ-1, УТ-2 и боевых самолётов того времени И-5, И-15 бис и самолёта-разведчика Р-5.

В 1940 году произошло событие, которое значительно повлияло на жизнь лётной школы. Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О военно-воздушных силах Красной Армии» № 2265-977сс от 5 ноября 1940 года Херсонская, Ульяновская и Астафьевская школы подготовки инструкторов-лётчиков Осоавиахима были переданы со всем личным составом, с квартирным, казарменным фондом и имуществом Наркомату обороны. Изменилось и название лётной школы. Теперь она носила название «Ульяновская военная авиационная школа пилотов». С преобразованием Ульяновской лётной школы в военную авиашколу началась ускоренная подготовка лётных кадров для Военно-воздушных сил Красной армии. Сначала на истребителях И-15 бис, многоцелевых самолётах Р-5, а затем, вплоть до окончания войны, на новинке того времени – «летающем танке» – самолёте Ил-2.

Штурмовик Ил-2 можно увидеть на марках СССР 1945 и 1946 годов, России 1994 года (совместный выпуск России, Украины и Белоруссии) и 2011 года, Кубы 1995 года, Мальдивских островов 1995 года, а также на почтовых конвертах и карточках. К 50-летию ОКБ им. Ильюшина в 1983 году почта СССР выпустила почтовую карточку с оригинальной маркой, на которой изображён барельеф Ильюшина и его знаменитые штурмовики в полёте.

В 1945 году в связи с сокращением Вооружённых сил Ульяновская военная авиационная школа пилотов была расформирована.

История Ульяновской лётной школы пилотов во многом осталась забытой. И это неудивительно. Так часто случается с теми организациями, которые прекратили по ряду причин своё существование и у них не осталось правопреемника в лице новой организации, продолжавшей бы их деятельность. Однако лётная школа – это учебное заведение, которое готовило защитников Отечества. В своей книге «В небе Ульяновска» (1984) авторы А.С. Вотинцев – преподаватель, начальник учебной части школы, и Г.Н. Фёдоров – журналист, помощник начальника школы по политчасти, пишут: «По неполным данным, 25 воспитанников Ульяновской лётной школы удостоены высокого звания Героя Советского Союза... Есть среди питомцев школы и Герои Социалистического Труда, видные генералы, заслуженные лётчики, мастера парашютного спорта, рекордсмены мира по высшему пилотажу».

Наши исследования, проведённые в последние годы, позволили сказать: «По неполным данным, 56 воспитанников Ульяновской лётной школы удостоены высокого звания Героя Советского Союза, один – звания Героя России (за подвиги, совершённые в годы Великой Отечественной войны) и один – звания Героя Социалистического Труда».

Некоторым выпускникам Ульяновской лётной школы – Героям Советского Союза – посвящены почтовые конверты, выпущенные в СССР, России и Белоруссии.

Первым лётчиком – уроженцем Симбирска, который удостоен звания «Герой Советского Союза», был Николай Семёнович Герасимов. Это высокое звание было присвоено ему 22.02.1939 года за героизм, проявленный в боях с фашизмом в Испании.

В сентябре 1933 года он окончил Ульяновскую школу пилотов. Свой боевой путь начал в 1938 году в небе Испании. Командир звена, эскадрильи И-16, старший лейтенант Н.С. Герасимов совершил 80 боевых вылетов. Был ранен. Здесь он обрёл испанского лётчика-побратима Альфонсо-Гарсиа.

Случилось это так. В районе Испании, где воевал Николай, находились два аэродрома для русских и испанских лётчиков. С русского аэродрома было хорошо видно, как шестёрка «мессер» атаковала возвращавшийся на испанский аэродром бомбардировщик.

Лётчик бомбардировщика бросал машину то вверх, то вниз, маневрировал из стороны в сторону, но бой был неравен. Казалось, спасения нет, но вдруг случилось чудо: «мессеры» вместо последней, решающей атаки бомбардировщика отстали от него. Оглянувшись, Альфонсо-Гарсиа (это он сидел за штурвалом бомбардировщика) увидел, как советский доброволец направил свой самолёт навстречу «мессершмитту». В лобовой атаке нервы Николая Герасимова оказались крепче, чем у немецкого лётчика: фашистский самолёт полетел вверх, и огненные траассы полоснули по нему. Но остальные немецкие истребители набросились на самолёт Герасимова. Гарсиа видел это, однако на своей потерявшей маневренность и скорость машине он уже ничем не мог помочь ему. Он еле дотянул до своего аэродрома, а русский истребитель, задымившись, пошёл к земле.

На следующий день Альфонсо пытался найти своего спасителя, но на русском аэродроме ему сказали, что спасший его лётчик Герасимов не вернулся на свой аэродром и его посчитали погибшим. Однако Николай не погиб и продолжил свой боевой путь.

После разгрома Республиканской Испании Альфонсо вынужден был покинуть свою родину. Он приехал в СССР, принял советское гражданство и взял себе фамилию своего спасителя – Герасимов. Так случилось, что во время Великой Отечественной войны им приходилось воевать против фашистов рядом друг с другом, но они и не подозревали об этом. И только после смерти Герасимова Альфонсо узнал о том, что его спаситель остался жив после того боя в небе Испании, но он уже смог встретиться только с семьёй Николая Герасимова.

С начала Великой Отечественной войны Николай Герасимов командовал

авиаполком, громил врага под Сталинградом, а в 1943 году в звании полковника возглавил авиадивизию, участвовал в боях на Курской дуге, в освобождении Украины, Польши, Чехословакии.

Всего за время боевых действий в Испании, на Халхин-Голе, в финской и Великой Отечественной войнах он совершил около 500 боевых вылетов, сбил 16 самолётов лично и 10 в составе группы.

В 2011 году, по предложению Ульяновского отделения СФ Почта России выпустила к столетию героя-лётчика почтовый конверт и специальный штампель, посвящённый его юбилею. На торжественной процедуре проведения спецгашения, которая состоялась на Главпочтамте Ульяновска, присутствовал племянник Николая Герасимова, который выразил большую благодарность ульяновским филателистам за организацию выпуска конверта с портретом его родного дяди.

Известным выпускником школы является Александр Константинович Горовец – заместитель командира 1-й эскадрильи 88-го гвардейского истребительного авиационного полка, гвардии старший лейтенант.

Александр окончил лётную школу в 1935 году. На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1942 года.

6 июля 1943 года он вылетел в составе эскадрильи на патрулирование. Когда эскадрилья после выполнения задания возвращалась назад, Горовец со своим ведомым летели замыкающими. Неожиданно их пару атаковали «мессершмитты». Прикрывая ведущего, ведомый бросился им навстречу. В это время Горовец заметил группу из 20 вражеских бомбардировщиков Ju-87. Пока ведомый дрался с «мессершмиттами», он развернул свой истребитель и один бросился на бомбардировщики. Первой же очередью сбил флагмана. Затем стремительно атаковал следующий самолёт врага. Вспыхнул и развалился в воздухе второй «юнкерс», затем загорелся третий. Строй немцев распался, они стали рассредотачиваться, а Горовец снова и снова шёл в атаку.

Так он сбил 8 самолётов противника. Когда был израсходован боезапас, он нанёс удар винтом по хвостовому оперению девятого бомбардировщика. Возвращаясь на повреждённом самолёте на свой аэродром, Горовец попал под неожиданный удар четырёх вражеских истребителей FW-190. Он начал маневрировать, уходить от вражеских очередей, но силы были слишком неравными. Его самолёт был подбит и лётчик погиб. А.К. Горовец – единственный советский лётчик, сбивший такое количество самолётов противника в одном бою. 28 сентября 1943 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В 1967 году Почтой СССР был выпущен почтовый конверт с портретом героя, а почта Белоруссии в 2003 году выпустила конверт с портретом лётчика и изображением фрагмента воздушного боя.

В 1937 году лётную школу окончил Владимир Игнатьевич Стрельченко. За время войны он совершил 240 боевых вылетов, сбросил на фашистов 140 тонн бомб, уничтожил 17 самолётов, более 50 танков, до 700 солдат и офицеров противника. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему в феврале 1944 года. А в январе 1944 года он получил указ от короля Великобритании Георга VI, в котором было написано:

«Поскольку Мы считаем Вас достойным для номинирования и назначения Почётным Членом Военной Дивизии, Нашим вышеуказанным Высочайшим Указом Британской Империи Мы даруем Вам звание Почётного

Члена и даём право носить вышеуказанное Звание и Ранг Почётного Члена и пользоваться всеми надлежащими и сопутствующими привилегиями».

Не много советских лётчиков получили такой указ от наших союзников и были удостоены одной из высших наград Великобритании.

Почта СССР в 1990 году выпустила конверт с портретом героя.

Конверт, посвящённый Герою Советского Союза, выпускнику Ульяновской лётной школы, лётчику-штурмовику Ивану Федотовичу Якурнову, вышел к его столетнему юбилею в октябре 2012 года.

Жизнь прославленного лётчика тесно связана с Ульяновском. И хотя родился он в Кировской области, стал лётчиком в нашем городе. В 1938 году окончил Ульяновскую школу пилотов и авиатехников Осоавиахима. На фронтах Великой Отечественной войны с января 1943 года. Был командиром звена, эскадрильи, заместителем командира авиаполка по технике пилотирования. Всего за годы Великой Отечественной войны Иван Федотович совершил 201 боевой вылет. Такой результат был достигнут благодаря его личной отваге и, несомненно, высокому профессиональному мастерству боевого лётчика. Далеко не каждый лётчик смог совершить такое количество боевых вылетов за неполных 2,5 года участия в боевых действиях. А воевал он на знаменитом самолёте-штурмовике Ил-2.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом

Первое торжественное гашение конверта, посвящённого 100-летию Героя Советского Союза И.Ф. Якурнова

Вручение конверта с портретом Героя Советского Союза Б.П. Алексеева ветерану Великой Отечественной войны В.А. Уланову

мужество и героизм гвардии старшему лейтенанту Ивану Федотовичу Якурнову 26 октября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза

После войны, с 1950 года и до конца жизни Иван Федотович жил в Ульяновске, работал в Ульяновской школе высшей лётной подготовки гражданской авиации: лётчиком-инструктором, диспетчером службы движения. Был одним из создателей в школе музея истории авиации.

Поэтому неудивительно, что юбилей И.Ф. Якурнова был широко отмечен в школе высшей лётной подготовки, которая теперь преобразована в Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации. В училище и сегодня работают люди, которые лично знали его по совместной работе. Юбилейное собрание состоялось в конференц-зале УВАУ ГА, на нём присутствовали руководители и преподаватели училища, ветераны УВАУ ГА, курсанты училища и приглашённые на это торжество гости. Среди почётных гостей были две дочери Якурнова, одна из них рассказала о своём отце.

После короткого выступления заместителя директора Ульяновского УФСБ было проведено первое торжественное гашение конверта, посвящённого 100-летию И.Ф. Якурнова. Право его проведения было предоставлено дочери Якурнова (В.И. Шумковой), заместителю ректора УВАУ ГА Е.П. Кожендаеву и представителю УФСБ А.Н. Бирюкову.

Шестого июня 2013 года к 100-летию со дня рождения лётчика-штурмовика, выпускника Ульяновской военной авиационной школы пилотов,

Героя Советского Союза Бориса Павловича Алексеева Почтой России был выпущен почтовый конверт с его портретом.

До войны Борис Алексеев жил и работал в Ульяновске. В 1938 году был призван в армию. Участвовал в сражениях Великой Отечественной, защищал Сталинград, был заместителем командира эскадрильи штурмовиков Ил-2. 19 декабря 1942 года Алексеев, ведущий четырёх самолётов Ил-2, совершил смелый налёт на сильно укрепленный рубеж противника и большое скопление его танков.

Несмотря на сплошную заградительный зенитный огонь противника, группа успешно нанесла удары по вражеским частям, мешающим продвижению наших войск. В результате этих атак было уничтожено 12 танков, 17 автомашин с грузом и живой силой, до 10 повозок с боеприпасами, две цистерны с горючим, до двух взводов пехоты, подавлен огонь двух зенитных батарей. В этом бою самолёт Алексеева был сильно повреждён, сам лётчик тяжело ранен и погиб при подходе к своему аэродрому.

Торжественная презентация конверта была проведена в Ульяновском областном краеведческом музее. Именно музей предоставил организаторам

выпуска конверта фотографию Бориса Алексеева, которая стала основой для создания портрета героя на конверте.

На презентацию были приглашены участники Великой Отечественной войны, ветераны тыла, члены совета ветеранов Ульяновска, работники почты и, конечно, ульяновские филателисты. Приехала из города Новоульяновска и Е.Р. Морозова – создатель в новоульяновской школе № 1 музея «Люди легенд». Этот музей посвящён Ульяновской лётной школе и был создан под её руководством учащимися школы.

На презентации выступил полковник авиации Василий Александрович Уланов. Собравшиеся в зале с большим интересом слушали боевого лётчика. Свой боевой путь Василий Уланов начал в 1944 году, когда ему было всего 17 с половиной лет, а последний боевой вылет совершил 8 мая 1945 года. Всего на его счету 72 боевых вылета в качестве воздушного стрелка на штурмовике Ил-2.

В завершение презентации было проведено гашение конверта, а работники почты подарили конверт Бориса Алексеева в подарочной рамке Василию Александровичу Уланову, а также директору Новоульяновского музея «Люди легенд» и заместителю директора Ульяновского краеведческого музея.

И впредь Ульяновское областное отделение СФР будет продолжать добрую традицию по организации выпуска почтовых конвертов, посвящённых ульяновским героям Великой Отечественной войны.

Виктор Будкевич,
почётный член СФР

Боеприпасы – фронту!

**Вклад
Ульяновского
патронного завода
в Победу**

Ульяновский патронный завод № 3 им. Володарского внёс весомый вклад в Победу, однако в региональных СМИ и краеведческих исследованиях об этом говорится крайне мало.

Во время Великой Отечественной войны патронный завод № 3 был ведущим промышленным и оборонным предприятием в Ульяновской области. В сборнике 1974 года «Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): документы и материалы» отмечалось, что завод за годы войны изготовил продукции на сумму свыше 1,7 млрд рублей, в то время как общий суммарный объём продукции предприятий области за военный период в денежном выражении – 3 млрд рублей. В книге И.М. Зонтова и А.И. Смирнова «Ровесник Октября» (1987), посвящённой 70-летию завода, подчёркивалось, что за годы Великой Отечественной патронным заводом было выпущено столько продукции, сколько за все предшествующие 24 года. Свыше полутора тысяч работников завода ушли на фронт.

Новая информация о деятельности патронного завода приведена в первом томе (2007) издания «Солдаты трудового фронта», где отмечено, что за период войны завод отправил советским войскам более пяти миллиардов патронов.

В общероссийских исследованиях деятельность Ульяновского патронного завода в военное время получила исключительно высокую оценку. В работе 1985 года «Оружие Победы», вышедшей под общей редакцией Владимира Николаевича Новикова, в годы Великой Отечественной являвшегося заместителем народного комиссара вооружения СССР, отмечена

В.С. Иванов

Дайте фронту больше оружия и боеприпасов для победы над врагом! 1942

ключевая роль Ульяновского патронного завода в начальный период войны 1941–1942 годов. В главе «Патроны» указывалось, что продвижение врага в глубь страны в 1941 году подвергло все советские патронные предприятия, за исключением завода в Поволжье, угрозе непосредственной немецкой оккупации. Эвакуация кадров и оборудования на Урал, в Сибирь, Алтай, Среднюю Азию осенью 1941 года привела к тому, что на Ульяновский патронный завод была

возложена главная нагрузка по снабжению армии патронами.

В советском исследовании из-за секретности нет полного наименования завода, но даже географическая привязка предприятия к Поволжью позволяет со стопроцентной уверенностью говорить, что имелся в виду ульяновский завод, так как в предвоенный период и даже в военное время в Поволжье не было ни одного сопоставимого с ульяновским заводом по масштабам производства патронного предприятия.

В вышедших в 1988 году воспоминаниях «Накануне и в дни испытаний» В.Н. Новиков представил очень выразительную оценку роли Ульяновского патронного завода в военный период. О времени эвакуации патронных заводов осенью 1941 года он написал: «Враг приближается к патронным заводам, расположенным на западе, а там – большинство из них. Начинается эвакуация. Может наступить патронный «голод». Надежда на один наш самый крупный завод, который находится в глубоком тылу на Волге (выделено мной. – А.Д.). Это предприятие одно способно выпустить миллиарды патронов в год, но весь пробел с боеприпасами оно не закроет. Боеприпасы ведь разные: pistolетные, винтовочные, для крупнокалиберных пулемётов, противотанковых ружей и т. д. Надемся на гражданские предприятия, пока переместим основные заводы».

Исключительно тяжёлое время. Острая потребность фронтов в боеприпасах требовала максимального напряжения сил ульяновских заводчан. В.Н. Новиков писал об этом: «Нарком (народный комиссар вооружения СССР Д.Ф. Устинов. – А.Д.) опять требует поднажать. Нажимаем, сколько есть сил. Выручает завод на Волге. И на новых местах уже люди осваиваются».

В воспоминаниях Владимир Николаевич отметил, что в годы войны побывал на Ульяновском патронном заводе: «Д.Ф. Устинов нередко в ходе войны поручал мне в связи с болезнью заместителя наркома А.Н. Сергеева непосредственно заниматься патронным производством. Бывая на заводах,

я видел всё, что тут происходило, своими глазами. Особое впечатление произвёл на меня крупнейший патронный завод на Волге, который один давал миллиардные количества боеприпасов различного назначения для стрелкового и авиационного вооружения, а также для противотанковых ружей. Как и на других заводах патронного производства, здесь в основном работали женщины и подростки 14–16 лет. На рабочих местах вместо ушедших на фронт мужей стояли их жёны, отцов заменили дети».

В современных российских исследованиях важнейшая роль Ульяновского патронного завода в начальный период войны подчёркнута в статье Б. Давыдова «Отечественные патронные заводы» (2002). Автор писал, что к началу Великой Отечественной войны действовали семь патронных заводов, включая Ульяновский № 3. Четыре завода располагались на территории Москвы и Московской области: № 44 в Москве (Марьино Роща), № 17 в Подольске, № 46 в Кунцево, № 188 в Климовске. В Туле патронный завод № 38 и завод № 60 в Ворошиловграде. Осенью 1941 года линия фронта приблизилась к Москве, Туле, Ворошиловграду. Патронные заводы были эвакуированы. «Таким образом, завод в Ульяновске оказался единственным, устойчиво работавшим патронным предприятием в конце 1941-го – начале 1942 года. Он же снабжал «коллег» заготовками. Помогло то, что это был второй по размерам патронный завод с высоким уровнем автоматизации, заложенным здесь в предвоенные годы», – отмечал в статье Б. Давыдов.

Исследователь Р.Н. Чумак в книге 2007 года «Русский 7,62-мм винтовочный патрон. История и эволюция» в главе «Производство винтовочных патронов в ходе Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» указал: «На период эвакуации основная нагрузка по производству патронов легла на Новосибирский патронный завод № 179 и Ульяновский патронный завод № 3, из которых последний в то время был ведущим и одним из самых мощных предприятий отрасли, производившим практически всю номенклатуру патронов стрелкового оружия».

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что патронный завод № 3 был основным поставщиком патронов для фронтов западного направления в период битвы под Москвой (30 сентября 1941 года – конец апреля 1942 года). В воспоминаниях маршала

Эйгес О.В.

Чем крепче тыл – тем крепче фронт! 1941

Г.К. Жукова, руководившего советскими войсками в Московской битве, подчёркивалось, что из-за ограниченности ресурсов страны в период битвы за Москву потребности войск не удовлетворялись в полном объёме. В результате каждый действующий оборонный завод с крупным налаженным производством был невероятно ценен для военного и политического руководства. Так что награждение Ульяновского патронного завода орденом Трудового Красного Знамени по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1942 года с формулировкой «за образцовое выполнение заданий правительства по производству и освоению новых видов вооружения» явилось официальным признанием огромного вклада предприятия в первую стратегическую победу над гитлеровскими войсками.

Конечно же, Ульяновский завод внёс значительный вклад во все крупные битвы Великой Отечественной. Как отмечалось выше, за время войны ульяновским предприятием было изготовлено более пяти миллиардов патронов. В.Н. Новиков в своих воспоминаниях «Накануне и в дни испытаний» указал количество патронов, произведённых всеми предприятиями: 21,4 миллиарда. Таким образом, на Ульяновском патронном заводе № 3 была изготовлена почти четверть общего количества произведённых патронов разных номенклатур за период Великой Отечественной войны.

Антон Долматов

В.А. Серов. Заменим! 1941

Родом из Симбирской губернии

Д.Н. Гусев

Военная карьера уроженца Карсунского района генерал-полковника Дмитрия Николаевича Гусева началась ещё в Гражданскую: он был командиром батальона, командиром стрелкового полка, дивизии, в мирное время – преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе, зам. начальника штаба ПрибВО. Во время Великой Отечественной войны – начальником штаба 48-й армии, начальником штаба Ленинградского фронта, с апреля 1944 года – командующим 21-й армией. 6 апреля 1945 года генерал-полковнику Гусеву присвоено звание Героя Советского Союза. С 1955 года – в отставке. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени, Кутузова I степени, Красной Звезды, медалями, иностранными орденами и медалями. Умер 25 августа 1957 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Начинал учеником писаря

О детстве и юности, родительской семье Героя Советского Союза Д.Н. Гусева известно немного. Собственных мемуаров и воспоминаний военачальник не оставил.

Наиболее ценный в этом отношении документ – его автобиография, содержащаяся в личном деле генерал-полковника Д.Н. Гусева из архива Минобороны. Она была составлена комбригом Д.Н. Гусевым в августе 1939 года, пребывавшем тогда в должности преподавателя общей тактики Краснознамённой и ордена Ленина Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе:

«Родился в 1894 году в городе Карсуне Куйбышевской области. Отец мой по происхождению кантонист (солдатский сын, со дня рождения числившийся за военным ведомством Российской империи. – Авт.), частный присяжный поверенный (адвокат по гражданским и уголовным делам. – Авт.), умер в 1910 году. Мать из крестьян, домашняя хозяйка, умерла в 1930 году... сестра Александра живёт в Карсуне, занимается домашним хозяйством. Вдова. Вторая сестра Елена – учительница на станции Инза Московско-Казанской железной дороги. Брат Анатолий в 1938 году арестован органами НКВД и выслан на 10 лет...

...Самостоятельно начал работать с июня 1910 года, после смерти отца (в том же году Дмитрий окончил Карсунское городское училище. – Авт.),

поступив на службу в Карсунское полицейское управление по месту жительства писарским учеником. В 1911 году перешёл на службу в Карсунское казначейство, в котором работал до 1916 года – момента призыва в старую царскую армию...».

Бывший дом семьи Гусевых в р.п. Карсун (ныне ул. Лебедева, 29) с мемориальной табличкой «В этом доме жил Герой Советского Союза Д.Н. Гусев». Фото ранее 2000 года

Первый опыт армейской службы

Снова читаем строки автобиографии Д. Гусева и узнаём, что в июне 1916 года он был принят на службу карсунским воинским начальником и направлен в 150-й запасной стрелковый полк в город Вольск рядовым. В декабре 1916 года был командирован в Оренбургскую школу прапорщиков, которую окончил в июне 1917 года и произведён в прапорщики. После месячного пребывания на родине

в запасном стрелковом полку был направлен с маршевой ротой на австрийский фронт в 75-й Севастопольский стрелковый полк, где и пробыл до конца декабря 1917 года. Возвратившись в конце 1917 года по демобилизации с фронта, вновь поступил на службу в Карсунское казначейство в должности контролёра сберегательной кассы и проработал до апреля 1919 г. – момента призыва в РККА.

Прапорщик Гусев. Подольская губерния. Октябрь 1917 года

Дополняя анкетные данные автобиографии, Д. Гусев указал, что «во время Февральской революции находился в Оренбурге в школе прапорщиков, юнкером. Во время Октябрьской революции находился на фронте в составе 75-го Севастопольского с.п., младшим офицером роты, участвовал в собраниях...».

От помкомроты до преподавателя академии

В апреле 1919 года началась служба Д.Н. Гусева в рядах РККА. Первые должности – помощник командира роты, командир роты в Первом Симбирском стрелковом полку. С лета того же года – комбат, помощник командира 439-го стрелкового полка, в составе которого участвовал в боях на восточном фронте направления Бузулук – Гурьев.

С осени 1919-го Д. Гусев – командир батальона 5-го Приволжского запасного стрелкового полка. С августа 1920 года по июнь 1922 года – адъютант 5-го Приволжского, 1-го запасных стрелковых полков, 289-го стрелкового полка. С июня 1922 года по ноябрь 1923 года – начальник штаба 97-го стрелкового полка. С ноября 1923 года – служба в 33-й Самарской стрелковой дивизии: зав. разведкой штаба, начальник оперчасти штаба. Эта дивизия была сформирована летом 1922 года в Заволжском военном округе (г. Самара). С 1923 года дислоцировалась в районе города Могилёва.

К тому времени Д. Гусев был женат, в его семье росла дочь Татьяна, 1919 года рождения, а весной 1925 года родилась младшая дочь Наталья.

В сентябре 1925 года его направили на годичные стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна (КУКС «Выстрел»). Эта высшая стрелковая школа командного состава была учреждена в ноябре 1918 года на базе Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы. Была переименована в апреле 1923 года в Высшую тактико-стрелковую школу командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии имени Коминтерна «Выстрел» (учебное заведение расформировано в 2009 году).

После учёбы на отделении командиров стрелковых полков до осени 1930 года Гусев вновь служил в 33-й дивизии – временно исполнял должность начальника штаба, затем вновь возглавил его оперчасть.

В 33-й Самарской стрелковой дивизии.
Второй справа – начальник оперчасти штаба дивизии Д. Гусев. 1925

И в том же 1930 году получил повышение по службе – стал командовать 87-м стрелковым полком.

С весны 1936 года военная биография Д. Гусева три с половиной года была связана в основном с 5-й стрелковой дивизией – в должности помощника комдива, который в отдельные периоды временно заменял командира дивизии.

В декабре 1939 года Д.Н. Гусев в звании комбрига получил назначение на преподавательскую работу на кафедре общей тактики в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе.

Впереди у Д.Н. Гусева были Великая Отечественная война и взлёт боевой военной карьеры до званий генерал-полковника Советской армии, Героя Советского Союза за боевые заслуги на Ленинградском фронте, а затем Висло-Одерской, Верхне-Силезской и Пражской операциях.

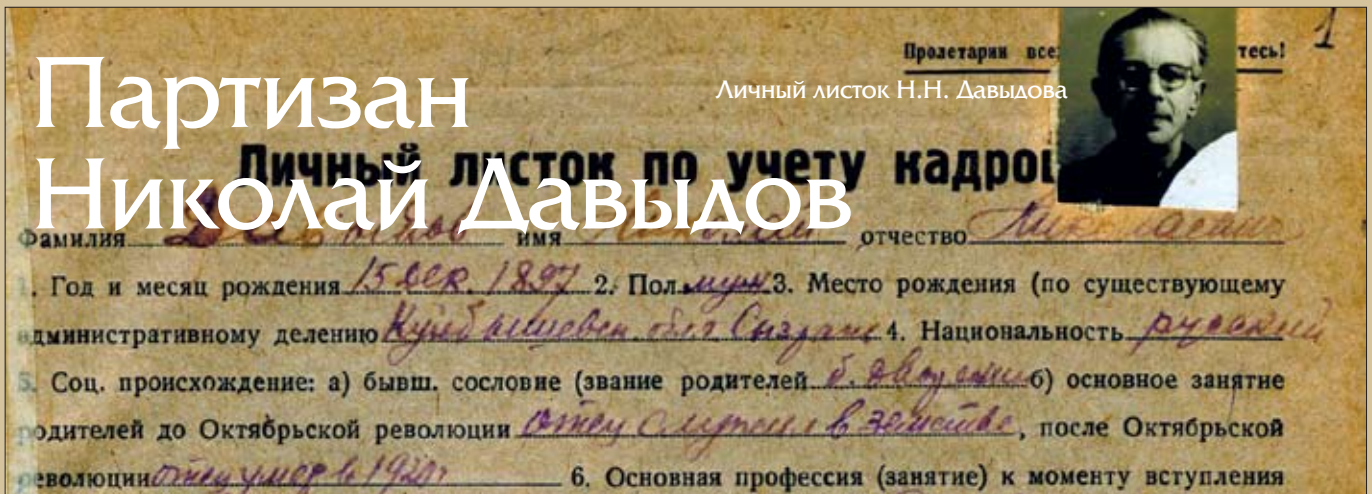
Лидия Берч

Автор благодарит за предоставленные документальные материалы генерал-майора в отставке М.Т. Чузуряева (г. Ульяновск); за фото – МБОУ «Карсунская средняя общеобразовательная школа», Карсунский художественно-краеведческий музей.

В музейной комнате Д.Н. Гусева Карсунской средней школы.
В 1960-х школьной пионерской дружине было присвоено имя прославленного полковника

Партизан Николай Давыдов

Правнук героя Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдова, Н.Н. Давыдов, через 130 лет повторил партизанские подвиги своего прадеда на земле Адыгеи и в годы Великой Отечественной войны не уронил честь своего знаменитого прадеда.

Сведения о партизане Николае Николаевиче Давыдове стали широко известны в 1980-е годы из газет и журналов. Уже несколько поколений юных экскурсоводов Верхнемазинского школьного музея с гордостью рассказывают об этом потомке Д.В. Давыдова. Адыгейские краеведы посвящают отдельные страницы воспоминаниям о партизане дворянского происхождения Н.Н. Давыдове в своих книгах о войне 1941–1945 годов.

Но вот о том, как сын последних владельцев Верхней Мазы оказался в Майкопе, какова его довоенная и послевоенная судьба, не было известно почти ничего. Над этими вопросами краеведа С.С. Узбекову заставили задуматься письма потомков Д.В. Давыдова в Верхнюю Мазу, и в частности К.Н. Паскалис (Франция).

Николай Николаевич Давыдов (1897 г. р.) был сыном Николая Николаевича Давыдова (1860 г. р.). Чтобы не путать отца с сыном, младшего Николая родные ласково называли Никушей. По воспоминаниям С.Н. Буторовой (правнучки Д.В. Давыдова и бабушки К.Н. Паскалис), их семье только в эмиграции в 1922 году стало известно, что после высылки из Верхней Мазы Николай Николаевич Давыдов (отец Никуши) «был арестован три раза, сидел подолгу в Сызрани и умер от разрыва сердца в 1920 году», а его сын Никуша «взят в Красную армию и увезён из Сызрани». По сведениям Паскалис, Н.Н. Давыдов (Никуша) умер в 1971 году.

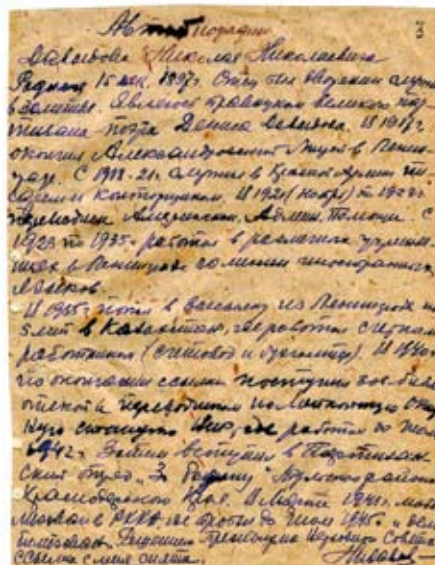
Однако это не так. О судьбе Никуши нашему журналу после проведенного ею расследования рассказала

Софья Узбекова. Поиски привели её в Санкт-Петербург. Там, в архиве Всероссийского института растениеводства Россельхозакадемии, сохранилось «Личное дело Давыдова Н.Н.». В нём есть краткая автобиография, написанная Н.Н. Давыдовым в 1945 году, и четыре страницы «Личного листка по учёту кадров», заполненных им при поступлении на работу на должность научного сотрудника и зав. библиотекой 22 октября 1945 года. Дополняя друг друга, эти документы семидесятилетней давности дали ответы на некоторые интересующие краеведов вопросы.

Николай Давыдов, родившийся 15 декабря 1897 года, детские годы провёл в с. Верхняя Маза. С 1910-го по 1917 год обучался в Александровском лицее

(Царское Село), где в совершенстве овладел французским, английским, немецким языками, а также изучил итальянский. По окончании лицея летом 1917 года поступил на военную службу рядовым Уланского полка. В 1918–1921 годы служил в Красной армии писарем и конторщиком в городах Сызрань и Оренбург. Затем до ноября 1923 года работал переводчиком Американской административной помощи в городах Симбирск и Петроград. В 1923–1935 годах работал там, где нужны были знания иностранных языков. Так, в Ленинграде трудился в банке, торговом порту, издательствах, был корреспондентом по обмену в библиотеке Всесоюзного института растениеводства. Одновременно занимался литературными и научными переводами. «В 1935 году, — пишет Н.Н. Давыдов в автобиографии, — попал на высылку из Ленинграда на 5 лет в Казахстан, где работал счетоводом и бухгалтером». За этими скучными строчками автобиографии стоит трагедия незаурядной личности, прекрасно образованного человека, который как сын дворянина попал под жернова сталинской репрессии в качестве «неблагонадежного». Далее в «Листке учёта кадров» уточняются места и время ссылки: «г. Челкар (1935–1936); г. Актюбинск — на строительстве нефтепровода Каспийск-Орск (1936–1937); с. Кос-Истек (1937–1940); на Кос-Истекской МТС».

Ответ на вопрос о том, как жил в маленьком Челкаре тридцативосьмилетний Николай Давыдов, удалось найти лишь в фондах Государственного архива РФ. Здесь сохранились три письма

Автобиография Н.Н. Давыдова

Николая Николаевича Давыдова и его жены Марии Ивановны к Екатерине Павловне Пешковой. Эти архивные документы остро передают трагизм положения человека, вынужденного в казахских степях искать хоть какой-нибудь заработок, чтобы прокормить себя и сосланную вместе с ним мать (Александрю Алексеевну Давыдову). В г. Челкар Николай Давыдов полгода не мог найти работу, затем с трудом устроился учётчиком. Обращаясь к Е.П. Пешковой как к советской правозащитнице, Н.Н. Давыдов пытался получить разрешение вернуться в Ленинград, чтобы помочь своей семье: жене, прикованной к постели тяжёлой болезнью позвоночника, и ставшему беспризорным двухлетнему сыну Денису. Однако ссыльный Давыдов ни от кого не получил ни ответа, ни помощи. После окончания срока ссылки ему как бывшему репрессированному было запрещено проживать в Ленинграде. Тогда он устроился на работу на Майкопскую опытную станцию Всесоюзного института растениеводства (Адыгея). Там и застала его Великая Отечественная война. В июле 1942 года после оккупации города Майкопа Николай Давыдов вступил в партизанский отряд «За Родину» Тульского района Краснодарского края. Боец-переводчик Давыдов вёл допросы немцев. Используя сведения сводок Совинформбюро о победах Красной армии, он писал агитационные листовки для передачи их гитлеровским войскам. Потомок знаменитого поэта-гусара собственноручно сотнями переписывал составленные им листовки, так как партизаны помочь ему в этом не могли. В марте 1943 года, когда началось освобождение Адыгеи от фашистов, Н.Н. Давыдов был мобилизован в Рабоче-крестьянскую Красную армию рядовым, затем получил звание сержанта и до июля 1945 года продолжил служить писарем, завделами штаба бригады.

На Майкопской опытной станции работал правнук Д.В. Давыдова

Был награждён медалями «За оборону Кавказа», «За Победу над фашистской Германией в 1941–1945 годы».

Памятник защитникам Отечества в Адыгее

Правнук Дениса Давыдова с честью выдержал испытания, и только после демобилизации из армии в 1945 году решением Президиума Верховного Совета СССР с него была снята судимость за дворянское происхождение, и он был восстановлен в гражданских правах.

О послевоенных жилищных проблемах Давыдовых свидетельствует характеристика, выданная 23 марта 1946 года директором Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства имени Н.И. Вавилова: «В настоящее время Давыдов Н.Н. находится в очень затруднительном положении: прописан в ВИРЕ, не имеет жилплощади. Ночует в общежитии при Электротехническом институте, в лаборатории профессора Соколова С.Я. (на Песочной улице). К нему приехал тринадцатилетний сын, имеющий право на жилплощадь, занятую в настоящее время посторонними лицами (мальчик в блокаду был эвакуирован, мать умерла в 1945 г.). Давыдовы – отец и сын – подали в суд и ждут решения». С помощью руководства института Давыдовым вернули их довоенную комнату в общежитии на Васильевском острове в Ленинграде. Правнук легендарного партизана 1812 года скончался, едва дожив до 67 лет: в личном деле сохранилось свидетельство о смерти Н.Н. Давыдова от 30 сентября 1964 года.

Во Всероссийском институте растениеводства Россельхозакадемии есть небольшой музейный уголок, рассказывающий о научной деятельности Н.Н. Давыдова. Заведующая научной библиотекой И.В. Котёлкина по поручению директора института Н.И. Дзюбенко помогла С.С. Узбековой найти «личное дело» Н.Н. Давыдова и собрать

архивный материал. Так появились новые материалы сразу в двух музейных экспозициях – в Санкт-Петербурге и в Верхней Мазе Ульяновской области. И.В. Котёлкина рассказала о неоценимом вкладе Н.Н. Давыдова в дело сохранения и пополнения библиотечного фонда библиотеки ВИР. Талант Николая Николаевича Давыдова широко раскрылся в биологической и сельскохозяйственной науке. Потомок Дениса Давыдова создал для ботаников мира ряд уникальных, значимых работ, среди которых библиографические пособия, переводы научных трудов. Фундаментальным делом жизни Н.Н. Давыдова стал составленный им русско-английско-немецко-французско-латинский ботанический словарь. Словарь включает в себя более 6 000 ботанических терминов. Впервые он был издан в Москве в 1960 году, неоднократно переиздавался и до сих пор высоко ценится специалистами.

В последние годы своей жизни по заданию французских учёных Н.Н. Давыдов много работал над многоязычным энциклопедическим словарём. Но работу эту завершить не успел.

Обложка пятиязычного ботанического словаря под редакцией Н.Н. Давыдова

Сын Николая Николаевича Давыдова Денис пережил отца лишь на три года. Он умер в 1967 году в возрасте 34 лет. О жизни праправнука краеведов почти ничего неизвестно. Поэтому ставить точку и останавливаться на достигнутом верхнемазинским краеведам ещё рано. За страницами «личных дел» Давыдовых скрывается ещё не одна история жизни...

Три войны генерала Захарова

В начале декабря 1944 года командующий 303-й истребительной дивизией, наш земляк, генерал-майор Георгий Нефёдович Захаров получил указание прибыть на командный пункт 1-й Воздушной армии к командующему. В задачу авиаторов, кроме штурма позиций противника, входило прикрытие и сопровождение мотопехотных частей и танкового корпуса генерала Бурдейного.

Генерал Г.Н. Захаров на встрече с рязановцами

Шли напряжённые бои в Восточной Пруссии. Авиационная дивизия была прикомандирована к 3-му Белорусскому фронту. В составе дивизии Георгия Захарова действовали и французские лётчики сформированного на территории Советского Союза Краснознамённого полка «Нормандия – Неман». Полк возглавлял майор Дельфино. Об этих отважных асах к этому времени уже появился ряд публикаций в центральных газетах нашей страны. Но никто не знал, что переучивал их на наших новых штурмовиках Як-3 и готовил к полётам командующий дивизией Георгий Захаров. Неоднократно он сам возглавлял налёты вместе с французскими и нашими лётчиками на немецкий город Инстенбург.

На КП 1-й Воздушной армии Захарова принял маршал Хрюкин: «Отправляйся в Москву, ты представлен к награждению французским орденом». 9 декабря в представительстве Французской республики состоялся приём и торжественное награждение командующего составом Советской армии. Награды вручал руководитель «Свободной Франции», будущий президент республики генерал де Голль. Первым вручили награду начальнику Генерального штаба СССР Антонову. Затем наградили маршала авиации Фалалеева, а третьим Креста ордена Почётного легиона был удостоен Георгий Захаров.

Информация о награждении и приёме военачальников была опубликована на первых страницах всех центральных газет. К тому времени на мундире командующего уже были два ордена Красного Знамени, вручённые ему в 1936–1937 годах за бои в республиканской Испании против мятежников Франко. Следующей награды – ордена Красного

Знамени – он был удостоен в 1938 году за захват новейшего японского истребителя И-96. С этим достижением его лично поздравил Мао Цзэдун, сфотографировавшийся вместе с Георгием Захаровым. Орден Александра Невского нашему земляку-герою вручили в 1943 году за участие в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Захаров также был удостоен ордена Кутузова II степени. А майоры Дельфино и де ла Пуап из французского полка, входящего в 303-ю дивизию, были удостоены звания Героя Советского Союза. К тому времени орденом Почётного легиона в нашей стране были награждены всего два человека – маршал Георгий Жуков и Георгий Захаров.

Штурмовики Захарова наносили сокрушительные удары по укреплениям противника. 19 января 1945 года в приказе Верховного Главнокомандующего по 3-му Белорусскому фронту был упомянут в числе отличившихся генерал-майор Георгий Захаров. 21 января Сталин в приказе по 3-му Белорусскому фронту упомянул подопечного Захарова майора Дельфино. А через шесть дней благодарности Верховного Главнокомандующего были удостоены генерал-майор Бурдейный и генерал-майор Захаров. Впереди русских и французских лётчиков ожидали бои за столицу Восточной Пруссии Кёнигсберг. Генерал-майор Георгий Захаров за «личное мужество и храбрость», как было записано в приказе 19 апреля 1945 года, был удостоен звания «Герой Советского Союза». За два года войны в Белоруссии и Пруссии он участвовал в 153 боевых вылетах.

В 1960 году Георгий Нефёдович с ответственных командных должностей ВВС по выслуге лет был уволен в отставку, проживал в Москве, но

поддерживал связь со своими земляками. В год юбилея Рязановского совхоза-техникума Мелекесского района Ульяновской области герой был приглашён на торжества учебного заведения. В зале техникума было не протолкнуться – все односельчане посёлка Рязаново и совхоза имени Крупской хотели повидать знаменитого лётчика. На мундире Георгия Нефёдовича блистали два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Кутузова и Александра Невского, два ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени.

Почётный гость рассказал присутствующим о своих трёх боевых кампаниях, поблагодарил педагогов техникума и руководителей совхоза имени Крупской. Георгий Захаров ответил на многочисленные вопросы участников встречи, сообщил, что его регулярно приглашают в Париж на торжества, связанные с победой над фашистской Германией, где он встречается с однополчанами полка «Нормандия – Неман». Он также добавил, что является вице-президентом общества «СССР – Франция» и что его избрали почётным мэром Парижа.

После общения с земляками генерал-майора ознакомили с небольшой экспозицией, рассказывающей об истории старейшего аграрного учебного заведения и попросили Георгия Нефёдовича написать свою автобиографию для музея. Начал он, как и положено, с даты своего рождения 7.05 (по ст. ст. 24.04) 1908 года... Сейчас этот документ хранится в экспозиции музея техникума.

Наш земляк, Герой Советского Союза Георгий Нефёдович Захаров скончался 6 января 1996 года. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

Владимир Радаев

Путешествие по зазеркалью

Живёт в Новоульяновске Нинель Борисовна Гусева, уроженка Ленинграда. Ей было девять лет, а сестрёнке Ларисе – всего лишь четыре, когда они оказались в самом пекле войны, втянувшей детей в долгое, страшное странствие...

В 1969 году судьба забросила Нинель Борисовну в Ульяновскую область. Здесь она много лет проработала учителем в Новоульяновской школе.

Нинель и Лариса Гусевы

Что могли дети знать о войне?

Летом мать снимала комнату в Новом Петергофе. Сама она работала в Стрельне. Оставляла Нинель и Ларочку на попечение бабушки Кати, чужой женщины. Та их кормила, заботилась, а девочки играли, купались.

Двадцать первого июня к ним заехал брат матери Михаил Николаевич – офицер направлялся в очередной отпуск. Его приезд был радостным событием. На завтра запланировали поездку в Ленинград и долгожданную экскурсию в зоопарк. С вечера всё приготовили для прогулки: погладили платьица, бантики, у порога поставили начищенные туфельки... Утром позвонил встревоженный дядя Миша: «Девочки, извините, меня срочно вызывают. Чутьочку отложим экскурсию».

Потом было сообщение о начавшейся войне. На улицах собирались люди, слушали известия, отправляли на войну сыновей, мужей, отцов... С котомками куда-то ехали, плакали. Тревога охватила всех. Петергоф немцы не бомбили, ведь это был уникальный музей под открытым небом, с дворцами и фонтанами. Скоро они вошли в Петергоф. Мамы не было – она уехала на три дня рыть окопы от Ленинграда до Ораниенбаума: огромные рвы глубиной до 15 метров и шириной до 20 метров должны были задержать танки.

Нинель помнит, как немцы вошли в город: «Всю ночь мы находились в тёмном, сыром подвале под магазином. Немцы обстреливали Кронштадт, наши им отвечали. Новый Петергоф находился посередине. Артиллерийский обстрел продолжался до утра. Снаряды падали очень близко. Сыпалась штукатурка. Был страшный гул. Мы плакали в кромешной тьме. Помню пулемётчика,

который всё время стрелял в оконный проём. Утром рано появились немцы. Мы их очень боялись: на плакатах их изображали в образах различных зверей. Мы же увидели обыкновенных людей, но на головах у них были металлические шлемы. Они грубо стали выгонять всех. Били прикладами женщин, старух. Мы с сестрой впервые увидели мёртвого человека. Это был тот пулемётчик, что стрелял из окна».

Немцы согнали на площадь людей и потребовали, чтобы в течение 24 часов они освободили город, а если кто-то останется, тех расстреляют. Ещё было сказано, что город придётся покинуть всего на три дня, поэтому нужно взять только самое необходимое. Фашисты, видимо, рассчитывали за это время взять Кронштадт.

Девочки пришли на квартиру. Бабушки Кати не было. В спешке собрались. Были бы постарше, сообразили бы взять еду и одежду. В число «самого необходимого» Нинель включила книгу на дорогу (она закончила первый класс), а Лариса – тряпичную куклу. Они вышли в лёгких осенних пальтишках, ботиночках. В шапочках-капорах вышагивали, взявшись за руки, в середине длиннющей колонны...

Казалось, это вынужденное путешествие должно было сблизить людей, но у каждого была своя беда. Четырёхлетняя Лариса плакала, обвиняла сестру, зачем та увела её от матери. Нинель никак не могла объяснить, что город заняли немцы. Три дня переросли в недели... Девочки собирали по полям оставшиеся овощи: картофель, морковь, свёклу... Спали в подлесках, на полянах, грелись у костров.

Немцы требовали не останавливаться, а идти дальше. По обеим сторонам дороги – сожжённые деревни, посёлки,

над Ленинградом – огромное зарево... Кругом творилось что-то страшное. Силы были на исходе. У Ларисы ботиночки разбились. Ноги мокрые, переобуться не во что. Местность болотистая. Дальше появились леса, ещё не тронутые войной деревни. Дети заходили в дома, просили милостыню. Не все люди верили тому, что говорили сёстры, но были и такие, кто оставлял ночевать, кормил, делился последним.

Однажды уставшие девочки брели допоздна. На пути никаких деревень. И вдруг – землянка. Постучались. Горит лучина, на печи, на лавках, в углах полно ребятишек. Хозяйка вначале категорически отказалась принимать бродяжек, а потом, всплакнув от жалости, всё-таки позвала. Девочки рассказали ей о своих мытарствах. Женщина сварила им по картофелине в мундире. Больше у неё ничего не было. Утром дала кое-что из одежды. На улице уже начинались заморозки.

Милость людская

Голодные и замёрзшие, добрались они до деревни Хюльгюзи. Там жили эстонцы, чухны. Девочек отвели к старенькой бабушке на постой. Говорила она на плохом русском языке, но они поняли суть: «У меня болят ноги. Будете ходить в лес и приносить дрова».

Всю зиму с санками по глубокому снегу сёстры собирали сучья – на день кое-как хватало. Утром – та же работа. Старушка делилась с ними, чем могла: картофель и капуста – постоянные блюда. И это было лучшее время первого года войны. Уже в марте 1942 года прошёл слух: немцы будут проводить облавы и выявлять чужаков (всё чаще немцев тревожили партизаны). Староста предупредил девочек: их могут

принять за детей партизан, нужно скорее уходить. Бабушка собрала их в дорогу. Поделилась всем, чем могла...

Куда и зачем идут, Нинель и Лариса не понимали, знали только, что назад возврата нет. В потоке со взрослыми узнали, что Ленинград немцами не взят, Кронштадт упорно его обороняет. Так добрались до Гдова. Им посоветовали явиться в городскую комендатуру. Там их расспросили подробно: кто, откуда... Направили в барак. Вернее, это был большой сарай со сломанными перегородками, и в нём – полно беженцев. Приткнуться негде. Сестрёнкам определили уголок. Они стали собирать по окрестным деревням милостыню.

Внезапно у Ларисы начался сильный жар и пошли пятна по телу. Одна женщина высказала предположение: это тиф. Если немцы узнают, что кто-то здесь болен тифом, сожгут весь барак вместе с жителями. Нужно срочно уходить, но куда? Нашли пустой сарай. Набрали сена, соломы, тряпья. На дворе – апрель. В сарае – ни тепла, ни света, ни воды горячей. Но люди помогли: народными средствами вылечили малышку, приносили картошку, бульон, отвары. Нинель милостыню собирала по окрестным сёлам.

Недалеко от Чудского озера было укромное местечко с небольшой речкой. Через неё перекинута балка. Посторонним не пройти, а старожилы пробирались с помощью особой палки. Однажды Нинель забрела в это место. Села и заплакала от бессилия и голода: не принесёт она Лариске сегодня ничего. И вдруг – старичок. Помог ей перейти через речку. Добрейшие жители посёлка накормили вкусной ухой, дали рыбу (жареную, вяленую, варёную, солёную), картошку, капусту,

свёклу, лечебную травку для больной сестрёнки. Со всем этим богатством проводил её на другой берег парень-инвалид с одной рукой. Нинель дала специальную палку, показали укромное место, где можно её припрятать до следующего прихода.

Во время болезни Лариса ждала сестру с нетерпением. Схватит её руки, ищет, что же она принесла из съестного и спрашивает: «Ты поела?». А глаза такие огромные, просящие – до самого доньшка выворачивают душу. Иной раз Нинель за день ни крошки в рот не брала, но отвечала утвердительно: «Да, я кушала». У малышки сыпались волосы, она исхудала.

В Гдове открыли школу при церкви, и многие дети туда потянулись. В школе кормили горячими обедами, не очень богатыми, но каждый день. Ларису посадили вместе со старшей сестрой в один класс. В расписании были уроки пения, закона Божия. Перед уроками дежурный в зале читал молитву, слушали стоя. Были и уроки математики, русского языка, но мало, в основном – трудовое обучение. Оно носило практический характер. В заботах, в учёбе прошло лето. Осенью ходили в лес за ягодами: черникой, голубикой. А ещё грибы собирали.

Немецкое угощение

Однажды Нинель с группой ребят пошла в лес (Ларису в дальние походы она не брала). День оказался неудачным: ни грибов, ни ягод не набрали. Шли голодные, промокшие. Местность – болотистая. Когда подошли к станции, было уже жарко. Здесь жили немецкие железнодорожники. У них, видимо, только что закончился обед:

кто-то сидел на шпалах, кто-то прилёг, другие, беседуя, прохаживались. Запахи такие вкусные, манящие. Вышел повар с ведром и неожиданно поманил ребятшек пальцем: идите сюда. Дети переглянулись и решились подойти. Все запylённые, грязные. Немец поставил перед ними ведро с остатками пищи, собранными из тарелок. Видимо, вылить его хотел, но, увидев русских детей, надумал потешиться. Говорит: ешьте, вкусно. А как есть? Ни ложек, ни чашек. Показывает: руками набирайте и ешьте.

Немцы насторожились в ожидании, столпились в предвосхищении чего-то интересного. Дети окружили ведро и стали есть. Суп оказался густой, как каша. Чего только там нет: крупы разные, консервы, горох, картофель... Дети едят, а немцы ржут. Целое ведро грязными руками опростали перед хохочущей толпой – так есть хотели.

Повар сходил и принёс второе ведро, но дети уже наелись. Он предложил им содержимое ведра забрать с собой. А куда? Советует: можно в подолы. Нинель осенило: «Айн момент». Вспомнила: в канаве они видели гильзу от дальнобойного снаряда. Она такая высокая с толстым основанием. Металл весь покрылся зеленью. Вытащить её не смогла одна, позвала остальных попутчиков. Вытащили, из канавы налили воды: покрутили, покрутили, кое-как вымыли. Подтащили к ведру. Попросили воды чистой, руками повозили внутри, вылили воду. Немцы дивятся находчивости ребятшек, кричат: «Гут! Гут!». Фотографируют, хохочут.

Всё содержимое ведра поместилось. Но как тащить эту тяжеленную гильзу? Она же скользкая и зацепиться не за что. Мальчишка свой зипун предложил. Поставили на куртку и потащили осторожно под удивлённые возгласы немцев. Где-то через километр отдохнули. Кто-то даже предложил ещё раз поесть, но Нинель убедила: нельзя. Притащили к сараю, где жили они с Лариской. Каждый сбегал домой за ёмкостями: поделили на всех поровну. Наконец Нинель накормила и сестрёнку.

Лагерь

Из комендатуры дали команду явиться, взяв с собой самые необходимые вещи. Сообщили, повезут их в Псков. «К Ленинграду поближе будем», – рассудила Нинель. Её, конечно, удивило, как мало беженцев откликнулось на требование немцев. Видимо, люди догадывались о чём-то. Кто-то срочно

Нинель и Лариса Гусевы (в центре) с мамой (справа) перед началом войны

покинул город. Из окрестных деревень пригнали насильно молодёжь. Всех погрузили в телячьи вагоны. Дали два ведра на весь вагон: одно – для туалета, другое – для воды. Перемешались все: деревенские, городские, молодые и пожилые, девочки и мальчики. Те, кто смог что-то взять, разместились на своих узелках и тряпках.

Трое или четверо суток никто обитателями вагонов не интересовался: что они едят, что пьют, как и куда ходят в туалет... Все двери закупорены. Смерд, духота. Сестрёнки совсем голодные. Обещанного хлеба не дали. А на улице ещё и холодная осень.

Привезли в Ригу (район железнодорожного депо) в лагерь, загороженный проволочным забором. Взрослых отделили и куда-то увезли, одна детвора осталась. Их особо не охраняли, но и убежать не советовали, грозили расправой. Кормили кое-как. Через дорогу был лагерь военнопленных. Их избивали, травили собаками на глазах детей. Иногда заключённые бросали им через забор какие-то фигурки, изделия – видимо, вспоминали своих ребятшек и хотели доставить радость маленьким узникам.

В лагере были сложены штабеля шпал. Иногда под вечер Нинель залезла на них и наблюдала закат солнца. Оно было какое-то особенное, зовущее, загадочное. Лагерь затихал, а она всё смотрела и думала о маме, о доме, Ленинграде... Рядом проходили немецкие эшелоны. Вагоны двигались медленно, из открытых дверей слышалась музыка. Как-то Нинель повернулась к ползущим вагонам лицом и увидела: на фоне света стоит немец с протянутой рукой и целится. Самого револьвера не успела разглядеть, но среагировала мгновенно – свалилась со шпального штабеля. Раздался выстрел. В неё он целился. Хотел попасть в живую мишень.

Однажды в лагерь привезли батюшку. Прошлись по баракам, отобрали человек двадцать. Попала в это число и Нинель. Выстроили и заявили: «Вы не крещены. У вас не православные имена». Повезли Майю, Октябрину, Сталину, Нинель (обратное – Ленин) в рижский собор крестить. Нинель быстро сообразила: нельзя расстаться с Лариской. Набралась смелости и выпалила: «У меня сестра некрещёная. Можно я её тоже позову?». И взяла Ларису с собой. Впервые разглядывали Ригу: город не был разбит – не то что российские города и селения...

Перед обрядом крещения детям дали возможность вымыться. Отрезали

волосы, бросили в купель. Так Нинель стала Неонилой. У Ларисы осталось её православное имя. Их покормили, даже хлеба немножко с собой дали.

Прибыли на немецкую землю

Шла осень сорок третьего года. Девочек долго расспрашивали о родителях, о местах проживания. Чего-то проверяли, к чему-то готовили. Стало понятно: их отправляют в Германию.

Привезли в порт, выгрузили перед большим торговым кораблём. Трюмы корабля сначала заполнили военнопленными, закрыли на запоры. На палубу поместили детей: в случае налёта авиации они должны были бегать и тряпочками цветными махать самолётам – предупреждать, что здесь везут детей и бомбить нельзя.

Наверху было холодно, дул сильный, влажный ветер. Тряпочками махать никому не пришлось – самолёты над ними почему-то не летали. Лишь однажды встревоженные немцы появились на палубе. Очень близко с кораблём плывала мина. Следили, чтобы она не соприкоснулась с бортом.

В каком-то порту их сначала в баню сводили, выдали одежду, девочкам – халаты. А ещё – колодки деревянные. И повезли по Германии. Много удивило. Была поздняя осень, а на деревьях полно яблок. У нас в это время холодно, сыро, сильные ветра, голодно к тому же. А здесь одними яблоками постоянно сыт будешь. Не понимали ещё, что это всё не для них.

Везли их уже не в «телячьих вагонах», а в пассажирских. Хоть и тесно было, зато можно смотреть в окно, комментировать увиденное. Никаких признаков войны. Домики аккуратные, беленькие, крашенные. Дворы и палисадники ухоженные, кругом фруктовые деревья... У тех, кто затеял войну, она как будто и не начиналась.

Детей расселили в два больших барака с двухъярусными кроватями. Первым лагерь-фюрером был Франц, очень порядочный. Во время Первой мировой войны он был в плену в России. Говорил чуть-чуть по-польски, по-украински, по-русски. Дети его понимали. Когда говорил, в горле у него свистело. Говорили: это последствие какого-то давнего ранения. Пока Франц стоял во главе лагеря, детей никто не бил, никуда их не гоняли, хотя еды не хватало. Однажды он даже устроил им маленькое торжество, связанное или с победой на фронте, или с его каким-то юбилеем. Франц привёз

детям (говорили, что из своего дома) две корзины картошки в мундире. Стоят девчонки в очереди. Лариска шепчет сестре: «Мне вон та бы досталась». Картофелины-то разные: какая побольше, какая поменьше. А просить нельзя. Достались не самые маленькие. Лариска говорит: «Давай поменяемся. У тебя больше». Нинель понюхала картофелину – как хорошо пахнет! Полизала. Младшая повторила (она всегда подражала старшей), но потом мигом съела свою картофелину и спросила: «У тебя немножечко не осталось? Хоть крошечку». Но Нинель уже засунула остаток в рот. Вот и весь «праздник». Больше и таких не будет...

Испытание адом

При Франце его помощники побаивались обижать детей, но «францевский» период был недолгим. То ли его куда-то перевели, то ли сняли... Пришёл другой. Он был очень жестокий, и подчинённые сразу озверели. Кормили плохо: одной баландой и только раз в сутки.

В лагерь загнали вагоны с кирпичами из какой-то горной породы и заставили их разгружать. Дети один за другим поднимались в вагон, брали по два-три кирпича. Когда идёшь обратно, трудно удержать равновесие, иногда кирпичи падали. Они были очень острые, о них резались руки.

Лариска всегда шла впереди сестры. Обычно она носила по одному кирпичу. Иной день – и по два, в зависимости от надсмотрщика. Однажды она уронила кирпич. Над ней поднялась рука с нагайкой, на её конце – проволока. Нинель нагнулась над сестрой, прикрыла – нагайка опустилась на спину старшей. Отметины от удара нагайки остались на всю жизнь.

Лариска частенько плакала ночью и просилась домой, но о матери уже не говорила. Ещё по пути в Гдов, когда малышка требовала вернуть её к маме, Нинель решила на обман. Однажды встретили женщину с детьми: один был с ней, а другой, замёрзший, лежал на санках. Нинель сказала сестрёнке: «Вот так и наша мама погибла».

Их первый лагерь сгорел. Временно детей перевезли в другой. Там было два маленьких неприиспособленных барака. Когда-то здесь жили рабочие. К тому времени начались американские бомбёжки. Немцы рассчитывали, что, увидев маленьких пленников, американцы прекратят бомбить, но они продолжали летать...

Однажды объявили очередную тревогу. Надо было подниматься и идти в бункер, а Нинель никак не могла растолкать Лариску. Кое-как перевалила её с кровати на подстеленное одеяло и поволокла. Но они уже отстали от всех. И в это время фугасная бомба попала в бункер. Сестёр волной отбросило. Старшая ударилась головой о дерево и потеряла сознание. Очнувшись от рёва Лариски. Пошатываясь, пошла на плач. Малышка лежала в яме со стеклом, вся изрезанная – её же с силой бросило туда. Её вытащили, убрали осколки, перебинтовали. А те, кто успели уйти в бомбоубежище, почти все погибли.

Детей перевезли в другой лагерь. Длинный барак: посередине стоит огромный стол, по обе стороны – лавки, двухъярусные нары, матрасы, набитые соломой, грубошёрстные одеяла. Наволочки у подушек и матрасов сделаны из бумажных материалов. Лариска плакала, ей было холодно. Сёстрам не разрешали спать вместе. Ночью сестра всё же спустилась к ней, не взирая на запреты, прижимала её к себе, согревала. Всю ночь Нинель находилась в состоянии напряжения, боясь быть замеченной в нарушении правил, а под утро вскакивала и залезала наверх.

Единственной пищей для маленьких узников была капуста кольраби. Она часто просто кишела червями. Другого ничего не давали. Ощущение голода было постоянное. А на территории лагеря росли маленькие деревца, газоны с травами, дети втихую рвали и жевали листочки. Подрывали корешки деревьев, кусали, сосали их. Деревья и травы гибли, а детей за это избивали.

Через дорогу, совсем рядом, жило гражданское немецкое население. Там стояли аккуратные домики, красовались сады. Маленькие узицы завидовали играющим немецким детям. Они вглядывались в их лица и молили, чтобы у тех возникло желание что-нибудь им бросить. Хорошо бы половинка яблока угодила именно тебе. Специально провоцировали немецких детей: показывали язык, дразнили – те не выдерживали, хватили огрызки яблок и бросали в толпу. А узникам это кидание – радость. Конечно, лучше, если попадёт целое. Но откусанное или гнилое – тоже удача.

Однажды лагерь-фюрер распорядился, чтобы привели в порядок бараки. Детей в этот день на работу не послали. Чистили, мазали, красили. Даже в баню сводили. Война со вшами – обыденное явление. Вещи не стирали, а обжаривали. Нехорошие запахи сопровождали

их жизнь. Много насекомых погибало, но и оставалось предостаточно до новой жарки.

В этот раз особенно тщательно освещали и помещения, и узников. Ждали каких-то именитых гостей.

И вот открылись ворота, въехала необычная коляска с огромными колёсами. Там сидела дама в чёрной вуали, в чёрных перчатках. Ей помогли слезть. Выстроили маленьких узников, а она стала ходить по рядам, всматриваться в их лица. Некоторых отводили в сторону. Вдруг Нинель осенило: «Сейчас нас могут навсегда разделить с Лариской...». И она прошептала сестрёнке: «Сопли быстро распусти».

Молодая красивая дама даже не взглянула на этих девочек. Человек шесть-семь отобрала – ей нужны были новые работники для своего хозяйства. Немцы не напрасно готовили лагерь к приёму именитой дамы. Для них выгрузили шнапс, бекон, окорок. Детям же – ничего.

Однажды прилетели американские самолёты. С утра до вечера грохотало, земля гудела, солнца не было видно. В лагере рухнули ворота: ни немцев, ни полицаяев вдруг не стало. Дети вспомнили: когда их давно завозили сюда, проезжали мост, а под мостом стояли открытые вагоны, гружённые яблоками, картошкой, даже, как им показалось, чаем. Группа узников, в том числе и Нинель, решили попытать счастья.

Лагерь представлял собой «интернационал» малолетних узников. У каждой национальности – свой сектор, свои отличительные нашивки. У русских на синих тряпочках было написано «Ост», у украинцев – колосок пшеницы. И вот представители этого разношёрстного братства побежали... Кругом всё горело, взрывалось. Местного населения – ни души. А дети бегут навстречу

возможной гибели. Добежали до вагонов. Овощей и фруктов там не оказалось – сезон прошёл. Сорвали картонные пломбы на одном из вагонов, с трудом открыли двери. В коробках – маргарин, рожки, макароны. Нахватали и поволокли это богатство в свой лагерь. Все ноженьки истёрли в деревянных колодках. Прибежали: ворота не поднимали. Значит, успели. Их никто не искал.

А что с принесённым делать? Варить негде. А как маргарин есть? Хлеба-то нет. Каждый подходил и по кусочку отламывал. Макароны, рожки сосали. Потом желудками долго мучились от добытого «изобилия».

В конце апреля 1945 года прошёл слух, что придут американцы. Среди лагерного «интернационала» начались «рассуждалки»-«размышлялки». Некоторые предлагали в случае бомбёжки спрятаться в бункер, другие пугали, что фашисты могут пустить туда газ.

Когда начались обстрелы, немцы сбросали противотанковые миномёты и удрали. Кто-то сказал, что американцы пойдут вот с той стороны. Рядом была стена. И многонациональное братство облепило эту стену. Не понимали, что несколько автоматных очередей могло положить у стены всех детей.

Возвращение домой

В первый же день американцы накормили узников манной кашей на воде. Она была солёной. Чудо как вкусно! Потом получили по куску свинины. Такого блаженства от еды дети никогда не испытывали. Кормили их три раза в день. Оказывается, как хорошо быть сытыми!

Однажды привезли полную машину яств: сахар, конфеты – снаряд попал в немецкие склады. Из машины лопатой стали выгружать сладости на землю.

Нинель Борисовна Гусева отмечает 80-летие в кругу своей большой семьи

Дети хватали конфеты и сахар, но куда это положишь? И девочки задрали полы халатов – попы голые, а американцы смеются и фотографируют...

В душе Нинель надеялась, что их мать жива. Она не говорила никогда об этом Лариске. Но когда лагерь засыпал, выходила на улицу и думала, мечтала. Если тучи шли с востока, она с надеждой и необъяснимой радостью смотрела на них. Плакала и вспоминала маму. Может быть, эта туча прошла над ней, мимо Ленинграда, мимо Петергофа и теперь передаёт привет от мамы.

Шли месяцы... В их большой стране отпраздновали Победу. Узники о ней и не знали. Об этом с ними не говорили. Они жили в том же немецком лагере в постоянном ожидании. От американцев слышали, что ведутся переговоры. С кем и о чём? Им стали говорить: «Россия от вас отказалась, потому что вы её предали... Вам придётся жить в Германии. Кто пройдёт отбор, поедет в США».

Нинель вспомнила рассуждения какого-то немца: «Мы вас не сжигаем, потому что готовим в рабство. Пройдут годы, война забудется, а вы будете работать на нас». Со страхом думала: неужели мы навсегда останемся рабами?

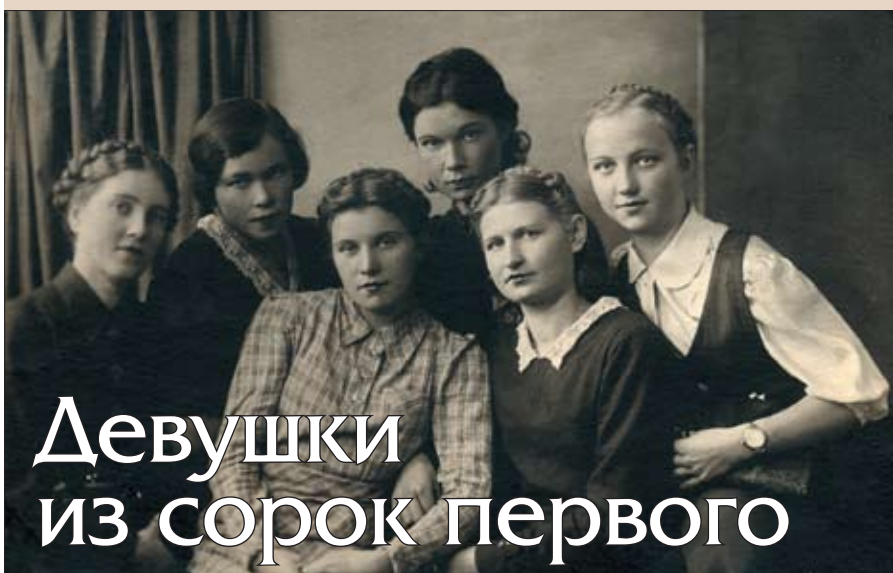
Однажды около ворот лагеря остановилась машина. Вышел мужчина в форме – не такой, как у немцев и американцев. Нинель подошла к воротам. Что-то тёплое, светлое позвало её. И вдруг человек запел по-русски: «Пойте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха. Всё равно любимая отцветёт черемухой».

Она бросилась к нему: «Дяденька, вы русский?». Да, это были советские офицеры. Они приехали договариваться о возвращении маленьких русских узников на родину. Они пообещали детям, что через три дня за ними придут машины. Что тут было?! Слезы радости, воспоминания, мечты, планы...

Путь домой был долгим и нелёгким.

Девочки вернулись в Ленинград в августе 1945 года. Их направили в Ораниенбаум, на работу в подсобном хозяйстве. В 1946 году их нашла мама. Она забрала детей в Кировскую область, затем они переехали в г. Кизил Пермской области. Ларочка после окончания института жила и работала в Калининграде, умерла в 1999 году. Нинель окончила пединститут в Перми, а в 1969 году переехала с семьёй в Ульяновскую область, в г. Новоульяновск. Её 80-летие отметили большой семьёй: муж, дочь, внуки...

Валерий Кислинский

Девушки из сорок первого

Эти милые девушки с удовольствием позируют фотографу. Они слегка кокетливы, и это им идёт, простота нарядов только подчёркивает это. У них нет вычурных причёсок, золотых серёжек, зато сколько спокойного достоинства в глазах...

Я часто беру в руки фотографию этих незнакомых мне девушек зимы 1941–1942 годов и люблюсь ими. Мы с дочерью пытались найти хотя бы кого-то из них – не получилось. Мы знаем только их имена и фамилии. На обороте фотографии написаны они карандашом в следующем порядке: «Иванова Женья, Пестова Ольга, Талашова Мария, Маслова Елена, я – Винокурова Нина, Нюрочка Трифонова». И подпись: «Группа девушек IV курса (литфак и матем.) после субботника в с. Чуфарово (за Тагаем)». Что могли делать эти милые девушки за Тагаем в селе Чуфарово в декабре 1941-го – январе 1942 года? Они рыли окопы, о чём гласит ещё одна надпись на обратной стороне фотографии. «Это напоминает о вместе проведённых днях в колхозе в с. Новый Урень и на окопах в ноябре-декабре в с. Чуфарово Тагайского района». Девушкам на фотографии не более 20–21 года, значит, все они родились не позднее 1921–1922 годов. Если бы не надпись на обороте, ни за что не догадаться, что девушки только что вернулись «с окопов» после тяжелейшего труда, когда промёрзшую землю невозможно взять ни лопатой, ни киркой, ни ломом. Но сила молодости, умноженная на девичью дружбу, делает чудеса, и невозможное становится возможным.

Мне не часто приходится бывать в родных местах моей мамы, Валентины Александровны Захаровой (в де-

вичестве), а это как раз и есть село Чуфарово и маленькая деревенька Лопатино, под меловой горой. Медленно угасающее Чуфарово и исчезнувшее Лопатино всегда у меня в памяти. Люди, основавшие село, давно канули в Лету, потихоньку исчезают и нынешние коренные жители села.

Несколько лет назад ушла из жизни моя тётя, Ольга Яковлевна Захарова. Рассматривая снимки, оставшиеся после тёти Оли, мы с дочерью Ириной наткнулись на эту фотографию. Как она попала в Чуфарово? От девушек-студенток теперь не узнать, от тёти Оли также. Может быть, девушки жили у неё на квартире, когда приезжали копать окопы, потом и фотографию прислали.

Мы возвращаемся в город старой исторической дорогой. Весна в этих местах неописуемо хороша, на многие десятки километров видны зелёные поля. Простор для городского глаза непривычный. И вдруг голос дочери: «Мама, а где же окопы?». Их уже давно нет, но мы едем там, где они должны быть, и вот в нескольких километрах от Чуфарова, немного не доезжая до исчезнувшей деревни Дубёнки, с левой стороны от дороги они напоминают о себе. Останавливаемся и долго смотрим на бархатный изумруд поля, на котором ещё более тёмной зеленью выделяются прямоугольные пятна того, что когда-то было окопами.

Елена Платонова

Когда отступать некуда

Из военного детства

Кросс под вой сирен

В ту первую военную осень воздушные тревоги случались часто в нашем районном городке Старобельске, что в Ворошиловградской области. Фашисты бомбили железнодорожную станцию, которая находилась на западной городской окраине.

«Внимание, внимание! Воздушная тревога, воздушная тревога!» – раздалось из рупора громкоговорителя и послышался пронзительный рёв сирены. Я прибавила шаг, чтобы быстрее добраться до школы, но бомбы падали всё ближе и ближе.

«Девочка, стой! На землю!» – кто-то из взрослых рывком задержал меня и повалил на землю. Гремели взрывы, в домах звенели стёкла, оклеенные накрест газетными полосками, а я лежала, уткнувшись лицом в песчаную почву, прикрыв голову школьным ранцем, посреди улицы рядом с другими людьми. Ряды домиков, хотя и одноэтажных, но со сплошными крепкими заборами, спасли нас от осколков...

Когда я, наконец, прибежала в свой 4-й класс, учительница объявила, что первым уроком будет самостоятельная работа по арифметике. Возможно, Оксана Тарасовна специально изменила расписание, чтобы отвлечь учеников от всего пережитого во время вражеского налёта... И правда, стоило склониться над тетрадкой и начать решать примеры, как всё забылось...

Вдруг открылась дверь в класс и раздался чей-то растерянный голос: «А водичка где же?». Ребята оглянулись: на пороге застыл старичок с большой плетёной базарной корзиной, растерянно переводящий взгляд со стойки со стеклянными сифонами на чёрную школьную доску возле неё. Ещё недавно, пару месяцев назад, здесь действительно шла бойкая торговля газировкой с сиропами: красным вишнёвым и жёлтым яблочным. Потом, в сентябре, новую четырёхэтажную школу отдали под госпиталь (раненые всё прибывали с фронта),

а классы распределили по разным районам города, где нашлось хоть какое-то помещение. Нашему классу досталось угловое одноэтажное здание в самом центре города с большой вывеской: «Павильон газированной воды». И теперь нередко среди уроков неожиданно распахивалась входная дверь и жители спрашивали про воду.

Конечно, можно было посмеяться над этими чудачками, не знавшими о таких изменениях, но нам и самим очень хотелось сладкой шипучей водички! Она же бесследно исчезла с началом войны, как и мороженое, конфеты и вообще всё сладкое. Все продукты выдавали теперь только по карточкам, да и то понемногу.

Оставлять пришлось самое дорогое

Война изменила многое и в жизни нашей семьи: ушёл на фронт сын мачехи 19-летний Аркадий, а перед этим изъяли его любимый радиоприёмник, которым он «ловил» модную заграничную музыку. Теперь из чёрной «тарелки» громкоговорителя раздавались совсем другие песни: суровые, мужественные. Слова одной из них – «Смелый дерётся с врагами, жизни своей не щадя!» – Аркадий повторял до самого отъезда. Моего папу, Николая Николаевича, в армию не взяли: когда-то он повредил глаза и теперь носил очки с двойными стёклами. У него тоже отобрали охотничье ружьё и дарственный, ещё с Гражданской войны, револьвер. Лишились мы и просторной квартиры в центре города: до войны наша семья занимала половину красивого одноэтажного кирпичного дома с парадным входом с улицы и с другим, «чёрным», во двор. Всю эту квартиру с натопленными печами пришлось уступить большой группе уставших бойцов, искавших место для ночлега в тот холодный октябрьский день. Погрузив свои вещи на телегу, мы переехали к родственникам мачехи, что жили на дальней окраине города, на пологом

Маленькая
Галя

берегу реки Айдар. Здесь всё было застроено невысокими, но опрятными домиками, с тщательно побелёнными наружными стенами. Во дворе стоял небольшой продолговатый флигель – в одной из его комнат временно поселилась наша семья.

Учреждение, где работал отец, должны были вскоре эвакуировать, но отъезд почему-то задерживался, а фронт всё приближался... После уроков, когда я направилась домой, опять началась воздушная тревога: бомбили станцию. Вскоре по радио передали, что наши войска после ожесточённых боёв оставили соседний город. Трудно было поверить, что фашисты захватят и наш город. Беспokoилась я и за отца – он был партийный, а я уже знала, что с такими фашисты расправляются сразу...

Дома я застала мачеху, Марфу Петровну, за сбором чемоданов. Она велела как можно скорее собрать свои вещи и предупредила: никаких игрушек брать с собой нельзя. Я вышла во двор попрощаться с подружками. В соседних домах у меня уже было много друзей, мы часто играли вместе, а теперь предстояло расставание и, возможно, навсегда. Ещё утром я мечтала поскорее уехать, а теперь готова была рыдать от горя...

На рассвете во двор въехал грузовик с брезентовой будкой над кузовом. Там уже на своих вещах сидели женщины и дети – семьи сотрудников отца. Когда мы с Марфой Петровной погрузились, наш пёс Джон, немецкая овчарка, жалобно завыл – мы расставались с ним впервые. Раньше при переездах из одного города в другой мы всегда брали его с собой. В семью он попал маленьким щеночком и вырос

в большого, сильного и умного пса. Вначале о нём заботился, дрессировал Аркадий, а потом, когда он ушёл на фронт, обучением пса охотно занялась я. По команде «барьер!» Джон легко прыгал через забор, приносил брошенные далеко палки и камни, носил сумку с покупками или тяпку, если мы шли на огород. А как интересно было играть с ним в прятки! Куда ни спрячешься, всюду найдёт и так весело лает, мол, выходи! И вечером на улице, и дома одной с Джоном было совсем не страшно. И теперь этого верного друга пришлось бросить...

Отец сел в кабину, и грузовик тронулся под надрывный плач маленьких детей в кузове. Не могла и я удержать слёз... Так невесело начался долгий путь на восток...

Хоровод танцующих детей

Вскоре машина присоединилась к нескольким другим таким же машинам с женщинами и детьми. Эта небольшая колонна старалась как можно быстрее отъехать от города, где опять началась воздушная тревога... Ехали мы в основном по степным просёлочным дорогам, подальше от городов и станций, останавливаясь лишь на ночь в сёлах, посёлках. Ночевать приходилось чаще в школах, сельсоветах, расстелив прямо на столах свои постели. Иногда – и в домах местных жителей, которые принимали нас с большим сочувствием, даже угощали. Здесь многое было уже другим, чем у нас, на Украине. Так, в казачьей станице одна старушка угощала ржаными пирожками с чёрными мелкими ягодами паслёна, которые у нас дома считались несъедобными. Ведь и без них хватало вишнёвых садов возле каждой хаты, только успевай собирать урожай спелой, сочной вишни! В другой деревне я впервые попробовала солёные арбузы – их у хозяев дома была заквашена целая кадка.

Да, это была уже Россия, вокруг звучала русская речь, изменилась и местность – всё больше и больше вокруг расстилался степной простор...

Из детей, ехавших в машине, только две девочки, пятиклассница Лина и семиклассница Люда, её сестра, были старше меня. Остальные – дошколята. Двое, ещё совсем маленьких, часто плакали... Я подружилась с Линой, но поговорить удавалось редко – мы сидели в разных углах машины. Всю дорогу я не отрывалась от книг. Вначале

это был «Белый клык» Джека Лондона, который так напоминал нашего Джона. Затем – «Жан Кристоф» Ромена Ролана, очень трогательная история о юном музыканте. Чтение отвлекало от тревожных мыслей – все мы боялись вражеских налётов. Особенно страдали от них железнодорожные составы. Так случилось и с составом, вывозившим из соседнего Донбасса эвакуированных детей, женщин, стариков. Были там и старенькие родители моей мамы Марии, умершей пять лет назад. Фашисты полностью разбомбили тот эшелон. Бабушка Елена погибла сразу, дедушка Сергей скончался от полученных ран в госпитале. Обо всём этом я узнала уже после войны...

Нашей колонне грузовиков всё же удалось благополучно добраться до Волги. На пути колонны оказался лишь один крупный областной город. Я раньше много слышала о нём, а вот теперь смогла и увидеть. Сколько там было новых, высоких домов, уютных бульваров! Особенно запомнилась красивая набережная широкой реки и хоровод весело танцующих детей. И хотя это была лишь скульптурная группа в сквере, но они были как живые! Ещё раз этот весёлый хоровод я увидела позже в кинохронике. От той скульптуры и от всего великолепия остались потом лишь чёрные, обуглившиеся развалины, потому что враг всё же добрался до этого города. Его защитники не пустили фашистов дальше и в жестокой битве одолели врага, погнав назад.

Это был Сталинград, ставший символом мужества и героизма советского народа. Город, который осенью 1941 года мне удалось увидеть во всей его ещё не тронутой довоенной красе...

Такие перемены...

Дальше колонна грузовиков свернула на север и стала продвигаться вдоль Волги против её течения. В городе Энгельсе все люди, ехавшие в грузовиках, пересели в товарные вагоны, стены которых изнутри были покрыты толстым слоем льда, и продолжили свой путь дальше, на восток. Наш поезд часто останавливался, давая дорогу встречным составам с частями Красной армии, платформам с военной техникой, покрытой брезентом.

Наконец, мы сошли на маленькой станции Бер-чогур, что в Актюбинской области Казахстана. В затерявшийся в голой заснеженной степи посёлок мы попали уже на санях, запряжённых

верблюдами. В раннем детстве я видела пару верблюдов в зоопарке, здесь же их было много, их использовали как лошадей. Даже смотреть на них было страшно – такие они непривычно большие. А вблизи ещё хуже: вдруг неожиданно с высоты своего роста оплёт зелёной жвачкой! Пугал меня и резкий, пронзительный их крик.

Весь посёлок, куда мы добрались, сплошь состоял из длинных одноэтажных, напоминавших сараи, барачков. Деревьев не видно, лишь снежные сугробы вокруг. Приехавших разместили в бараках. Нашей семье выделили одну угловую комнату с плитой.

Школа, куда отец повёл меня на следующий день, тоже находилась в бараке. «Вот твоё место – на предпоследней парте в среднем ряду», – сказала учительница, когда привела меня в класс. Начался урок. Ученики выходили к доске отвечать домашнее задание, затем Татьяна Ивановна объясняла новый материал. Оказалось, что я много пропустила, нужно было как можно скорее догнать остальных, ведь в своей школе я была отличницей, знает, и здесь не должна отставать.

После долгой дороги так приятно было вновь спокойно сидеть за партой, старательно писать в тетради, что я не заметила, как быстро закончился первый урок. Как только учительница вышла из класса, все, как по команде, повернулись в мою сторону. Девчонки подошли поближе, стали заглядывать в тетради, дневник и смеяться. Особенно издевалась одна – невысокая, смуглая, с тёмными косами поверх красной шерстяной кофточки. Я уже видела её вечера: тётя Наташа, с которой мы ехали сюда в одной машине, остановилась со своим маленьким ребёнком как раз в домике родителей этой девочки. Когда я зашла вчера вечером к тёте Наташе, та горько плакала. На мой вопрос, что случилось, она протянула газету, и я увидела снимок девушки на виселице. В статье рассказывалось, как её, нашу партизанку, схватили фашисты, пытали, а потом раздетую, босую повели по снегу на казнь... «Не плачьте, мне не страшно умереть за нашу Родину! Верьте, наши скоро придут, они вас освободят!» – успела крикнуть девушка перед смертью жителям деревни, которых гитлеровцы согнали на площадь. Когда же вскоре бойцы Красной армии выбили немцев из деревни, люди рассказали о мужественной Тане, которая погибла, не выдав своих товарищей-партизан...

«Такая молоденькая, ей бы жить да жить», – причитала сквозь слёзы тётя Наташа, глядя на снимок девушки.

Её рыдания разбудили Вадика: глядя на мать, он тоже расплакался. И мне было очень жалко девушку и страшно: что было бы с нами, если бы мы попали в руки гитлеровцев?

Когда я вышла от тёти Наташи, увидела группу женщин, которые тоже оплакивали участь партизанки Тани. С ними стояла и чёрненькая девчонка в красной кофточке. А сегодня она насмеяется надо мной в классе: «Ну, поболтай ещё по-своему, как вчера с нашей квартиранткой!». Неужели это всё из-за того, что мы с тётей Наташей говорили по-украински?

Мальчишки держались поодаль. Только самый рослый, плотный, переваливаясь косолапо, как медведь, шёл между рядов, задевая девчонок, дёргая их за волосы. Те жалобно пищали. Остановившись возле моей парты, он прищурил и без того узкие чёрные глаза на широком скуластом лице и процедил сквозь зубы презрительно: «Я знаю: это полячка! Вот поэтому она так вырядилась!».

С недоумением оглядела я себя: что ему так не понравилось? Как старательно порола я лезвием старый отцовский пиджак, из которого мачеха сшила мне в прошлом году тёплое коричневое платье! И когда добавила ещё чёрный передник и белый воротничок, то стала похожа на девочек со старинной фотографии, с которыми когда-то училась мачеха в школе, открытой дочерью хозяина фабрики для детей рабочих.

Насмешки кончились, когда начался урок. В класс поспешно вошла молодая учительница. А я уже со страхом ожидала следующих переменок, которые тянулись мучительно долго, потому что всё повторялось сначала...

Когда отступать некуда...

Наконец закончился последний урок, и я впервые за весь день встала, чтобы идти домой. Возле классной доски кто-то преградил дорогу. Подняла голову – опять этот «медведь»! Что ему нужно на этот раз? Хулиган вцепился в моё пальто. Я попыталась вырваться – не получилось. С надеждой оглянулась на учительницу, но ту обступили ребята. И тут «медведь» поднял портфель и, размахнувшись, ударил меня по голове! Такого со мной ещё не бывало, и я никогда ни с кем не дралась – зачем? Но теперь подняла

Галина Федоренко. 1950-е

свой ранец повыше и стукнула своего обидчика со всех сил по голове. Тот не ожидал такого отпора. Мой ранец с двумя комплектами книг, привезёнными из Украины и выданными здесь, был намного тяжелее его портфеля. Разозлившись, он ударил ещё сильнее, но и я не сдавалась, не плакала, а отвечала ему тем же. Ещё вчера я была трусихой, боялась темноты, пауков, лягушек, но сейчас знала твёрдо: ни за что не уступлю хулигану! Ведь бесстрашная партизанка Таня не испугалась даже фашистов!

Когда я почувствовала, что его рука стала слабеть, сильно толкнула его и выскочила в коридор. «Медведь» выбежал следом, но ко мне в этот момент подошла пятиклассница Лина, моя землячка.

Дома я ничего не рассказала мачехе, которая вообще мало интересовалась моими переживаниями. Не пожаловалась и отцу, который бы, конечно, не оставил это без внимания – он мог напугать хулигана даже своей военной формой. Но я старалась не говорить с отцом в присутствии мачехи, чтобы избежать её пронзительно ревнивого взгляда и обвинения в свой адрес. Несколько дней после драки у меня сильно болела голова.

После смерти мамы я заметила, что чужие люди не могут сочувствовать моим бедам, как переживала когда-то мама, потому и привыкла нести свои несчастья молча...

Зато в классе надо мной уже никто не смеялся, не замечал и «медведь». Я свободно выходила на переменки и даже начала дружить с девочками. Пропала прежняя робость, застенчивость, как будто с плеч свалился тяжёлый камень. В учёбе я быстро догнала остальных ребят, хотя это было нелегко: раньше я училась в украинской

школе, где все предметы преподавались по-украински. Конечно, книги я читала на русском языке, слушала и радиопередачи из Москвы, а вот говорить по-русски, кроме как на уроках русского языка в школе, не приходилось. Многие одноклассники и соседские дети, играя во дворе, говорили на своём родном языке, ведь все приехали из разных концов огромной страны. Но в этой затерянной в степях школе ученики, чтобы понимать друг друга, говорили только по-русски, хоть и с разными акцентами: казахским, украинским, польским.

Однажды «медведь», которого звали Умар, сам подошёл ко мне в классе. «Ну и болела тогда голова у меня!» – смущенно признался он и улыбнулся. Выходит, что он не такой уж и злой? Может быть, этот задира просто хотел обратить на себя внимание?

Заветное слово: домой!

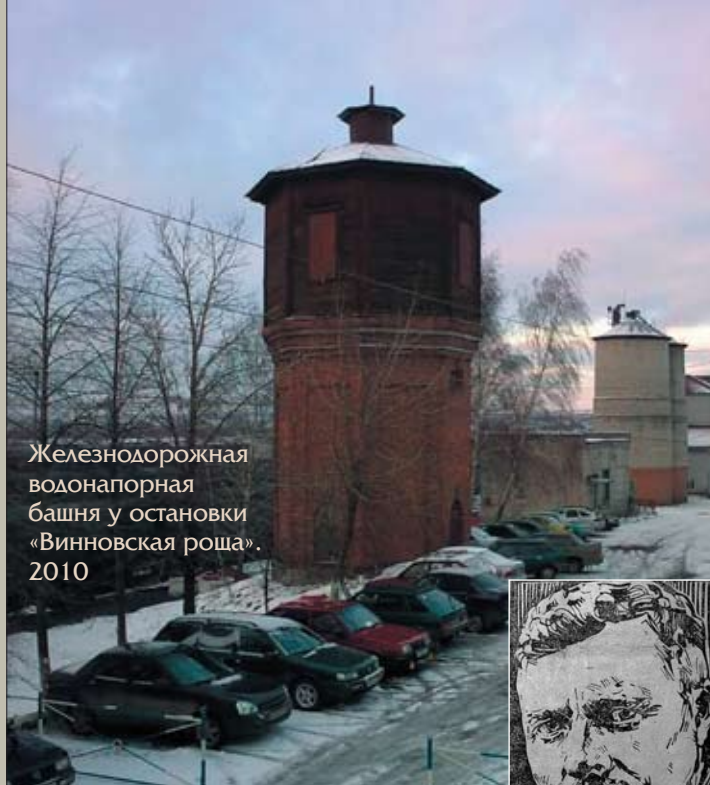
Вскоре настал день, когда я пришла в школу за документами. Наш город в ту первую военную зиму выстоял, остался не захваченным фашистами, и отца вызывали на работу. Он решил забрать меня и мачеху с собой.

Как радостно было узнать, что наш город свободен, и мы туда возвращаемся! Всё, что произошло с нами в занесённом сугробами посёлке, отходило на задний план. О строптивом характере местных «кораблей пустыни» напоследок напомнил ещё раз верблюд, который должен был на санях довести наши вещи до станции. На полпути он остановился и, отплёвываясь, отказался идти дальше, несмотря на все усилия отца. Вот и пришлось мне, чтобы не замёрзнуть, одной, с ранцем за спиной, добираться по степи до станции. И только вечером прибыли туда отец с мачехой: чтобы верблюд сдвинулся с места, отец привёл из посёлка его хозяина. Но и этот случай не заглушил моей радости от предстоящей встречи с родным краем. Он представлялся мне таким, каким был ещё в мирное время: вишнёвый сад у бабушки в селе, парки, стадионы, красивые большие здания, театр, кинотеатры, музеи, Дом пионеров, новая просторная школа... И совсем забылось за несколько месяцев, проведённых здесь, в глубоком тылу, что там, рядом с фронтом, продолжаются воздушные тревоги, вражеские налёты, разрушаются дома, гибнут люди...

Галина Федоренко

Товарищ Устинов – забытый герой Гражданской войны

Приблизительно четверть века назад произошла переоценка событий Гражданской войны в России (1917–1922). Маятник исторических симпатий качнулся в пользу Белой гвардии – стало модно сочувствовать утончённым и образованным белым офицерам, которых красные «лапотники» выгнали из их уютных родовых имений и лишили возможности «пить кофий с французской булкой». Действительно, красные командиры, как правило, были менее образованы, но они защищали великие идеалы равенства и братства, и, несомненно, заслуживают уважения.

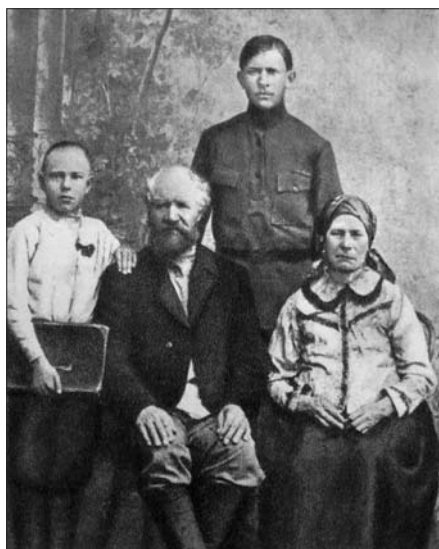
Железнодорожная водонапорная башня у остановки «Винновская роша». 2010

Пётр Устинов – помощник командира полка. Ульяновск, 1927

Фото Дмитрия Семенова

Самым известным в Ульяновской области «красным» героем Гражданской войны стал легендарный комдив Гая Дмитриевич Гай, а все его ближайшие соратники были незаслуженно забыты. Недалеко от центра Ульяновска, на северной окраине

Семья Устиновых: Ефросинья Мартыновна, Николай, Фёдор Сысоевич и Дмитрий. Самара, 1918

бывшей слободы Туть, есть неприметный переулок Устинова, который в настоящее время активно застраивается новыми высотными зданиями. Своё название он получил в 1963 году, в канун 45-летия освобождения Симбирска от белогвардейцев, в честь Петра Устинова – командира 1-го Симбирского полка 1-й Симбирской Железной дивизии.

Пётр Фёдорович Устинов родился 21 декабря 1890 года в с. Мокша Николаевского (Пугачёвского) уезда Самарской губернии в бедной безземельной крестьянской семье: отец – Фёдор Сысоевич, мама – Ефросинья Мартыновна. Кроме Петра, в семье было ещё три сына: Николай, Иван и Дмитрий. Младший – Дмитрий Фёдорович Устинов – впоследствии стал маршалом Советского Союза и министром обороны СССР. Зимой глава семейства занимался извозом в Самаре, а летом вся семья нанималась к помещикам и кулакам на полевые работы. В десять лет Пётр окончил приходскую школу в Самаре, после чего родители отдавали его учеником в различные мастерские. С шестнадцати лет Пётр пошёл работать на Жигулёвский пивоваренный завод, а потом в течение ряда лет работал

в артелях. В 1913 году он поступил на Самарский трубочный завод, который выпускал взрыватели для артиллерийских снарядов, где и познакомился с профессиональными революционерами. В том же году вступил в партию эсеров. Через год за участие в первомайской демонстрации был арестован и три месяца находился в заключении. После освобождения из тюрьмы поступил работать на Иващенский военный завод, где спустя несколько месяцев за призыв к забастовке был снова арестован, но из-под ареста бежал обратно в Самару, где состоял в подпольной эсеровской организации и по постановлению партии должен был принять участие в политработе среди солдат на фронтах Первой мировой войны. С 1915 года в качестве ефрейтора и младшего унтер-офицера участвовал в многочисленных боях, где получил три ранения и был награждён Георгиевским крестом 4-й степени.

В канун Февральской революции 1917 года Пётр Устинов был арестован за революционную агитацию, но падение самодержавия спасло его от царского суда и расправы. Он был освобождён революционными солдатами

и избран товарищем председателя областного комитета войска Донского. В качестве помощника командующего войсками Донской области участвовал в создании отрядов Красной гвардии в Ростове-на-Дону, сражался против калединцев и красновцев. В одном из боёв снова был ранен, потерял сознание и попал в плен к белогвардейцам, был приговорён к расстрелу, но совершил побег. По некоторым сведениям он дважды попадал в плен к красновцам и дважды бежал.

В декабре 1917 года по подложным документам Пётр Устинов прибыл в Самару к семье. Особенно его приезде радовался младший брат Дмитрий, который с восторгом слушал фронтовые рассказы и восхищался недюжинной физической силой и могучим телосложением старшего брата. Не дав себе даже дня передышки, Пётр Устинов отправился на трубочный завод. На заводе его хорошо помнили. Пётр активно включился в революционную работу и вскоре его избрали заместителем председателя Самарского городского исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов. Весной 1918 года, когда над городом нависла угроза наступления мятежного Чехословацкого корпуса, Пётр Устинов вступил в боевую дружину левых эсеров-интернационалистов и был выбран помощником начальника дружины Гая Дмитриевича Гая, которого сам и рекомендовал избрать на эту должность. По воспоминаниям современников, Гая Гай и Пётр Устинов хорошо ладили между собой и отлично дополняли друг друга.

Немного позднее, 10–11 июля 1918 года, левозеровская дружина и к тому времени возглавлявший её Пётр Устинов были невольно втянуты в знаменитый муравьёвский левозеровский мятеж. Однако разобравшись в его контрреволюционной направленности, Пётр Устинов и многие дружинники с проклятием порвали свои левозеровские партийные билеты.

Под давлением превосходящих сил противника дружинники были вынуждены отступить от Самары на правый берег Волги в пределы Симбирской губернии. Здесь в с. Воецкое в ночь на 27 июля 1918 года состоялось историческое совещание начальников дружин и партизанских отрядов, закончившееся решением о создании 1-й Симбирской Железной дивизии. Вероятно, именно Пётр Устинов предложил назвать дивизию Железной. По воспоминаниям его брата Дмитрия, весной 1918 года Пётр

неоднократно вслух перечитывал письмо В.И. Ленина «О голоде» из газеты «Правда». В нём говорилось о том, что для победы над голодом необходима железная революционная власть и как можно больше железных отрядов, сознательно и бесконечно преданных делу революции. При этом слова «железная» и «железных» Пётр произносил с особым нажимом. Командующим дивизией был избран Гая Гай. Пётр Устинов был выбран командиром 2-го батальона 1-го Симбирского полка. Батальон был чрезвычайно «разношёрстным» как в политическом, так и в национальном плане. В него входили два коммунистических отряда, две дружины левых эсеров, один отряд анархистов, один отряд персов, один отряд китайцев и один отряд матросов. Перед наступлением на Симбирск 9 августа 1918 года Пётр Устинов был назначен командиром 1-го Симбирского полка, участвовавшего в освобождении нашего города.

Вот как Пётр описывал события 12 сентября 1918 года. «Мой полк занимал ипподром и северную окраину Киндяковки... Наши цепи находились под губительным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём. При попытке перейти в атаку мы теряли десятки бойцов... Я пополз на левый фланг в поисках наиболее уязвимого места у противника, чтобы ещё раз попробовать перейти в атаку. Незаметно я вышел на берег Свяиги и, не обнаружив перед собой противника, пошёл берегом к выселку Туть. На берегу, у самого выселка, стояла железнодорожная водокачка. Осторожно пробравшись к последней, я влез на крышу погреба и стал разглядывать из-за деревянной вытяжной трубы окраину Тути. Почти у себя в тылу я обнаружил цепи противника. Находясь в окопах, они обстреливали из винтовок и пулемётов нашу дивизию. Правый фланг их не доходил до Свяиги шагов на 200–300. Эта ошибка противника ускорила падение города. Спустившись с крыши, я поспешил к своим. На левом фланге полка я снял роту Евстропова с двумя пулемётами и повёл её в колонне по одному берегом к водокачке. Нам незаметно удалось пройти во двор водокачки и расположить на крыше пулемёты и красноармейцев. Теперь я уже почувствовал своё превосходство над правым флангом противника и стал действовать смелее. Отобрав пятнадцать человек из старших партизан, я почти шёпотом сказал Евстропову: «Мы сейчас проберёмся в выселок Туть, вон до той первой улицы, откуда бросим гранаты,

Пётр Устинов.
1919

а ты после этого глуши белых пулемётным и ружейным огнём». С водокачки мы по одному берегом проскользнули шагов сто и вошли в крайний двор. Потом, перелезая через соседние заборы, вышли на крайнюю улицу... Мы, прикрываясь забором, приготовили гранаты. В это время белогвардейцы заметили роту, расположенную на водокачке, и стали загигать свой фланг. Офицеры нервно жестикулировали, очевидно, торопили своих солдат. Но было уже поздно. Я громко скомандовал с таким расчётом, чтобы слышали белые: «Раз! Два! Три!» Пятнадцать гранат, а за ними следующие пятнадцать, брошенные нами в сторону белых, произвели оглушительный и притом неожиданный для них грохот. В то же мгновение с водокачки затрещали наши пулемёты и винтовки. Белые, не сделав ни одного выстрела, бросились в панике бежать через посёлок к станции Симбирск, бросая снаряжение, патроны и винтовки. Некоторые прятались по дворам и чердакам. Наши поняли, в чём дело, и с криком «ура» перешли в наступление. К 12 часам мы уже пробежали Туть и входили в город...».

Сейчас сложно однозначно сказать, о какой водокачке в воспоминаниях Петра Устинова идёт речь. В районе описываемых боевых действий было две так называемые «водокачки». Одна – железнодорожная водонапорная башня (1917 года постройки) – располагалась в конце современного путепровода через железнодорожные пути в районе трамвайной остановки «Винновская роща». В декабре 2011 года якобы из-за ветхости она была уничтожена. Другая – сохранившаяся до настоящего времени Свяжская насосная станция (1911–1912 годов постройки) – на южной окраине бывшей слободы Туть (ныне входит в комплекс зданий «Музей истории Симбирского водопровода»). Скорее всего, именно эта водокачка и сыграла ключевую роль в том бою.

Дмитрий Устинов всю жизнь очень гордился тем, что его старший брат Пётр «был соавтором телеграммы Ильичу,

отправленной Гаем от имени красных бойцов, освободивших Симбирск. Содержание этой телеграммы широко известно: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара!»

После освобождения Симбирска белогвардейцы бежали на левый берег Волги, откуда со второй половины сентября интенсивно обстреливали город. Полк Петра Устинова расположился в Подгорье в районе пристани. Во время одного из артиллерийских обстрелов Пётр был ранен осколком снаряда в ногу, но продолжал руководить боевыми действиями. 1-й Симбирский полк дольше других подразделений дивизии находился в Симбирске и именно ему выпала честь принять от члена Реввоенсовета Восточного фронта Петра Кобозева Почётное Красное знамя ВЦИКа, которым дивизия была награждена за освобождение Симбирска.

После выздоровления в октябре 1918 года Пётр Устинов был назначен командиром 3-й бригады уже переименованной 24-й Железной Самаро-Симбирской дивизии, которой и командовал до февраля 1921 года, участвуя в боях на Восточном фронте против колчаковцев и дутовцев, а также на Западном (Польском) фронте, где участвовал в качестве парламентёра на заключении перемирия.

За ряд умело проведённых боевых операций Пётр Устинов неоднократно представлялся к ордену Красного Знамени, но от получения отказывался. Был награждён Реввоенсоветом 1-й армии серебряным портсигаром, Реввоенсоветом 14-й армии – золотыми часами, неоднократно награждался кожаным обмундированием.

Вот как описывает личные качества Петра один из его соратников: «Коренастая, сильная фигура командира бригады дышит энергией. Нет и тени малодушия, неуверенности или растерянности. Чувствуется, что этот бывший унтер-офицер царской армии на своём месте, что не зря ему доверено 5 тысяч людей. Нравится он мне. А как любят его красноармейцы! Достаточно в критическую минуту появиться т. Устинову, как дело принимает совершенно другой оборот. С ним стрелки идут куда угодно. В решающие минуты боя, когда, казалось бы, всё уже использовано, появляется комбриг с первой попавшейся ему под руки горстью людей – будь то конная разведка, команда связи или просто ординарцы, – и решает дело...».

Восхищала боевых товарищей Петра Устинова и его необычная манера прикуривать: «Подойдёт, бывало, Пётр Фёдорович к залегшему на передовой линии пулемётчику и просит: «Дай-ка прикурить» (спички в то время были дефицитными). Пулемётчик нажимает на гашетку, а Устинов с сигаркой во рту наклоняется к стволу пулемёта и прикуривает от вылетающего оттуда огня. Вот и получалось, что и врагу «дали прикурить», и командир с удовольствием затянулся махорочным дымком...».

В результате реорганизации 24-й Железной Самаро-Симбирской дивизии Пётр Устинов был переведён в штаб Киевского военного округа и назначен в 25-ю Чапаевскую дивизию командиром полка, а потом и командиром бригады. В 1921 году он провёл ряд успешных военных операций на Украине по борьбе с бандитизмом.

В 1922 году Пётр Устинов по личному желанию был командирован на борьбу с басмачами в распоряжение Туркестанского фронта, где стал начальником Самаркандского и Ходжентского боевых участков. В 1923 году ликвидировал крупную банду курбаши Турды-бая. В то же время в Самарканд переехали его родители и братья. Николай служил начальником связи штаба Частей особого назначения (ЧОН), Дмитрий – телефонистом в штабе ЧОН, а с лета 1923 года – красноармейцем 12-го Туркестанского стрелкового полка.

После перенесённого тифа в 1923 году Пётр Устинов был направлен командиром полка в 32-ю Саратовскую стрелковую дивизию. В 1925 году – в Москву в Высшую тактико-стрелковую школу командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии им. Коминтерна «Выстрел», которую и окончил в октябре 1926 года с назначением помощником командира 2-го Ульяновского стрелкового полка. Таким образом, Пётр Устинов снова оказался в Ульяновске и посещал Винновский лагерь стрелкового полка, где всё напоминало ему о героических событиях 1918 года.

В 1928 году Пётр Устинов был назначен командиром 48-го стрелкового полка 16-й стрелковой Ульяновской Краснознамённой дивизии имени В.И. Киквидзе (Ленинградский военный округ). С октября 1930 года он – военный руководитель вновь созданного Ленинградского института инженеров связи, в ноябре 1932 года перемещён в особую комиссию по переаттестации начсостава запаса.

Переулоч Устинова. 2013

В конце декабря 1932 года Пётр Устинов был назначен преподавателем тактики Ленинградского военномеханического института. Тогда же в институт перевёлся его младший брат Дмитрий, который двумя годами позже успешно окончил этот вуз и стал самым выдающимся его выпускником.

Дальнейшая судьба Петра Устинова сложилась так же, как и у подавляющего большинства его товарищей-командиров Гражданской войны. В сентябре 1936 года он был репрессирован и исключён из рядов РККА. Ушёл из жизни 2 апреля 1938 года, а 3 мая 1956 года был посмертно реабилитирован.

Трагический финал не позволил Петру Устинову принять участие в Великой Отечественной войне, но его младший брат Дмитрий в годы войны был бессменным наркомом вооружения СССР.

Рядом с Петром Устиновым боевыми дорогами шла его жена, тоже боец Железной дивизии, Полина Александровна Устинова. В 1968 году проживая в Ленинграде, она, персональный пенсионер союзного значения, через «Ульяновскую правду» поздравила жителей Симбирска-Ульяновска с 50-летней годовщиной освобождения города от белогвардейцев.

В Ульяновске частично сохранилась единственная на территории правобережья города железнодорожная водонапорная башня, которая находится на территории ГСК «Высотный-2» (ул. Железнодорожная, д. 146), недалеко от переулочка Устинова. К 100-летию освобождения Симбирска от белогвардейцев в отреставрированной башне можно создать музей Гражданской войны и тем самым сохранить для потомков память о забытом герое – Петре Устинове и трагических событиях русской истории.

Дмитрий Семенов,

методист

по эколого-краеведческому образованию
Центра детского творчества № 6

Человек без Родины – ничто!

В редакцию журнала пришло письмо от **Андрея Николаевича Чижова** с рукописью воспоминаний его бабушки, Марии Александровны Рунне. Дед Марии, Фёдор Иванович Рунне, был известным в Симбирске провизором. В начале XIX века в городе была одна аптека на ул. Покровской, но в середине столетия появилась аптека Ф.И. Рунне и сразу же составила конкуренцию старой аптеке, потому что находилась в центре города – на перекрёстке Московской и Большой Саратовской.

Объём присланной рукописи очень большой и не укладывается в формат «Мономах», мы передали её в журнал «Симбирск», где в № 4–2015 (апрель) будет опубликована первая глава (с продолжением в следующих номерах). Мы же предлагаем нашим читателям познакомиться с очерком Андрея Чижова.

Здание почтово-телеграфной конторы в Симбирске. В этом доме М.А. Рунне жила в детстве

Моя бабушка Мария Александровна Федоренко (в девичестве Рунне) ещё в молодости начала вести дневник, но всё, что было написано до войны, погибло в Новороссийске во время оккупации. Оказавшись по окончании войны в Киргизии, куда после лагерей была сослана её дочь, моя мама Валентина Петровна Чижова, бабушка Мария начала восстанавливать утерянное и продолжила размышлять о современной жизни. Ей тогда было почти семьдесят.

Мария Александровна прожила очень сложную и трудную жизнь. Писать об этом ей было, вероятно, нелегко. И не всё, что с ней случалось, можно было доверять тогда бумаге. Родина, Россия, которую она беззаветно любила, которой была всегда верна, далеко не ласково с ней обошлась. И, несмотря на это, Мария Александровна не исключила из своих воспоминаний оценку предреволюционного времени и периода Гражданской войны, которая не совпала с общепринятой, советской. Не побоялась она описать и своё участие в Гражданской войне на стороне белых, критически оценила послевоенный советский режим. Правда, многие имена не были названы. Только инициалы или заглавная буква фамилии. Некоторые из них я расшифровал по своим детским воспоминаниям, кое-что удалось восстановить, активно пользуясь Интернетом, современными картами и справочниками. Некоторые документы сохранились в семье, например «Диплом Лекаря» от 1906 года. Он направил меня на поиски в Государственный архив Эстонии. Оттуда пришли копии метрического свидетельства Марии

Александровны, аттестата Симбирской женской гимназии, «Диплом Доктора Медицины» Женевского университета. Поиски в Ульяновске позволили представить Симбирск того времени.

Мария Рунне родилась 1 мая 1877 года в Казани в семье присяжного поверенного Александра Фёдоровича Рунне и Марии Степановны (в девичестве Рамзайцевой). Её дедом был известный в Симбирске провизор Фёдор Иванович Рунне. Окончила симбирскую Мариинскую женскую гимназию в 1894 году. Стать врачом решила ещё девочкой, и уже в старших классах гимназии с репетитором изучала латынь. Чтобы

испытать себя, поступила на фельдшерские курсы в Казани. В 1898 году с матерью уехала в Женеву и поступила на медицинский факультет Женевского университета.

Студенческая и гимназическая молодёжь Симбирска отличалась в то время революционным духом. Мария была знакома со многими будущими известными деятелями, иногда помогала им, но активного участия в революционном движении не принимала. С такой же атмосферой она столкнулась и в Женеве в среде многочисленной русской студенческой и эмигрантской колонии. Но и здесь Мария политикой не увлекалась. Главным в жизни она считала непосредственную работу с людьми, медицинскую помощь всем нуждающимся в ней. Училась Мария хорошо, некоторые специальные курсы изучала у известных профессоров в Париже и Брюсселе. Много ездила по Европе, была в Африке в Сахаре, где пытался лечиться от туберкулеза её отец, но Европу и вообще за границу не любила.

Окончила университет в 1905 году, получив степень доктора медицины Женевского университета, уехала в Санкт-Петербург. Её пригласил в хирургическую клинику Женского медицинского института профессор А.А. Кадьян. В 1906 году после экзаменов в Юрьевском (Тартуском) университете Мария Рунне была утверждена в степени лекаря.

В это время создаётся I Государственная дума, революционные настроения в обществе растут. Молодой врач симпатизирует кадетской партии. Обязательным для русского врача Мария Александровна считала работу

План на постройку галереи при доме Ф.И. Рунне на углу Большой Саратовской и Московской улиц

в земстве и через два года уехала в Казанскую губернию, стала сельским врачом. Больница, в которой она была единственным доктором, находилась в глухом селе в семидесяти верстах от железной дороги (Шуматово, теперь Советское, Чувашия). Много сил, самоотверженности и настойчивости проявила молодая женщина в борьбе с пьянством, невежеством.

В 1910 году в Петроградской больнице освободилось место ассистента, и Мария Александровна по приглашению профессора А.А. Кадына возвращается в Петербург. Много работает, частые ночные дежурства подрывают её здоровье. Открывшаяся у неё сильная форма туберкулёза (проявлявшаяся ещё в Швейцарии) вынудила молодую женщину уехать в Крым. Через год Марии Александровне становится лучше, она в Феодосии и вновь работает. В 1912 году выходит замуж за учителя Симферопольской гимназии В.Н. Федоренко и возвращается в Петербург.

Уже в начале Первой мировой войны обнаружилось недостатки в организации госпитальной службы, в помощь ей стали создаваться земские госпитали, и Мария Александровна поступила в один из таких госпиталей, действовавший в составе Брусиловской армии. Стойко переносила она трудности работы в полевых условиях. Протестовала против разделения военными чиновниками раненых солдат на «своих» и «земских». Прорываясь к самым верхам командования армии, добивалась транспорта и медикаментов для земских раненых, которых неделями не на чем было вывозить в тыл.

Февральскую революцию приняла, а от Октябрьской уехала в Крым. Позже вступила в Добровольческую армию и стала врачом в санитарном поезде. Её муж как белый офицер был расстрелян в Крыму в 1920 году.

С окончанием Гражданской войны Мария Александровна жила в Феодосии и работала в поликлинике хирургом, отоларингологом и окулистом. В 1932 году переехала в Новороссийск к дочери Валентине Петровне Чижовой.

В октябре 1937 года её дочь была арестована и осуждена на восемь лет лагерей по 58-й статье. Так как с мужем Валентина развелась за два года до этого, её супруг Николай уехал в Вологодскую область, а Мария Александровна осталась одна с двумя внуками одиннадцати и двенадцати лет. Теперь её главной задачей было поднять внуков и как-то поддержать дочь. Мария

Александровна работала на две ставки, хотя ей уже было шестьдесят. Прошения о помощи, о помиловании были оставлены без внимания. Она писала народному комиссару юстиции СССР Н.В. Крыленко, которому когда-то оказала помощь как раненому большевику и не донесла на него в полицию, хотя была обязана это сделать. Она не знала, что Крыленко был уже расстрелян...

Мария Александровна Федоренко с внуком Андреем Чижовым. Феодосия. Конец 1920-х

Началась война. Новороссийск стал прифронтовым городом. Мария Александровна как хирург была обязана быть в составе МПВО (местной противовоздушной обороны) и оказывать помощь раненым гражданским лицам. Ей предписывалось при каждой воздушной тревоге являться в хирургический кабинет – и днём, и ночью. А так как в темноте она плохо видела, её провозжали туда по очереди внуки. Новороссийск бомбили почти каждую ночь. Это была третья война, в которой она участвовала. В своём дневнике Мария Александровна пишет: «По этому поводу говорила с завгорздрава и начальником санчасти ПВО: не поздно ли мне участвовать в передовом пункте в 64 года? Но он мне ответил: «Молодые на фронте, старые – в тылу». Мне его ответ понравился, я почувствовала уверенность в себе и удовлетворение, что ещё могу быть полезной на войне». Так Мария Александровна оказала первую помощь сотням раненым жителям города.

Летом 1942 года меня призвали в Красную армию. Вскоре Новороссийск был оккупирован и стал фронтовым городом. Раненых гражданских было много, так как город постоянно находился под обстрелом. В разрушенной поликлинике Мария Александровна оказывала людям посильную помощь. Не было ни медикаментов, ни еды. А тут ещё её младший внук и мой брат Алексей сбежал с поезда, на котором

его вывозили на работу в Германию. Пришлось переодеть его девочкой, чтобы прятать от немцев. После освобождения из оккупации он также ушёл в армию.

Дочь после семи лет лагерей на Дальнем Востоке отбывала бессрочную ссылку в Киргизии, в маленьком городке Токмак, и Мария Александровна уехала туда. И снова пригодился опыт врача, только теперь она работала окулистом и отоларингологом. Условия были ужасные: невежество, грязь, воровство, почти поголовная трахота среди детей.

Кончилась война. Внуки уцелели. Но Алексей был ранен в плечо и потерял руку, а я был ранен два раза. В 1953 году Валентине разрешили переехать в город Темрюк Краснодарского края. Марии Александровне было 76 лет, и она уже не работала. В 1956 году Валентину полностью реабилитировали. Через несколько лет они переехали к Алексею в посёлок Ильичёво недалеко от Зеленогорска Ленинградской области. Там в 1969 году Мария Александровна Федоренко скончалась.

У Марии Александровны было обострённое чувство ответственности, справедливости, абсолютное неприятие лжи. Трудолюбие и уважение к профессии врача были основой её жизни. Она писала, что присягу давала только один раз, когда получала в Юрьеве диплом лекаря, и её не нарушила.

Мария могла покинуть родину – в 1920 году её уговаривали уехать из Крыма в эмиграцию. Она отказалась, так как не могла жить вне России: «Я русская, хотя во мне четверть немецкой крови, четверть польской, четверть татарской и только одна четверть русской!». Мария Александровна была настоящим патриотом, любила Россию, восхищалась ею, одновременно и порицала, боролась с российскими «безобразиями». Свою любовь она передала и внукам. Когда я уходил в армию, наказывала: «Ты ещё мальчик, не соблазняйся славой и похвалой, но в серьёзном деле нужно отдать и жизнь, человек без Родины – ничто». Убеждала «не подводить Россию, служить ей верно». И это при том, что Советская Россия принесла ей столько горя.

Наша семья и сегодня продолжает архивные поиски. Правнуки Марии Александровны, мои дети Татьяна и Антон, активно и с большим интересом в них участвуют. Надеюсь, история жизни выдающейся женщины нашей семьи Марии Александровны Федоренко-Рунне будет интересна и последующим поколениям.

Иван, крестьянский сын, покоритель морей

И.М. Терёхин (крайний справа), остров Шумшу, Курильская гряда, база Катаока, 1946

И.М. Терёхин, Москва, 1957

Капитан первого ранга, участник боевых действий на Северном и Тихоокеанском флотах Иван Михайлович Терёхин родился в Симбирске в 1908 году, в доме № 49 по улице Панской. Его судьба показательна для своего времени: родившись в многодетной крестьянской семье, он сумел многого добиться в жизни благодаря высокой целеустремлённости и исключительной ответственности.

С молодого возраста Иван Терёхин вёл записи, в которых отражал важные события. Сохранил он и семейную переписку: самые ранние письма датируются 1924 годом. Прошли десятилетия, и эти дневники, имевшие, казалось бы, сугубо личный характер, обрели историческое значение.

Родной Симбирск остался в памяти Ивана Михайловича самым близким и тёплым местом на земле, о котором он всегда помнил и куда стремился хоть ненадолго вырваться из своей непростой военной жизни.

«На нашу детскую долю выпали тяжёлые годы, годы Первой империалистической войны, годы страшного голода, эпидемии тифа и прочих болезней в Поволжье. Перед войной 1914 года жили мы на северной окраине города – Северном выгоне, в маленьком домике. На дворе стояли сарай, сеновал, землянка для бурёнки. Улица была пыльная, грязная. Летом по ней прогоняли стадо коров и коз, а зимой улица утопала в сугробах снега. Одним концом она упиралась в свалку городских отходов, другим концом выходила

на площадь-пустырь, где стояло несколько деревянных кузниц...».

Как же могла здесь зародиться у мальчика романтическая мечта о дальних морях, о заманчивой морской профессии? Никто в семье и не помышлял об этом. «Летом нам жилось вольготнее – старшим из нас иногда разрешалось сходить с взрослыми ребятами на Волгу, на Свягу, в луга. Из таких походов мы возвращались домой усталыми, голодными, но всегда довольные родительским доверием».

Но жизнь готовила другие испытания. Осенью 1914 года семья, в которой было шестеро детей, проводила отца на фронт.

«После проводов отца над нами, как и многими другими солдатскими семьями, нависла жестокая неотступная нужда... Горько вспоминать, как мы, босоногие малолетки из бедных солдатских семей, бегали, как за подаянием, в благотворительную кухню за мутной похлёбкой, полбяной кашей и за куском ржаного хлеба. Бегать приходилось далеко по пыльной булыжной дороге, и было не счесть

на наших ногах заноз, ссадин и сбитых ногтей».

Да и сама жизнь оставляла свои метки на детских сердцах: ранняя смерть (в 34 года!) любимой и любящей матери, сиротство, вынужденное пребывание старших детей в приюте, где они встретили и Февральскую, и Октябрьскую революции 1917 года.

«Зимой трое из нас жили в городе, у бабушки, и учились в школе, а летом жили и работали в деревне. Учились мы настойчиво и с желанием... В школу приходилось ходить далеко. Размещалась она в нижнем этаже жилого дома в Молочном переулке, рядом с городской баней... Среди ребят было предостаточно шалунов и забияк, но эта сторона ребячьей уличной жизни нас не увлекала... Мы, ребята, как и все волжане, очень любили наблюдать весенний ледоход на Волге. Обычно перед ледоходом с Волги доносился гул и треск от взломки льда, затем начиналось его движение – сначала рывками в отдельных местах... По мере ускорения движения льдины начинали кружиться, биться, вздыбливаться друг на друга,

обрушиваясь на всё, что препятствовало их движению...».

Так и в жизни – бежало неостановимое время со своими тяготами, но и радостями.

«В 1921 году на Поволжье обрушились голод и тиф. Жизнь в городе и деревне обнищала и становилась невыносимо тяжёлой. Все мы переболели тифом. Временами казалось, что жизнь каждого из нас теплится, как огарок свечи, которому достаточно маленького дуновения ветерка, чтобы он погас. Нам повезло – мы остались живы... Осенью 1922 года я поступил учиться в профшколу имени КИМ с зачислением на интернатское содержание. В этом же году вступил в пионеры...».

После окончания профшколы Ивана в числе пятерых интернатовцев трудоустроили (во время большой безработицы!) на Самайкинскую фабрику им. Ф.Э. Дзержинского. «Мы, фабричная молодёжь, работали с энтузиазмом. Жили в общежитии, в доме бывшего фабриканта. В октябре 1927 года я был принят кандидатом в члены партии, а осенью 1928 года я поступил в Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в Ленинграде».

Первый год учёбы был сложным, и настроение противоречивое, но уже первое курсантское плавание позволило понять: выбор сделал правильно. «Море понравилось своей суровой красотой и какой-то только ему присущей загадочностью. Позналась настоящая, преданная, крепкая бескорыстная матросская дружба и взаимовыручка. И я бесповоротно покорился морской судьбе... По окончании ВМУ, в январе 1933 года, приказом Тухачевского направлен в распоряжение

командующего Тихоокеанским флотом тов. Викторова...».

В 1936 году молодого офицера посылают в Ленинград на специальные курсы. А в июле – августе 1938 года он участвует в Хасанских событиях на кораблях в районе залива Посыета. Иван Михайлович уже был женат – он встретил первую и единственную свою любовь, вместе с супругой они поехали к месту службы в Приморье.

«Служба на Дальнем Востоке, даже в мирное время, была беспокойной. Многочисленные пограничные конфликты создавали для флота большое напряжение. Корабли постоянно находились в повышенной готовности...».

В дневниковых записях того времени мы не найдём конкретных цифр и фактов, характеризующих обстановку на границе с Японией. Это стало достоянием общественности гораздо позже. Но тональность повествования и некоторые реплики дают представление о сложности положении страны накануне войны и о непростых взаимоотношениях с воинственным восточным соседом.

Долгожданный отпуск в июне 1941 года был прерван войной. Новые испытания для страны, конечно же, стали и личным испытанием, полосой тревог и потерь: разлука с семьёй (в сентябре 1941 года все семьи из Приморья были эвакуированы в Сибирь), гибель младшего брата в ополчении под Ленинградом, гибель в блокаду семьи старшего брата, гибель дочери младшего брата в эвакуации. Страшным горем были эти безвременные утраты...

«В январе 1943 года я был послан в Военно-морскую академию им. К.Е. Ворошилова в город Самарканд. Весной

1944 года Академия возвратилась в героический Ленинград. «О, этот город! Как его пытали, с земли и с неба, стужей и огнём...». С тяжёлым чувством горечи бродил я по израненным, опустевшим знакомым местам Ленинграда. Не встретил никого из родных и знакомых – все они погибли за Ленинград».

О своём участии в Петсамской десантной операции на Северном флоте записи очень краткие: «был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени».

В марте 1945 года И.М. Терёхин был назначен на должность заместителя начальника по оперативной части Кольского морского оборонительного района Северного флота. Флотом командовал замечательный адмирал А. Г. Головкин.

На штаб возлагались обязанности «по обороне главной базы флота и обеспечение безопасности плавания кораблей в операционной зоне оборонительного района. Время было тяжёлое и ответственное».

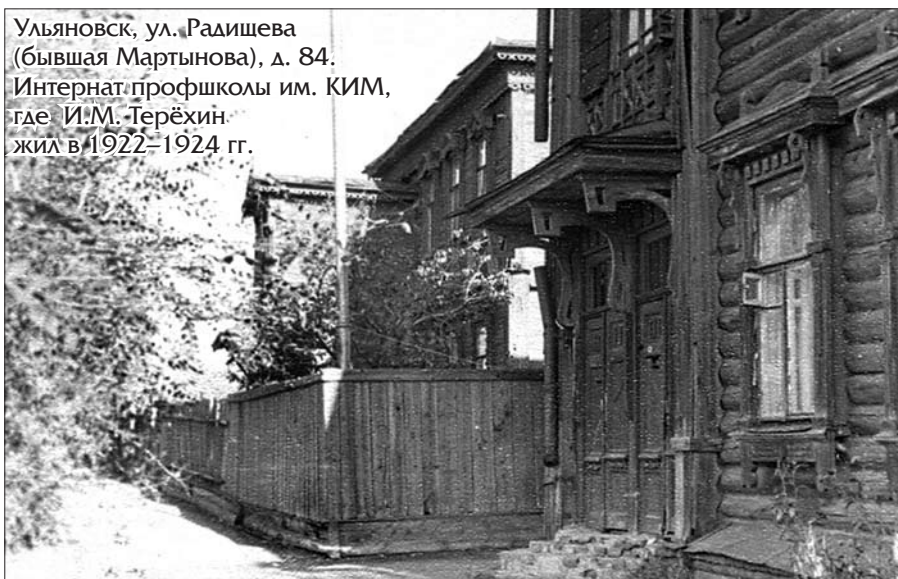
В записках мало личных переживаний, всё подчинено службе и воинскому долгу. Но вот – 9 мая 1945 года, конец войны. Здесь эмоции захлёстывают. «В этот день, на митинге жителей Полярного, адмирал А.Г. Головкин с мостика эскадренного миноносца, стоявшего у пирса, радостно-пламенно и трогательно поздравил всех нас с Великой Победой. Такой общей радости я никогда не видел и не испытывал, и такого «ура», которое прогремело на этом митинге, я ещё не слышал. От счастья многие обнимались, целовались и плакали».

Но служба продолжалась, да и военные дела ещё не были закончены.

«В конце июля 1945 года я получил назначение на Тихоокеанский флот командиром бригады фрегатов (американской постройки) Камчатской флотилии... Япония продолжала упорно и отчаянно воевать».

Все эти годы семья моряка пыталась быть рядом с ним, но слишком часто обстоятельства оказывались сильнее, и было не миновать длительной разлуки. В эвакуации удалось добраться до родных в Ульяновской области. За это время подрос сын, свой первый класс он окончил в Радищевской школе. Собственноручно написанное им письмо отец получил на Камчатке 15 октября 1945 года. Это письмо шло 35 суток, преодолело 12 тысяч километров и несколько цензур.

Лишь в феврале 1946 года, после капитуляции Японии, семья смогла воссоединиться. Произошло это на Курилах, самом северном острове гряды

Ульяновск, ул. Радищева (бывшая Мартинова), д. 84. Интернат профшколы им. КИМ, где И.М. Терёхин жил в 1922–1924 гг.

Шумшу (или Сюмусю), на Военно-морской базе Катаока, первым командиром которой и стал И.М. Терёхин. Было ему 37 лет. Именно ему поручили налаживать нормальную жизнь на освобождённой территории острова после завершения Курильского десанта.

«Жизнь на Курилах была очень тяжёлой. Все японские постройки были предназначены для военных целей. Строились под землёй и были мало пригодны для жилья людей... Под воздействием вулканов острова часто трясло. Пришлось пережить страшное буйство природы – извержение вулкана Сарычева на острове Магуя в 1946 году. Матросы в шутку, не без основания, прозвали Катаоку «берлогой всех морских и подземных чертей». А оставшиеся ещё на острове пленные японцы пугали русских непонятным цунами.

Вскоре, в связи с новым назначением И.М. Терёхина на должность заместителя начальника штаба пятого ВМФ, семья переехала во Владивосток. Переход в течение девяти суток Тихим океаном, потом, через Сангарский пролив, Японским морем осложнился двухдневным десятибалльным штормом.

Казалось бы, эти величественные картины, грозные события должны были вытеснить из памяти маленький приволжский городок. Но нет. Тянуло в родной Симбирск, давно уже ставший Ульяновском. Волга полноправно соперничала с необозримыми морями и океанами. Об этом записи в тетрадах от 1948 года: «Ульяновск... выглядел не совсем ещё оправившимся от тягостных лет войны... Вместе с тем везде чувствовалось оживление: мостили улицы, проводилась трамвайная линия, реконструировался вокзал и огромная строительная деятельность развивалась

в Засвияжье». Позитивный взгляд на жизнь был отличительной чертой характера моряка. А ещё – обострённое чувство ценности каждого момента отпущенного человеку на земле времени. В 1970-е он отмечал: «...всякий раз, когда приезжаешь в Ульяновск, постоишь на Венце, уже убелённый сединой, помотришь на Волгу и на необозримое Заволжье, в голове так и замелькают воспоминания о нелёгком, но всё же дорогом сердцу детстве... Сотни раз в «стае» ребят спускались к Волге и поднимались на Венец по деревянной, семисотступенчатой лестнице».

Приезды в Ульяновск были уже из Москвы, куда Иван Михайлович назначался дважды: в 1950 году на должность начальника оперативного отдела Главного управления боевой подготовки Морского Генерального штаба и в 1956 году на преподавательскую должность Высшей академии Генштаба им. К.Е. Ворошилова.

«За время работы в Москве побывал с инспекцией на всех флотах и флотилиях. Черноморский флот быстро пополнялся новыми кораблями. Севастополь из руин восстанавливался белокаменным красавцем. Балтийский флот, поделившись на два флота, присматривался, что к чему. Северный и Тихоокеанский флоты были и остались наиболее сколоченными и боевыми флотами».

Неудивительно, что «морская душа» Терёхина не выдержала: в 1953 году он снова попросился на флот. На этот раз под его командованием оказалась Владимиро-Ольгинская военноморская база пятого ВМФ на Дальнем Востоке. Опять разлука с семьёй. Возможно, Приморье и стало бы окончательным портом приписки, но тяготы морской службы, война, активное уча-

И.М. Терёхин.
Москва. 1986

стие в боевых действиях – всё это сказалось на здоровье. Долго отказывали в увольнении в запас. И всё же... Коварная болезнь заставила оставить любимое дело, и... «охватила тоска о флоте, как о старом верном друге. Уж очень не хотелось уподобляться аварийному кораблю, которому нет больше попутных ветров». О таком ещё недавнем боевом прошлом напоминали теперь ордена и медали на чёрном морском кителе. Конечно, немаловажно было и то, что его жизненный опыт и практические знания были нужны новому поколению морских офицеров – слушателям Военной академии.

Ещё на Курилах Иван Михайлович вручил своему одиннадцатилетнему сыну толстую тетрадь из остатков союзнической канцелярии. На ней – подпись: «Остров Сюмусю. Морская улица. Д. 24. Настоящий журнал дарю сыну Мише для ведения дневника своего детства. Пусть этот дневник послужит средством для приобретения навыков в обобщении результатов сделанной работы за день и воспоминаний о прошлом. 14 февраля 1947 год».

Прошли годы, и сын стал моряком. Пролетело время, и внук надел морскую офицерскую форму. Служба и воинский долг разбросали их по разным флотам. Было, о чём говорить за общим столом защитникам Отечества с берегов Тихого океана, Белого и Чёрного морей. А началась эта история с Волги, с плеска её волн, с маленькой пристани средневожского городка, оказавшейся началом большого жизненного пути нескольких поколений.

И.М. Терёхин. Дальний Восток,
Владими́ро-Ольгинская военно-морская база. 1953

Татьяна Алисевич

Народный артист из Елаура

В марте этого года исполнилось 105 лет со дня рождения выдающегося артиста Алексея Ургалкина (на фото), уроженца Симбирской губернии. Алексей Константинович с детских лет мечтал стать артистом и достиг театрального олимпа: в 1976 году он первый из выходцев чувашского народа получил почётное звание народного артиста СССР.

Актёр, педагог, режиссёр Алексей Ургалкин родился 17 марта 1910 года в селе Елаур (ныне Сенгилеевский район Ульяновской области). С юных лет он работал заведующим избой-читальней в родном селе (1925–1931), затем поехал в Магнитогорск, устроился на металлургический комбинат, прошёл актёрскую студию при Магнитогорском театре рабочей молодёжи. В 1932–1935 годах служил в Красной армии, там тоже занимался любимым делом, руководил полковым драмкружком. После демобилизации вернулся в Магнитогорск и стал актёром Театра рабочей молодёжи. В 1936 году переехал в Чебоксары и стал актёром Чувашского государственного академического драматического театра. Здесь Алексей Ургалкин выступал на сцене до 1981 года. Богато одарённый внешними данными и талантом, Ургалкин сразу же занял ведущее положение в Чувашском драмтеатре. Одна из первых крупных работ – роль Беркутова в спектакле «Волки и овцы» А. Островского. После этого режиссёры стали доверять ему роли первого плана. До войны самой удачной работой стала роль Сетнера в музыкальной драме по бессмертной поэме К.В. Иванова «Нарспи» (1940). Ургалкин обладал сильным и незаурядным голосом, пел не хуже оперного певца.

Многие критики и исследователи отмечают характерное для его творчества «глубокое проникновение в сущность образа, умение раскрыть и донести внутренний мир героя, его психологию, развитие характера», а также «масштабность, стремление к философской глубине, тонкость психологического рисунка в сочетании с огромной требовательностью к себе». Созданные Ургалкиным образы сравнивали с отточенными до мелочей скульптурными произведениями. Режиссёры ценили в нём не только актёрский темперамент и серьёзное отношение к работе, но и глубокое знание жизни и психологии людей. Народная артистка Чувашской АССР Н. Григорьева вспоминает: «Получив новую роль,

Алексей Константинович вначале создавал тип будущего героя на бумаге. Нарисует вариант носа, разрез глаз, пофантазирует над причёской. Только после этого начинает входить в роль».

«Когда он играл Шеркея, – вспоминал главный режиссёр и художественный руководитель Чувашского драмтеатра В. Яковлев, – даже люстры в зале дрожали. Если его одёргивали за патетичность, он отвечал: «Не мешай! Дай сыграть!». И действительно, его убедительная игра покоряла и подчиняла зрителей».

Сцена из спектакля «Под гнётом»

Творчество Алексея Ургалкина составило яркую страницу в истории чувашского театрального искусства. Образы, созданные им, отличались глубоким социальным содержанием, жизненной убедительностью, сценической выразительностью, высокой театральной культурой. Среди них: Жухрай – «Как закалялась сталь» Н. Островского, Актёр – «На дне» М. Горького, Любим Торцев – «Бедность не порок» А. Островского, Сетнер – «Нарспи» К. Иванова, Степан – «В деревне» Ф. Павлова, Сентиер – «Айдар» П. Осипова, Земляника – «Ревизор» Н. Гоголя, Половцев – «Поднятая целина» М. Шолохова, Кнуров – «Бесприданница» А. Островского и многие другие.

Алексей Ургалкин был артистом широкого диапазона и высокой исполнительской культуры. С одинаковым успехом он играл в комедиях и высоких трагедиях, в пьесах классического

и современного репертуара. Актёр создал сценические характеры от трагических до острокомедийных, гротесковых. За 45 лет работы на чувашской сцене он сыграл около 250 ролей.

«Настолько была сильна его энергетика, настолько сильно к себе притягивало Богом данное обаяние. Очень интеллигентный. Играл на пианино, хорошо рисовал. Иногда гримёры работали по его эскизам. На собраниях всегда тихо сидел в углу. Любил повторять: «Не на собраниях, а на сцене нужно демонстрировать творчество». Его место в театре до сих пор не занято», – вспоминал В. Яковлев.

Ургалкин был рождён для героических образов, этому способствовали его физически крепкая внешняя фактура и душевный склад. Интересно, что его родословная восходит к роду Урги, собравшего ополченцев при взятии Иваном Грозным Казани. Не случайно, наверное, именно Алексею Ургалкину была доверена роль царя Алмуша – эльдебера Волжской Болгарии – в трагедии И. Петровой «Телей и Илем» («Счастье и Красота»), которую он сыграл очень убедительно, создав образ царя булгар, собравшего в X веке разрозненные племена в одно мощное государство. Эта работа стала одной из последних в его творческой биографии.

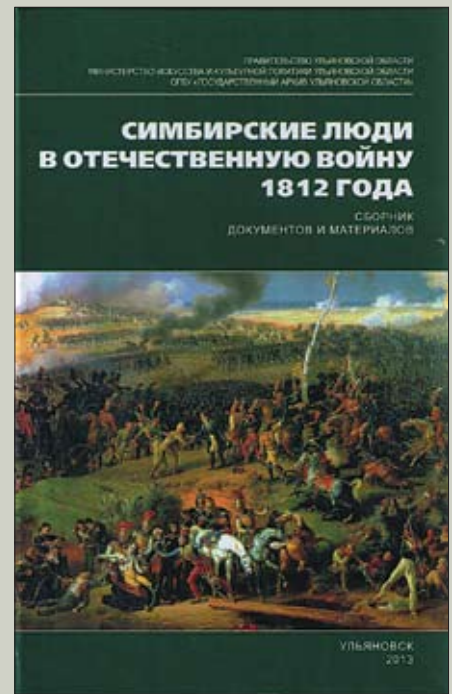
Умер наш земляк 7 ноября 1981 года, похоронен в Чебоксарах.

Государство высоко оценило творчество А.К. Ургалкина, наградив орденами Дружбы народов, «Знак Почёта», медалями. Актёру поэтапно были присвоены звания: заслуженный артист Чувашской АССР (1945), народный артист Чувашской АССР (1950), заслуженный артист РСФСР (1957), народный артист РСФСР (1968), народный артист СССР (1976). Его имя занесено в Почётную книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1970). Именем Ургалкина названа улица в Чебоксарах.

Николай Ларионов,
редактор ульяновской
областной газеты «Канаш»

Военная история строкой архивных документов

Государственный архив Ульяновской области путём публикации хранящихся в нём документов помогает военной истории «заговорить». В настоящее время идёт работа над книгой о людях и событиях Первой мировой войны. В 2010 году увидел свет архивный сборник «Нам досталась на долю нелёгкая участь солдат» – о судьбах участников Великой Отечественной войны. Недавно вышел из печати сборник «Симбирские люди в Отечественную войну 1812 года», презентация которого прошла в конце 2014 года (на фото). На основе документов книги ведущий архивист **Антон Шабалкин** подготовил статью о сынах Симбирской земли, во все времена верой и правдой служивших Отечеству.

Секунд-майор и генерал-поручик Ивашевы

Род Ивашевых памятен многими славными людьми. В ссылке закончил свои дни декабрист Василий Петрович Ивашев. Его отец – Пётр Никифорович – служил адъютантом великого Суворова, а в 1812–1814 годах был «военным директором путей Действующих армий». В середине XVIII столетия довелось носить военный мундир его отцу Никифору и дяде Петру Ивашевым.

Пётр Великий заставлял российских дворян не только служить в обязательном порядке, но и получать образование. Эта генеральная линия не прервалась со смертью самодержца. Ярким свидетельством тому является паспорт 1737 года, выданный герольдмейстерской конторой недорослю из дворян Никифору Семёновичу Ивашеву. Во времена Анны Иоанновны под словом «недоросль» подразумевался молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший ещё на государственную службу. Негативный смысл слово получило после написания Фонвизиним бессмертной комедии «Недоросль».

Паспорт Никифора Ивашева – это лист бумаги с типографским шрифтом: «В нынешнем 1737 году, февраля 19 дня, по Ея Императорского Величества указу, и по приговору Правительствующего Сената, недоросль Никифор Семёнов

сын Ивашев, которого в Санктпетербурге, в герольдмейстерской конторе объявил отец полковник Семён Ивашев декабря 10 дня 1736 году, к первому смотру...».

Тогда дворяне должны были объявлять (по-современному – приписывать) своих сыновей на военную службу с юных лет. Герольдмейстеры вели списки дворян по именам и чинам и вносили в эти списки дворянских детей. В документе Семён Никифорович Ивашев почему-то назван полковником, хотя доподлинно известно, что дослужился он лишь до подполковника. Как в столь серьёзном документе Ивашеву-старшему приписали лишний чин – непонятно.

Итак, отец, представив сына, «...в донесении показал, что ему от роду девять лет, Грамоте российской читать и писать обучен, по обязательству онного отца ево для обучения исправно читать и писать, со основанием, из Санктпетербурга из Герольдмейстерской конторы отпущен в дом свой в Симбирской уезд, и будучи ему в доме своём вышеписанным наукам обучатца со всяким прилежным радением...».

Качество полученных знаний в те времена проверяли со всей строгостью по достижении недорослями 12 лет на смотре в столичных городах России. И только вздумай не явиться... Загубить жизнь и карьеру можно было на корню: «...а ежели он в том году к смотру нигде не явится, а хотя и явится,

да не обучится, и за то он Ивашев написан будет вечно в матросы без всякого производства. И сей Пашпорт, по прибытии в дом свой, объявить ему в Симбирской провинциальной Канцелярии. Дан в САНКТПЕТЕРБУРГЕ июня 28 дня 1737 году».

За бесперспективного матроса благородную барышню с приданым замуж не выдадут. Да и век матросский при тяготах тогдашней службы был не долг. Короче, вся жизнь полетит под откос. Неплохой, согласитесь, стимул к получению образования. Жаль, его не применишь к нынешним лоботрясам!

На галеры Никифор Ивашев не угодил. Правда, особо успешной карьеры тоже не сделал. То ли здоровьем не вышел, то ли талантами. Службу Никифор начал в 1742 году 15-летним, дослужился до капитана Псковского драгунского полка. Ни в каких походах и сражениях не участвовал. А в 1762 году императрица Екатерина II издала указ о вольности дворянству, избавлявший дворян от обязательной службы. Менее чем через год после указа Никифор Ивашев уволился «от воинской и статской службы».

При отставке получил чин секунд-майора. Грамоту на пергаменте о возведении в 1763 году за «ревность и прилежность» к службе капитана Никифора Ивашева в чин секунд-майора за подписью императрицы Екатерины II ныне можно увидеть в Национальном музее Республики Татарстан.

ПО УКАЗУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

И прочая, И прочая, И прочая.

Въ нынѣшнѣмъ 1737 году, февраля 19 дня, по Ея Императорскаго Величества указу, и по приговору Правительствующаго Сената, недоросль Никифоръ Ивановичъ Пашкоръ, котораго въ Санктпетербургѣ, въ Герольдмейстерской Канцелярѣ объявлять оцѣ, по повелѣнью Ея Величества, въ томъ, что онъ роду Пашкоръ, а не Пашкоръ, Гранотъ, по обязанности своего отца, для обучения наукъ, въ Герольдмейстерской Канцелярѣ, ошлученъ въ домъ свой, въ Санктпетербургѣ, и обученъ въ домъ, по повелѣнью Ея Величества, наукъ, обучающа со всякъмъ приближеннымъ радничемъ, а когда онъ будеть въ домъ, къ нему еще липеть на смотрѣ въ Москвѣ, или въ Санктпетербургѣ, до 1739 года, а далѣе того году въ домъ ему нести, не конечно на смотрѣ приближать, а если онъ въ томъ году къ смотрѣ негдѣ нелипеть, а хоша и липеть да не обученъ, и за то онъ Пашкоръ написанъ будеть вечно въ мастровъ безъ всякаго произвожденія. И сего Пашкоръ по прибытїи въ домъ свой, объявлять ему въ Канцелярѣ, Канцелярѣ, данъ въ Санктпетербургѣ, 28 дня, 1737 году.

Иванъ Пашкоръ
Секретарь Иванъ Васильевъ
Михаилъ Петровичъ Баратаевъ
Канцелярѣ

Паспорт недоросля Никифора Ивашева. 28 июня 1737 года

А вот аттестат о службе Петра Семёновича хранится в Ульяновском архиве. Пётр Семёнович Ивашев был не «паркетным генералом». Он начал службу в 1732 году «с самого солдатства» и, прослужив почти сорок лет, вышел в отставку в 1771 году генерал-поручиком. Упомянутый аттестат от 11 октября 1772 года также подписан императрицей Екатериной Великой и генерал-аншефом графом Захаром Григорьевичем Чернышёвым. В аттестате блестящая оценка: «В продолжение же сей Нашей службы он Ивашев во всём так поступал и себя содержал, как честному, верному, послушному, храброму Солдату и искусному Офицеру надлежит».

Признаться, на фоне старшего брата служба Никифора Семёновича выглядит весьма бледно. И помещиком Никифор Ивашев был не ахти каким авторитетным. Закончил свои дни отставной секунд-майор Никифор Семёнович Ивашев в 1795 году, так и «не доросши» до великих дел своего века.

Боевой путь князя Баратаева

С портрета смотрит стройный мужчина в мундире с регалиями и лентой ордена Святого Станислава. Удлиненное лицо, обрамлённое бакенбардами, острый подбородок. Выразительный взгляд больших, тёмных, чуть миндалевидных глаз свидетельствует о незау-

рядном уме. А огромный нос с горбинкой с лихвой выдаёт происхождение действительного статского советника и кавалера. Симбирский князь Михаил Петрович Баратаев происходил из славного грузинского рода Бараташвили. Князь оставил яркий след в истории Симбирска и России. Но мы коснёмся лишь военной странички его биографии.

Князь Михаил Петрович Баратаев. 1840-е

Во времена императрицы Екатерины II существовала порочная практика записывать детей с малолетства на воинскую службу. Ребёнок рос, росли и чины его, таким образом, к совершеннолетию юноша получал офицерский чин. Надо ли говорить, что пользы для армии от подобных «командиров» было немного. Доходило до абсурда — барыни в положении, ещё не зная даже пола будущих младенцев,

стремились внести их в списки гвардейских полков.

Восьмилетний Миша Баратаев уже числился в вахмистрах конной гвардии. А с 14 лет, осенью 1798 года, начал свою реальную службу юнкером в 11-м артиллерийском батальоне. Однако пушки, видимо, мало привлекали симбирского «джигита». В январе 1805 года он вышел в отставку, а в июне следующего года вступил в Павлоградский гусарский полк, тот самый, что упоминается в героической комедии «Гусарская баллада». Поручик Баратаев состоял адъютантом командира элитной кавалергардской бригады генерал-майора Ефима Игнатьевича Чаплица, человека бесстрашного и решительного. Сохранился прекрасный карандашный портрет Ефима Игнатьевича 1813 года работы Ореста Кипренского. Генерал был на 16 лет старше Баратаева и успел отличиться ещё в сражениях XVIII столетия под Очаковым и Измаилом.

Как раз в 1806 году Чаплиц стал шефом Павлоградского гусарского полка, и, возможно, выбор Баратаевым места службы был не случаен. Командир и адъютант легко нашли общий язык, и именно Ефим Игнатьевич посвятил князя Михаила в масоны. При штабе Чаплица произошла и первая встреча Баратаева с Денисом Давыдовым.

В 1806–1807 годах наш князь участвовал в боевых действиях против Наполеона. Михаил Петрович проявлял

недюжинную храбрость и удаль. Часто он сам вызывался участвовать в опасных боевых действиях. Несмотря на штабную должность, князю довелось вдоволь понюхать пороха да собрать урожай наград. Приведём отрывок из хранящегося в ульяновском архиве царского указа от 23 ноября 1807 года: «В воздаяние отличной храбрости, оказанной Вами в сражениях противу войск французских 13-го и 14-го чисел минувшего Декабря при Пултуске, где вы с особливою ревностью развили приказания Главнокомандующего, а 12-го числа того ж месяца, быв посыланы с нужнейшими бумагами к Генерал-Лейтенанту Барклаю де Толлию, должны были пробиться сквозь несколько человек французов и, будучи отрезаны от корпуса, умели к оному возвратиться, Жалую вас кавалером ордена Святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени...».

На указе о награждении поручика (то есть старшего лейтенанта по современному) стоит собственноручная подпись императора Александра I. Что касается доставленных Баратаевым бумаг, то от них, как отмечал другой знаменитый генерал, Дмитрий Сергеевич Дохтуров, «зависел успех нашего тогда действия».

Спустя всего неделю после указа Михаил Петрович удостоился престижного офицерского Золотого креста за участие в сражении 27 января 1807 года у Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии. Пригодился ему на этот раз и артиллерийский опыт – на второй день сражения у Прейсиш-Эйлау он командовал двумя орудиями донской артиллерии.

Но поля сражений отнюдь не усыпаны наградами. Неприятельские пули тоже «отметили» князя.

Первый биограф князя Баратаева, другой симбирский князь, Василий Иванович Баюшев писал о нём: «...Находился во многих кровопролитных сражениях... причём в сражении при Лансберге получил сильную контузию ядром в ногу; в сражении при Альгенсбурге... выпросился в охотники и произвёл блистательную атаку на неприятельское каре и был тяжело ранен в ногу».

Пока Михаил Петрович залечивал раны, за него хлопотал генерал Ефим Игнатьевич Чаплиц. А в октябре 1807 года в письме к Баратаеву командир не преминул подчеркнуть, что во время смотра император лично интересовался судьбой бесстрашного князя.

Чаплиц замолвил словечко за своего адъютанта и перед королём прусским и добился-таки для Баратаева прусского ордена «За заслуги».

О тёплых чистосердечных отношениях, сложившихся между генералом и поручиком – братьями-масонами, свидетельствуют письма Ефима Игнатьевича: «...Помните навсегда, что где вы не будете, всегда вы будете интересоваться меня, а за сим князь Баратаев не должен забывать Чаплица».

Тяжёлая рана ноги послужила причиной почётной (с ношением мундира и полным пенсионом) отставки Михаила Петровича 5 февраля 1809 года. Отставной 25-летний штаб-ротмистр поселился в своём имении Баратаевка под Симбирском.

В баталиях Отечественной войны 1812 года охромевшему князю поучаствовать не довелось. Однако по-смертно его тоже записали в герои тех сражений. В 1912 году, когда к столетнему юбилею славных подвигов потомкам героев оказывалась монаршая милость в виде пенсий и пособий, многие обедневшие дворяне обращались с ходатайствами о денежной помощи. Поступила подобная бумага на имя симбирского губернского предводителя дворянства В.Н. Поливанова и от дочери князя Михаила – 92-летней старой девы Софьи Михайловны. Княжна излагала свои «верные сведения»: «Князь Михаил Петрович Баратаев служил гусарским офицером; в войну 1812 года был ранен пулею в чашечку колена, ладонь левой руки была раздроблена, почему он принужден был выйти в отставку». Вероятно, старушка спутала кампанию 1806–1807 годов с «грозою двенадцатого года»...

Розы и шипы Симбирского ополчения

Вспоминая «грозу двенадцатого года», мы часто говорим о Симбирском ополчении, забывая, что непосредственно в 1812 году оно в боевых действиях не участвовало. Наша губерния, согласно манифесту от 18 июля 1812 года, входила в «третий округ ополчения (Губернии: Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская, Вятская), как бы резервный, обязанный подготовить сбор ополчения для использования его соответственно с дальнейшим развитием военных действий». Не будем сейчас пересказывать историю ополчения, приведём только несколько малоизвестных фактов – и славных, и горьких.

Набор в ополчение был назначен с 16 сентября, когда французы уже находились в первопрестольной, а выступили ополченцы в поход 26 октября 1812 года. За эти 40 дней удалось собрать одно из самых боеспособных ополчений. Во главу Комитета по набору «дворянство по своему постановлению пригласило Г. Гражданского Губернатора» князя Алексея Алексеевича Долгорукого. Выбор был удачный. Князь, в прошлом военный, отличался государственным подходом к вопросам обороны. И это сыграло существенную роль в поставках на борьбу с неприятелем людей, лошадей, обмундирования, продовольствия и фуража.

Князь А.А. Долгорукий

Не секрет, что иные господа помещики, на словах ратовавшие за защиту Отечества, на деле не горели желанием отправлять на войну своих крепких и хороших работников. Иногда стремились сплавить в ополчение пьяниц и дебоширов. А против имени крестьянина Михаила из села Александровки, Усольской вотчины графа Орлова, в списке даже поставили помету: «За непочтение матери должно отдать в ополчение».

Набор в ополчение был менее строг, чем набор в рекруты. Например, пункт 7-й правил приёма гласил: «В приёме на рост не взирать, лишь бы не был карла». Однако некоторые бары толковали правила излишне вольно, управляя на пункты сбора едва ли не калек. И губернатор князь Долгорукий решительно пресекал подобные злоупотребления.

Губернский прокурор Михаила Быков «без огласки» наводил в начале сентября 1812 года справки о дворянах,

уклоняющихся от вступления в ополчение. Впрочем, подобное шкурничество отнюдь не было массовым. И представители самых разных сословий искренне старались помочь формированию ополчения.

Петербургская газета «Северная почта» сообщала, что в середине октября «...Алатырский Штаб-Лекарь, Г. Фохт, по усердию своему к общей пользе, вызвался снабжать один полк собственными лекарствами, пока ополчение наше выступит в поход; а притом принял на себя и другой ещё полк пользоваться без всякого воздаяния».

Церкви и монастыри помогали денежными сборами. Алатырский протоиерей Иоанн Маловский лично пожертвовал: «ассигнациями 50 руб., серебром 30 руб., вещей серебрянных на 200 руб., лошадь во 160 руб., да на обмундирование двух церковнослужителей, объявивших желание вступить в воинскую службу, 243½ рубля».

Но были и обратные примеры. Ардаковский помещик Фёдор Михайлович Назарьев в тревожном 1812 году «подписал в пожертвование на пользу бывшего Симбирского ополчения триста двадцать пять рублей». Но, когда угроза миновала, расставаться с денежками стало жалко. Взыскать обещанную сумму с «патриота» удалось лишь в конце декабря 1814 года через суд...

В августе-сентябре 1812 года несколько чиновников Симбирской удельной конторы подали начальству прошения с просьбой: «...имею желание вступить вновь составляющееся Симбирское ополчение, о чём объявляя, всепокорнейше прошу Ваше Высокоблагородие меня из штата вверенной Вам удельной Конторы уволить и снабдить о непорочной службе моей аттестатом». Одним из первых прошение подал коллежский регистратор Фёдор Федосеевич Ахматов. В октябре 1813 года корнет Конного полка Симбирского ополчения Ахматов отличился в боях под Дрезденом наряду с другими младшими офицерами, «находясь в охотниках и с примерным мужеством отражая неприятеля». Фёдора Ахматова представили к повышению в чине.

Кстати, в документах он писался как «Ахматов 2-й», поскольку в том же конном полку поручиком служил Пётр Антонович Ахматов. Это был опытный воин, он служил ещё с 1789 года, а с 1802 года находился в отставке. Когда начался набор ополчения, старый служака вновь стал под ружьё. В «Списке генералам, штаб и оберофицерам, отличившимся в сражениях

бывших при Дрездене» в октябре 1813 года, говорилось: «Поручик Ахматов. 5 октября, будучи с охотниками впереди, весьма успешно действовал против неприятельской кавалерии; по адъютантскому званию, с особенным мужеством исполнял все возлагаемые на него поручения. Благоволение». Выражение Высочайшего благоволения считалось высокой наградой. А в то время, когда поручик Ахматов крушил вражескую кавалерию, его семья подверглась притеснению от соседа-помещика. Жена поручика Варвара Николаевна жаловалась министру юстиции Ивану Ивановичу Дмитриеву, «что она... претерпевает притеснение от помещика Пушкина начавшего дело о земле, которая досталась им по покупке от Г. Бахметева и находилась в беспорочном их владении более 20 лет». Губернский прокурор, получив предписание министра, потребовал разобратся в таком безобразии.

Послужные списки воинов Симбирского ополчения, увы, скупы и не изобилуют подробностями. Историки отзывались об участии симбирцев в заграничном походе не столь сухо, отмечая, что ополченцы «покрыли себя бессмертием».

Дел дезертиров из Симбирского ополчения сохранилось немного. Мужики, поскакивавшие кто несколько месяцев, а кто и год с лишним, являлись с повинной. Обычно дезертирам объявляли монаршую милость и препровождали в родные селения.

В конце февраля-начале марта 1815 года Симбирск встречал своих героев из заграничного похода. С про-

Воин и штаб-офицер Конного полка Симбирского ополчения

чувствованной речью к ополченцам конного полка обратился старший учитель Симбирской гимназии Дементий Васильевич Успенский. С подобающим случаю пафосом педагог восклицал:

«...Чувствуем, радуемся и восхищаемся мы! но се, мне кажется, и самые Священные храмы! самые дома! и самые окрестности града сего чувствуют и исполняются веселием, приемля в недра свои своих избавителей! Ибо свирепый враг рода человеческого, неистовствуя в Престольном граде Москве, нередко метал жадные мысленные свои взоры и на сии проницал и обилием исполненные страны, орошаемые величавою Волгою.

...О сладостное чувство видеть лицом к лицу защитников и избавителей от многообразных бед, злощастий и даже самой ужасной гибели Дражайшего Отечества!

...Там, на полях брани, оставленных вами в тишине и мире, там, в далёких ваших путешествиях, иногда палил вас зной, иногда проницал холод, иногда томил мучительный голод, иногда удручали жестокие болезни; а ненасытный враг желал бы и был всегда готов поглотить вас единым разом! желал, – но трепетал!

Вы, там в грозных сечах стремились против острия мечей, летели против свистящих пуль и ядер, метались на огнедышащие жерла, изрыгающие из себя тысячи мгновенных смертей! Вы там проливали кровь вашу и – искупали оною благоденствие Дражайшего Отечества и страны сей! ...Посмотрите, Храбрые воины! на окрест стоящий вас народ, там много уже радостных объятий, готовых вас заключить в себя! Но ах! – посмотрите, там же что-то и смущает несколько радостное торжество наше? ...Посмотрите: это невинное дитя, простирающее с материнских рук детские свои руки, оно взывает попечителя своего благосостояния, своего родителя, оно стремится с радостью обнять его; но – нет его! И где же храбрые сии воины? Ах, их нет уже! Они, запечатлев своею кровию непреложную верность к вере, пламенную любовь к Отечеству и стране сей, легли – далеко за Отечеством!».

К сожалению, разговоры об установке памятника симбирянам – участникам Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии, которые велись в 2012 году, так и остались разговорами. И о Симбирском ополчении в Ульяновске напоминает лишь мемориальная доска на здании сельхозакадемии.

Слово об Учителе

Для многих жителей Лаишевки Пётр Васильевич Артемьев был Учителем по жизни. Память о нём бережно хранят не только его ученики и их родители, но и все земляки, проживавшие в 1970–1990-х годах в Лаишевке, Протопоповке и Подгородной Каменке. Его можно было увидеть как пропагандиста и агитатора на ферме, полевом стане, как депутата – в сельсовете, как члена парткома – в конторе совхоза «Лаишевский», а также на концерте в Доме культуры, где он исполнял песни военной поры. Это был человек равнодушный к чужой беде, неутомимый, энергичный, с бравой фронтовой выправкой. Человек с большой буквы...

14 октября 1923 года в семье у Дарьи и Василия Артемьевых, проживавших в селе Суходол Чердаклинского района, родился первенец, которого нарекли Петром. До 1935 года семья жила в достатке: отец – хороший жестянщик – славился на всю округу. Но беззаботное детство Петра закончилось после смерти отца. К тому времени у Дарьи Фёдоровны было уже четверо детей: два сына и две дочери. На хрупкие плечи подростка легли не только заботы о младших, но и работа по хозяйству.

Петя Артемьев был одним из самыхмышлёных учеников местной школы, с детства отличался любознательностью. Читать его научил местный священник: поощряя тягу мальчика к знаниям, давал ему книги из своей библиотеки. Как вспоминал потом Пётр Васильевич, к 10 годам он уже перечитал все книги, которые были в Суходоле.

В 1937 году пионеру Пете Артемьеву поручили обучить грамоте 12 человек – справился успешно. В этом же году за ним закрепили 17 колхозных дворов для проведения агитации во время предвыборной кампании в Верховный Совет СССР. Он знакомил избирателей с биографией кандидатов в депутаты, устраивал громкие читки газет и журналов, раз в неделю дежурил вместе с комсомольцами в агитпункте.

Увлекаясь агрономией, юноша мечтал связать свою жизнь с сельским хозяйством, но начавшаяся война всё изменила. 11 января 1942 года Пётр был призван в ряды Красной армии. Его направили в Вольское училище химзащиты, а уже в июле этого года в составе ускоренного выпуска в звании младшего лейтенанта Пётр был направлен на Северо-Западный фронт.

По прибытии к месту службы получил должность командира взвода АХИ. В марте 1943 года вступил в ряды Коммунистической партии. В то время у коммунистов была лишь одна привилегия – первым идти в атаку, до последнего патрона держать оборону.

На северо-западном направлении шли тяжёлые бои. Взвод лейтенанта Артемьева в составе 20 человек держал оборону на протяжении двух километров против батальона противника. Никто не покинул позиций. Из 20 бойцов в живых осталось восемь. Ранен в руку был и сам лейтенант Артемьев. Горстка храбрецов сохранила боевую единицу и гордо осознавала: враг не прошёл, победили они, советские парни в солдатских шинелях. 30 апреля 1943 года Петру Артемьеву было присвоено звание гвардии лейтенанта. А награда за тот бой нашла героя только в январе 1949 года: орден Красной Звезды.

После лечения в госпитале, несмотря на ампутацию пальца, он остался в строю и был направлен на 2-й Прибалтийский фронт в 4-ю ударную армию, в составе которой проходил службу по октябрь 1946 года.

П.В. Артемьев был уволен в запас в должности старшего лейтенанта.

Молодой фронтовик, вернувшись в родные места, стал активным участником восстановления народного хозяйства после войны. Работал 2-м секретарём Николочеремшанского РК ВЛКСМ, зам. директора Белоярской МТС, секретарём парторганизации Белоярской МТС, секретарём парторганизации совхоза «Россия», главным агрономом этого совхоза.

Важным в судьбе Петра Васильевича Артемьева было назначение в 1958 году на должность агронома подсобного

Пётр Артемьев.
1945.
Надпись на обороте:
«Дорогой мамаше
на долгую память
от сына Петра»

хозяйства Ивановского детского дома имени А. Матросова. Здесь он почувствовал своё учительское призвание, поступил заочно в Ульяновский педагогический институт и получил специальность учителя биологии.

В 1971–1975 годах Пётр Васильевич работал в Бирючевской восьмилетней школе Ульяновского района. Он уже был опытным учителем со своим педагогическим почерком. Вот как о его работе писал корреспондент А. Игнатъев в районной газете «Родина Ильича» от 23 августа 1973 года: «Лабораторные работы, проведение опытов, создание зелёной лаборатории в классах, разведение цветов, постановка опытов на пришкольном участке, организация работ учащихся на полях совхоза, занятия спортивным ориентированием, турпоходами в отдалённые области республики – вот далеко не полный перечень воспитательных средств, которые умело и систематически использует Пётр Васильевич».

Он создал в школе кружок юных географов. Ребята вместе с учителем были активными участниками заочной игры всесоюзного радио «Путешествие по любимой Родине». Бирючевские школьники успешно участвовали в 12-м, 13-м турах, а в 14-м (1972–1973 учебный год) получили дипломы победителей и книгу о космосе с надписью: «Честь и хвала таким кружкам, как ваш, и их руководителям».

18 августа 1975 года приказом по Ульяновскому отделу образования П.В. Артемьев переведён на должность

П.В. Артемьев проводит занятие с экскурсоводами накануне открытия школьного музея. 1980

Вручение П.В. Артемьеву Почётной грамоты Обкома КПСС. 1974

учителя биологии и географии в Лаишевскую среднюю школу. В школу пришёл не просто новый учитель, а человек-подвижник. Невозможно переоценить значение открытия комплексно-краеведческого музея «История села Лаишевки и совхоза "Лаишевский"» в деле сохранения исторической памяти. Начало поисково-краеведческой работы было положено в начале 1970-х годов учителем географии А.И. Назаровой, эстафету по формированию музейной коллекции принял Пётр Васильевич. 11 марта 1980 года состоялось торжественное открытие школьного краеведческого музея. Поисковая работа под руководством П.В. Артемьева продолжалась, фонды музея увеличивались. В 1984 году в здании нового СДК музей получил просторное помещение и изменил свой статус: стал сельским краеведческим музеем. Большую поддержку оказывал Петру Васильевичу директор совхоза Виктор Семёнович Меркулов. За счёт совхоза были приобретены новые витражи, обновлены и расширены стенды экспозиций. Благодаря кропотливому труду П.В. Артемьева была собрана уникальная информация о советском периоде истории трёх сёл: Лаишевки, Подгородной Каменки и Протопоповки.

Велика роль Петра Васильевича в благоустройстве и озеленении села. При его участии было разбито четыре сквера, благоустроена детская площадка во дворе домов № 7 и 9 на улице Советской.

Пётр Васильевич выстроил в Лаишевской школе систему военно-патриотического воспитания. Были задействованы все ученики с первого по десятый класс, продумана работа с учётом возрастных особенностей, интересов и способностей ребят. Ученики

Артемьева были победителями районных и областных игр «Зарница» и «Орлёнок». А как интересно проходила игра «Зарница» в Лаишевской школе! До сих пор здесь жива заложенная Петром Васильевичем традиция выставления почётного караула 9 Мая к обелиску погибшим в годы Великой Отечественной войны землякам.

Пётр Васильевич был организатором туристических походов по Ульяновской, Пензенской, Куйбышевской областям и даже по Черноморскому побережью Кавказа. 36 его учеников получили значок «Турист СССР». Дневники всех этих походов хранятся сейчас в фондах музея. В 1978 году команда Лаишевской школы победила во Всесоюзном конкурсе юных туристов на приз газеты «Пионерская правда». Фотография участников похода была опубликована в газете. В том же году успехи в педагогической деятельности Петра Васильевича были отмечены медалью «За трудовое отличие».

В начале 1980-х годов П.В. Артемьев перешёл на должность военрука. Уроки НВП учителя-фронтовика выпускники школы помнят до сих пор. В 1985 году по его инициативе и при материальной поддержке совхоза «Лаишевский» на территории школьного стадиона были оборудованы лучшая в Ульяновском районе спортивная площадка и полоса препятствий для подготовки призывников, а в школьном подвале устроили тир, где проходили занятия кружка «Юный стрелок». Демобилизовавшиеся после срочной службы выпускники приходили к Петру Васильевичу со словами благодарности за курс «молодого бойца» — они были отлично подготовлены к армейской службе!

Многообразна и общественная работа Петра Васильевича: агитатор и пропагандист в совхозе «Лаишевский» с обязательным участием в дне животновода по пятницам и выездами на полевые станы во время посевной и уборочной. Пётр Васильевич много занимался самообразованием, выписывал более 14 газет и журналов. Долгие годы был депутатом сельского совета, членом исполкома Подгородно-Каменского сельсовета. После выхода на пенсию в 1991 году он не оставил общественную работу: возглавлял службу ГО в совхозе «Лаишевский», участвовал в работе Совета ветеранов.

Преобразования, начавшиеся в лихие 90-е, коммунист Артемьев переживал очень тяжело и как-то быстро стал угасать. Наверное, предвидел он и непростую судьбу созданного им музея, и разорение совхоза, и многое другое, чего понять и принять не мог. 7 апреля 1997 года Петра Васильевича не стало.

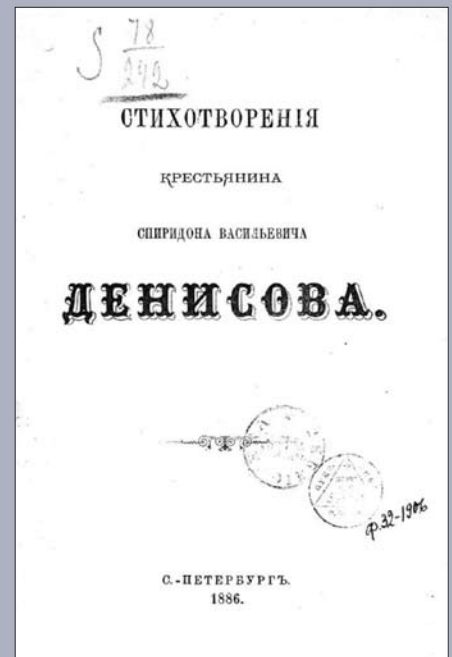
Учитель остался в сердцах учеников и их родителей, а значит, память о нём не исчезнет бесследно. И всё-таки хотелось бы отдать дань признательности заслугам П.В. Артемьева: назвать его именем одну из новых улиц Лаишевки. Сколько их уже появилось у нас: Новая, Садовая, Мира... Так почему бы не увековечить имя человека, собравшего по крупицам историю нашей малой родины? Прости, Учитель, что до сих пор мы этого не сделали...

Марина Десятникова,
учитель истории Лаишевской СОШ
г. Ульяновска, руководитель школьного
комплексно-краеведческого музея
«История села Лаишевки»

Крестьянский поэт Спиридон Денисов

В редакцию пришло письмо от нашего автора и читателя Андрея Мокеева из Димитровграда: «Купил новый «Мономах» №1-2015, посвящённый Году литературы, и сразу заметил некоторую несправедливость. Мне интересно было прочитать на страницах вашего интереснейшего издания о димитровградских писателях и поэтах, но в номере – лишь статьи об Артёме Весёлом и Александре Лебеденко. В нашем Мелекесе проживало множество замечательных писателей, как, например, Спиридон Денисов – крестьянский поэт, давший путёвку в жизнь писателю Неверову (Скобелеву), Борис Коплан – поэт Серебряного века, Геннадий Русаков – поэт и лингвист, и многие другие.

Предлагаю для начала рассказать о Спиридоне Денисове и высылаю статью о нём, написанную Михаилом Сударевым в 1959 году («Знамя коммунизма», № 182).»

Весной 1884 года редактор литературного журнала «Чтение для народа» отставной генерал Александр Александрович Гейрот, просматривая почту, вскрыл большой конверт. Письмо пришло издалека, везли его на почтовых лошадях около месяца. В конверте лежала рукопись торжественной оды, посвящённой великой русской реке. Не без интереса редактор журнала вчитался в былинный стих:

*Меж крутых берегов
И густых лесов,
По златым пескам
И по камушкам,
Льёт кристальный ток
Волга-матушка,
Днём от солнышка
Золотистая,
В ночь от месяца
Серебристая...*

Каково же было удивление генерала, когда узнал, что автором оды «Волга» был волостной писарь из села Старая Бесовка Ставропольского уезда Самарской губернии крестьянин Спиридон Васильевич Денисов.

«Волга» была напечатана в июньской книжке журнала. А через год по совету А. Гейрота издатель С. Балашов выпустил оду вместе с другими стихотворениями начинающего поэта отдельной книжкой.

Самобытное творчество С.В. Денисова было сразу же замечено литературной критикой. Рецензент журнала

«Русское богатство» А. Некрасова, анализируя произведения писателей, пишущих для простого народа, с похвалой отозвалась о стихах поэта, высоко оценила его оду о Волге. Так началась литературная деятельность нашего земляка, поэта и просветителя Спиридона Васильевича Денисова.

Денисов родился в 1852 году в деревне Кондаковке Мелекесского района (бывшей Рязановской волости Ставропольского уезда) в бедной крестьянской семье.

Ему было лет десять, когда по Поволжью прошёл голод, свирепствовали заразные болезни. Будущий поэт рано лишился родителей, ютился у родственников, пас скот у местного попа. Жажда к знаниям, особая прилежность в учёбе позволили Денисову успешно кончить трёхлетний курс обучения в сельской приходской школе. Вскоре его взяли учеником к волостному писарю. Юноша стал писарем. В течение десяти лет он работал в Хрящевской и Нижне-Санчелевской волостях Ставропольского уезда.

Денисов очень любил родную природу, Волгу и народ. На скопленные деньги он совершал прогулки на пароходах, изучал окрестности, покупал книги, много читал. Самостоятельно изучал русскую историю, грамматику, словесность. Многие сочинения Пушкина, Кольцова, Карамзина и Некрасова знал наизусть.

Часто бывая в Ставрополе и Самаре, Денисов познакомился с народниками.

С началом реакции после убийства императора Александра II Денисов переехал в глухое мордовское село Старая Бесовка (ныне Новомалыклинского района).

В ужасающей нищете влачили своё существование жители села. Волостной писарь многое сделал для просвещения тёмного трудового народа. Он посещал сельскую школу, помогал учителю Авксентию Юртову вести уроки истории и литературного чтения. В селе он открыл бакалейную лавку, в которой жена и дочь продавали крестьянам дешёвые издания книг русских писателей. Так в мордовском селе Бесовке жители узнали о Пушкине и Некрасове, рассказывали «Премудрого пескаря» Салтыкова-Щедрина, познакомились с творчеством И.С. Тургенева. Дочь Денисова Маша, девушка необыкновенной красоты, устраивала в лавке громкие читки книг, ходила по домам, собирала крестьянскую молодёжь и читала им поэмы А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Мороз, Красный нос», «Орина – мать солдатская», стихи А. Кольцова и И. Никитина.

В Старой Бесовке поэт подружился с революционно настроенным бухгалтером кредитного товарищества Антоном Яковлевичем Волковым, который после ссылки находился под надзором полиции... Против поэта начались интриги. Кулацкие сынки всячески порочили красивую образованную дочь Денисова, которая отвечала отказом на

предложения богатых женихов. В село зачастил жандармский унтер-офицер Владимир. Собиралась гроза...

В 1902 году Денисов переехал с семьёй в посад Мелекес и поселился в частном доме на Большой улице (ныне им. III Интернационала).

В это время в купеческом посаде начинал свою трудовую жизнь будущий писатель, крестьянский сын Александр Неверов (Скобелев). Шестнадцатилетний подросток служил мальчиком в мануфактурном магазине купца Березина и тайком от хозяев сочинял стихи. Случайно узнав, что в городе живёт «сочинитель», которому присылают за стихи деньги из Петербурга, Неверов находит в себе отвагу встретиться с ним.

Через много лет он вспоминал об этом: «И вот очутившись в Мелекесе... я разыскал сочинителя (поэт-самоучка крестьянин Денисов из села Кондаковки), раскрыл перед ним тощую, непонятную душу, показал свои опыты и... получил ответ: «Надо учиться».

Спиридон Васильевич очень внимательно отнёсся к Неверову, порекомендовал ему поступить в Озёрскую второклассную школу, дававшую право «учителя грамоты». Снабдил на дорогу деньгами. Поэт напутствовал юного друга идти в народ и бескорыстно служить ему. Отслужив за пятачок молебен, покрестившись на соборную

колокольню, будущий писатель отправился пешком за сорок вёрст в село Озерки. В 1908–1909 годах Неверов работает учителем школы грамоты в деревне Письмирь нынешнего Мелекесского района. Во время рождественских каникул Неверов навещал Денисова.

Гостивший у поэта А.Я. Волков об этом рассказывает: «В декабре 1909 года заездом был в Мелекесе и остановился у Спиридона Васильевича. Он лежал, болезненно перенося обрушившееся на него несчастье. Дочь его года два тому назад вышла замуж. Супруг оказался на редкость чёрствым и жестоким человеком. Вольнолюбивая Маша не смогла перенести тяжесть домостроя. После скандалов и побоев она слегла и вскоре скончалась. Денисов тяжело переносил эту потерю. Часто он уходил из дома и, стараясь развеять мрачные мысли, бродил по окрестностям города. Осенью он простудился и теперь второй месяц лежал. Неверов приехал в послеобеденный час другого дня зимних каникул. На улице трещал мороз. Он вошёл в дом, снял тулуп. Поздоровались. Пригласил сесть.

– Даша, – крикнул жене Спиридон Васильевич, – принеси графин вина. Угостить надобно гостя.

– Спасибо, я не пью, – ответил Неверов.

– Но ведь на дворе мороз! Замёрз поди?

– Холодно. Да вы не беспокойтесь. Пить я всё равно не буду, – отнекивался гость и после паузы добавил, – иначе мои рассказы в «Вестнике трезвости» печататься не будут.

Долго они меж собой разговаривали. Я уходил и снова приходил, а Денисов и Неверов продолжали свой разговор о литературе, писателях, народе».

Это была их последняя встреча. 10 января 1910 года С.В. Денисов скончался. Тело его погребено на городском кладбище.

Прошло много лет. Имя поэта оказалось незаслуженно забытым. Но в Старой Бесовке и Мелекесе до сих пор живы старожилы, которые часто вспоминают Спиридона Васильевича Денисова – своего учителя и певца народного горя.

Денисов был далёк от активной революционной борьбы. Он ценен как певец родной природы, народного горя, как человек-просветитель. Описывая красоту родной природы, он всегда возвращался к теме народного несчастья.

Не все произведения Денисова ещё найдены, но даже то, что мы имеем, говорит о незаурядном таланте простого русского крестьянина-поэта.

Жители посада Мелекес

Поэт Волжской флотилии

Корабли Волжской флотилии
сопровожают
нефтеналивные суда на Волге.
Лето 1943 года

*«Образ Дениса Давыдова передо мной.
Вот кому надо подражать».*

Александр Яшин

А.Я. Попов (Яшин)

Фото В. Тарасовского

На Волге

После ранения и выписки из госпиталя военкор в чине капитана-интенданта Александр Яковлевич Попов (литературный псевдоним Яшин) получил новое назначение. Позади десять месяцев службы на Балтийском флоте в блокадном городе. На передовой бывал в частях морской пехоты, и с ними ходил в разведку. Печатался. Редактировал флотскую газету, затем был переведён в инструкторы политотдела. Путь от Ленинграда до Средней Волги с остановкой в Москве занял почти три недели.

Из дневника Александра Попова: «31 мая в 6-00. Ульяновск. Очень тихо. Всё в цвету, зелено и в солнце».

Одолеть сотню с лишним деревянных ступенек, карабкающихся вверх в гору, после выписки из госпиталя, куда он попал с ранением в ногу, признаками начинающегося туберкулёза и дистрофии, оказалось нелегко. С верхней набережной, именуемой здесь Венцом,

открывались безбрежные дали разлившейся реки. Справа от моста на противоположном берегу в затоне стояли бронекатер и несколько канонерских лодок – первые признаки формирующейся Волжской флотилии. И только лишь зенитки, задравшие дула в небо, напоминали о том, что где-то происходит война. Дежурный по штабу (был нерабочий день – воскресенье) дал направление во флотское общежитие на улице Красных партизан.

В сентябре в Ульяновск был эвакуирован из столицы штат наркомата Военно-морского флота. В разговорах сослуживцев то и дело звучали фамилии больших морских начальников – контр-адмирала Михалькова, командующего Волжской военной флотилией Рогачёва, морского начальника капитана второго ранга Кондратьева и самого наркома Военно-морского флота Кузнецова.

Коллеги дали полную аттестацию командующему контр-адмиралу Дмитрию Дмитриевичу Рогачёву. Он начинал

рулевым на балтийском линкоре «Слава» и дошёл до командующего кораблём. В Гражданскую войну был помощником командира отряда Сибирской военной флотилии. В 1921-м году командовал «Монитором» на Байкале, а с 1938 года возглавлял Амурскую флотилию. После расформирования Пинской флотилии, которая внесла немалый вклад в оборону Белоруссии, в феврале 1942 года его назначили командующим Волжской военной флотилией.

Контр-адмирал
Д.А. Рогачёв

Штаб флотилии разместился в здании бывшей Симбирской гимназии. Александр представил заместителю начальника политического военного управления документы, выписанные в Москве в ГлавПУРе. Замначальника отдела Абросенко прочёл предписание из Москвы: «Назначить капитана А. Попова в штат политуправления с пометкой «частично годен для службы». В пакете врученных капитаном документов был и новенький диплом выпускника Литературного института.

Стихи Попова-Яшина были известны в тыловом Ульяновске. Он печатался и в «Комсомолке», и в «Огоньке», и в «Красной Звезде», и в «Правде».

Отправка с передовой угнетала. Утешало то, что на собрании писателей в Москве руководитель Союза известный драматург Всеволод Вишневский заявил: «Много хороших работ сделал Яшин. Пишет стихи сильные. Он лично отличился в боях и частях морской пехоты, не раз ходил в операции по тылам врага. Его очерки и стихи многие читают с удовольствием». Ещё до прибытия бывшего редактора флотской газеты в штаб ВВФ пришла рекомендация с просьбой использовать поэта Яшина «для написания большой вещи, может быть, пойти на то, чтобы писателя отправить в тыл на Волгу на несколько месяцев, даже на полгода». Речь шла о доработке поэмы о блокаде в Ленинграде.

Свободных должностей для поэта и журналиста в управлении не было.

В конце концов его определили инструктором культпросветотдела и по совместительству заведующим литературным имуществом отдела. Свой кабинет он оборудовал на книжном складе. Начальник управления дивизионный комиссар П. Бельский дал новопривышему график выступлений перед краснофлотцами и местным гарнизоном.

Для себя Яшин наметил план – не менее 10 добротных строк в день.

Зачисленного в штат штаба принял адмирал Рогачёв. Он был знаком с публикациями капитана-интенданта. Кратко изложил задачу, поставленную перед флотилией: обеспечить транспортировку нефтепродуктов для фронта из Баку по Волге, разминировать фарватер реки. В случае прорыва немцев на юго-западном направлении к Волге обеспечить огневую поддержку 62-й и 64-й армий.

11 июня 1942 года в штабе флотилии в зале заседаний для аппарата и командиров флота был устроен поэтический вечер Александра Яшина. За ним последовало выступление во флотском госпитале № 30, затем поэт читал стихи в Ульяновском флотском экипаже, куда набирали... девушек на подсобные работы и в зенитную артиллерию. Закончил он выступление своей «Телеграммой»:

*Прямо с корабля, из-под огня
посылает милый телеграмму:
– Помни, милая, люби меня.
Жди – приезд не за горами.*

28 июня волжские моряки отмечали День Военно-морского флота в Доме Красной армии на улице Советской. Капитану Попову поручили зачитать приветствие самому наркому Военно-морских сил контр-адмиралу Кузнецову, прибывшему поздравить личный состав. После выступлений Яшину предоставили слово. Он рассказал о боевых действиях моряков Балтфлота и прочёл стихи, посвящённые защитникам города на Неве. В этот день в газете «Пролетарский путь» впервые появилось его стихотворение «Землянка».

Александр не забывал отправлять письма своему наставнику Всеволоду Вишневскому. Сообщил ему, что написал «Волжское яблочко», опубликовал стихотворение «Сталин с нами». Проболе л гриппом неделю и попал в госпиталь. Снова начались цинга и истощение. В столице в издательстве «Советский писатель» набрали 20 его стихов. В июле-августе продолжил

цикл стихов «Ленинградской поэмы». Подготовил новое стихотворение «Моряки в атаке».

Линия фронта после взятия немцами Воронежа приближалась к излучине Дона. 31 июля 1942 года на совещании в штабе зачитали известный сталинский приказ «Ни шагу назад!». В рабочем блокноте Яшин делал очередные записи: «Почти без сопротивления сдали Ростов и Новочеркасск», «Спассти положение ещё можно», «Очень хочу на фронт. До конца войны меня хватит».

Ещё накануне, 15 июля, капитан Попов подал начальнику ПУ Бельскому рапорт о переводе с канцелярской работы в действующую армию.

А.Я. Попов (Яшин)
на Ленинградском фронте

«Пролетарский путь»

Из дневника А.Я. Попова: «17-го была встреча с коллективом редакции «Пролетарский путь».

Редакция располагалась в старинном здании на улице Льва Толстого, в бывшем Крестьянском Поземельном банке. Редакционный коллектив был небольшим. Редактор Владимир Синицын представил своих коллег: местную поэтессу Софью Шагарову, очеркиста Анну Гринберг, прозаика Белянову, замредактора Сачкову, Стёпочкина, Каплана, Кулёмина, Дивавину. Поэт рассказал о блокаде, о литературных новостях из столицы, о своих новых публикациях, о встрече с коллективом «Комсомольской правды». Сообщил, что первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов похвалил его стихи, посвящённые Балтике. В конце

встречи руководитель газеты обратился к Яшину с просьбой дать подборку стихов в городскую газету и написать рецензию на произведения самодельных поэтов. Он передал ему кипу писем и рукописных строк.

...Через три дня на столе редактора уже лежал обзор стихов любителей поэзии. Рецензия начиналась вступительной фразой: «Война не уменьшила стремление нашего народа к культуре и искусству. Наоборот, жестокие испытания обострили в нас ощущения красоты, любви, жизнеспособности нашего народа необыкновенно». Добрые слова нашёл Александр для начинающих Белова, Боровицкого, Зайцева, Косоурова. Были отмечены песни о друзьях, прощании с Волгой, о любимой стихотворца Завойского. Похвалил Яшин и добротные стихи Краснова и Шагаровой, предсказывая им литературную перспективу.

Опубликованная в «Пролетарском пути» рецензия воодушевила местных поэтов. А у редактора уже зрела мысль о том, что не мешало бы периодически выпускать в газете литературно-поэтические страницы, а там недолго и до создания областной писательской организации.

Сталинград. Возвращение в Ульяновск

Из дневника А.Я. Попова: «7 августа. Собираюсь в Сталинград. Бельский вызывает». Фронт уже был на окраине Сталинграда. Комиссар Абросенко вручил капитану предписание о направлении его в Сталинград на фронт в качестве старшего политрука во 2-ю флотскую бригаду. Непрекращавшийся недуг задержал писателя. 10 августа вместе с другими флотскими офицерами на пароходе «Клим Ворошилов» он отправился вниз на Сталинградский фронт. Три дня назад на тральщике погиб, напоротившись на мину, командующий бригадой адмирал Хорошихин. По свежим впечатлениям поэт написал стихотворение «Адмирал» в память о погибшем.

На Сталинградском фронте начальник политотдела бригадный комиссар Бельский направил капитана Попова в 1-ю Северную бригаду... Большую часть времени он проводил в ходе боевых действий на канонерской лодке «Усыкин».

Из Сталинграда в редакцию газеты «Ульяновская правда», она была основана в связи с образованием области, регулярно приходили стихи Яшина.

Три месяца на Сталинградском фронте пролетели быстро. Попова перебра-сывали с корабля на корабль. Волжские моряки под непрерывным огнём противника обеспечивали доставку боеприпасов, подкрепления и продовольствия в осаждённый город. Перелом в сражении наступил 19 ноября. 20 ноября 1942 года Александр записал в дневнике: «Наконец началось общее наступление Сталинградского фронта по окружению группировки Паулюса». В связи с ледоставом боевые действия кораблей Волжской флотилии прекратились. Бронекатера и канонерки были отведены в тыл вместе с экипажами. Инструктор политотдела Попов вернулся в штаб в Ульяновск.

Из дневника А.Я. Попова: «28-го приехал в Ульяновск рано утром. Устроился в первом общежитии Волжской военной флотилии».

Вскоре новый редактор областной газеты «Ульяновская правда» Фёдоров радушно встретил поэта Сталинградской эпопеи. К тому времени у поэта Яшина вышла книжка в издании «Молодая гвардия», а «Правда» опубликовала его стихотворение «Пусть в каждом сердце зажёгся сердце героя». В редакции поэту-фронтовику задали массу вопросов, а кто-то поинтересовался, не планирует ли он после «Ленинградской поэмы» создать ещё «Сталинградскую поэму». По просьбе сотрудников поэт зачитал ещё не опубликованные стихотворения «Танк», «Снайпер», «Перебежчик», «Предатель», «Родина требует», «Контр-адмирал». И опять последовала череда выступлений перед личным составом. Первое состоялось в детдоме перед детьми, эвакуированными из Ленинграда, в Заволжском районе. В последний день уходящего года он встречался с читателями в зале областной библиотеки – Дворце книги. Новый, 1943-й, год порадовал. Контр-адмирал Бондаренко вызвал в штаб для вручения медали «За боевые заслуги». Пожал руку, похвалил стихи, намекнул, что штаб направил представление капитана Попова к ордену Красной Звезды и сообщил, что в скором времени его ожидает медаль «За оборону Ленинграда». И вновь капитана политотдела свалила жестокая простуда, но и в госпитале он записывал в блокноте строки будущих стихотворений.

Радостные известия шли одно за другим. 5 февраля сводка Информбюро сообщила: «Завершилась полная ликвидация окружённых в Сталинграде гитлеровцев». 19 февраля войска Ленинградского и Волховского фронтов

пробили узкий коридор вдоль Ладоги. В Москве готовился к изданию сборник поэта Яшина «Волга флотская». Командировка по этому поводу в столицу была недолгой. Александр с нетерпением ожидал начала новой навигации. Стал перерабатывать черновой вариант цикла «Город гнева». В дневнике появилась очередная запись: «Именно сейчас в дни великих испытаний родины как никогда можно проверить свой характер и способности к большим делам».

Поэт-боец
Попов (Яшин)
сражался
в рядах
морской
пехоты
за город
Ленинград

Начинался новый период в его жизни. Теперь он решил вернуться к своей первой семье в Казахстан и окончательно завершить свои творческие замыслы по Ленинграду и Сталинграду.

Волжская тема по-прежнему не давала покоя Александру Яковлевичу. В бессонные ночи он создал «Круши его, матушка Волга», «Это было на Волге» и даже сочинил ставшие популярными среди служащих во флотилии частушки «Волга–матушка река». Яшин вырос во время войны как хороший поэт, и это отмечали многие. Его вторая жена Гали Громыко собрала в альбом все стихотворения, опубликованные в Сталинграде в газетах «Флотилия», «Сталинградское знамя», «Сталинградская правда».

А в редакцию «Ульяновской правды» продолжали поступать письма и звонки с благодарностями фронтовому поэту и певцу Волги. Редактору областной газеты Фёдорову польстили высокие оценки творчества Яшина от преподавателей пединститута – Горещкого, Турова и вернувшегося из госпиталя защитника Сталинграда Бейсова. С фронта бойцы благодарили поэта за силу духа, откровенность и лирические проникновенные строки.

Пришло время подготовить отчёт о проделанной в Ульяновске и Сталинграде работе. Он уместился на одной странице машинописного текста: «...провёл ряд бесед и выступлений со стихами в частях ВВФ, находившихся в Ульяновске. В том числе выступал перед офицерским составом ПО, печатался в ульяновской газете, журнале краснофлотцев, «Комсомольской правде», «Правде» и др. В Сталинграде состоялось 60 выступлений, выполнял спецзадание на канонерских лодках, сотрудничал в газете «За родную Волгу». В Ульяновске завершил «Город гнева», сборник Сталинградских стихов и цикл «Балтика Волге».

2 апреля инструктору Попову сообщили, что ему предстоит командировка в Москву в политотдел наркомата. Поэтому короткую командировку в Кустанай к первой жене и детям Якову и Тане в качестве поощрения за работу на Волжском флоте он завершил в течение одной недели. 31 апреля капитан Попов решил попрощаться с Ульяновском. Он ехал в Москву подготовить раздел книги, посвящённый итогам политработы на Сталинградском фронте. Александр зашёл в редакцию «Ульяновской правды» и вручил на память всем сотрудникам свою книгу «Красная горка» с авторским автографом.

С Венца справа от моста виднелись в затоне бронекатера, канонерские лодки и пароход «Сократ», отличившийся в боях под Сталинградом. В честь предстоящего праздника во флотской столовой поэта накормили сытным обедом. А уже 1 мая капитан Попов со своим флотским сундучком, где уже лежали готовые стихи и черновики, втиснулся в переполненный вагон. По дороге он стал обдумывать главу книги о политработе отдела Сталинградского фронта.

«На смену» поэту Яшину в Ульяновск прибыл писатель Николай Задонский, который уже начал разрабатывать тему о земляке Денисе Давыдове и был готов возглавить объединение местных самодеятельных писателей и поэтов.

Больше в Ульяновск в военные и послевоенные годы он не приезжал. Но через пять лет после окончания войны местные литературоведы и писатели узнали о том, что поэт Яшин, служивший на Волжской военной флотилии, за цикл патриотических стихов, небольшую часть которых он опубликовал в Ульяновске, будет удостоен высшей в стране награды – Сталинской премии II степени в области литературы.

Владимир Радаев

Великая вдова великого поэта

Судьба Надежды Яковлевны Мандельштам (на фото), автора совсем недавно увидевшего свет двухтомника, куда вошло почти всё, написанное ею, связана и с нашим городом. Наиболее полное комментированное издание её сочинений рассказывает о скитаниях, нищете и гибели великого поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, о советской действительности 20-х, 30-х, 40-х годов, о скитаниях и жизни самой Надежды Яковлевны после гибели мужа.

Со своим будущим мужем, тогда успешным поэтом, 20-летняя Надя Хазина познакомилась в мае 1919 года в киевском арт-кафе «Х.Л.А.М.» (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты. – Л.Л.). Она происходила из прежде состоятельной семьи крещёных евреев. Её отец Яков Аркадьевич Хазин был присяжным поверенным, а мать Вера Яковлевна Хазина работала врачом. Надя была младшим ребёнком в многодетной семье. Родилась она в 1899 году в Саратове. В начале XX века её семья переехала в Киев, где в 1909 году девочка поступила в частную женскую гимназию. В детстве Надя вместе с родителями несколько раз посещала страны Западной Европы – Германию, Францию и Швейцарию.

После окончания гимназии Надежда Хазина поступила на юридический факультет университета Святого Владимира в Киеве, однако вскоре учёбу забросила. В годы революции училась в мастерской известной Александры Экстер (художницы-авангардистки, одной из основоположников стиля арт-деко). В Гражданскую войну Надежда скиталась вместе с Осипом Мандельштамом по России, Украине, Грузии. В 1922 году они зарегистрировали брак.

Когда в мае 1934 года Осип Мандельштам был арестован за написание и чтение стихов (в основном за «Кремлёвского горца»), Надежда поехала за ним в ссылку в Пермский край. После второго ареста в мае 1938 года поэта отправили в ссылку на Дальний Восток. 27 декабря того же года он умер от тифа в пересыльном лагере под Владивостоком. Потеряв мужа, Надежда Яковлевна, опасаясь ареста, «находилась в бегах, петляя по захолустным городишкам Великой империи», – как писал в некрологе о ней И. Бродский. Несколько раз она меняла место жительства.

Во время и после Великой Отечественной войны Н.Я. Мандельштам работала в Среднеазиатском государственном университете преподавателем английского языка. Затем зимой 1949 года оказалась в Ульяновске. И здесь, с 4 февраля 1949-го до апреля 1953 года, она преподавала английский язык в пединституте. Вела спецкурс «История английского языка». В те годы Надежда Яковлевна часто гостила у Любищевых (у Александра Александровича Любищева, его жены Ольги Петровны и сестры Любови Александровны, у которой был арестован сын). В Ульяновске у неё был свой круг друзей: биологи Борис Михайлович Козо-Полянский и Роза Ефимовна Левина, историк Иосиф Давыдович Амосин, парижанка-репатриантка Нина Алексеевна Кривошеина, словесница Марта Моисеевна Бикель, уроженка румынского города Радауци близ Черновиц. Но в то же время были у неё и влиятельные враги во главе с директором института Старцевым, его заместителем и парторгом Тюфяковым и деканом факультета иностранных языков Глуховым. К середине 1951 года обстановка на кафедре для неё стала невыносимой. Но куда было податься опальной вдове репрессированного поэта, и к тому же еврейке? Наконец, в феврале 1953 года в рамках кампании по борьбе с космополитизмом её уволили из института. Произошло это на экстренном заседании кафедры иностранных языков по делу Н.Я. Мандельштам, проходившего под председательством директора института и секретаря партийной организации. Однако серьёзных последствий удалось избежать, поскольку увольнение Мандельштам практически совпало со смертью И.В. Сталина. С 1 сентября 1953 года Надежда Яковлевна уже в Чите, куда её перевели из Ульяновска старшим преподавателем английского

языка местного пединститута, где ей было гораздо лучше и спокойнее.

В 1956 году Надежда Яковлевна защитила кандидатскую диссертацию по английской филологии после неоднократного её переписывания. Свою первую диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук, начатую в Ташкенте, она закончила ещё в 1950 году.

В 1965 году ей удалось перебраться в собственную московскую однокомнатную квартиру, где она и прожила до конца жизни, которую посвятила сохранению поэтического наследия мужа. В своей небольшой квартире Надежда Яковлевна устроила нечто вроде общественно-литературного салона, который регулярно посещала столичная интеллигенция (А. Синявский, В. Шаламов, С. Аверинцев, Б. Мессерер, Б. Ахмадулина и др.), а также западные слависты, интересовавшиеся русской литературой и творчеством О.Э. Мандельштама. Многие годы она была близкой подругой Анны Ахматовой. Мемуары Н.Я. Мандельштам, при всей неоднозначности их оценки, были признаны не только незаменимым источником в изучении творчества О.Э. Мандельштама, но и значительным свидетельством советской эпохи, и особенно сталинского времени. Литературные достоинства её книг были высоко оценены многими литературоведами и писателями (Иосифом Бродским, Андреем Битовым, Беллой Ахмадулиной, Сергеем Аверинцевым и другими).

29 декабря 1980 года русская писательница, мемуарист, лингвист, преподаватель, великая вдова великого поэта Надежда Яковлевна Мандельштам скончалась.

Лев Лютов,
профессор Ульяновского филиала РАНХ
и ГС при Президенте РФ

«Поклонная гора» Николая Благова

Фото из личного архива Ляли Благовой

Мне радостно, что в Ульяновской области так бережно сохраняется поэтическое и литературное наследие великих земляков: Николая Карамзина, Ивана Гончарова, Дениса Давыдова, Николая Языкова... и Николая Благова. По моему разумению, он – самый выдающийся русский поэт, которого родила Ульяновская (Симбирская) земля после Николая Языкова. Мало у кого из современных писателей я видел такой мощный поэтический голос, эрудицию, языковую привязанность к родной земле.

Мне даже сейчас, спустя двенадцать лет после его смерти, трудно, почти невозможно сказать полноценно о таком мощном поэте, каким является ныне для нас Николай Николаевич Благов. Это объясняется тем, что обычность жизненной обстановки, бытовая повседневность происходящего не сразу позволяют увидеть крупный характер в буднях. Необходимо время и осмысление. И подсказка памяти...

Однажды Ляля Ибрагимовна, светлая подруга русского поэта, помнящая добро и любящая поэзию, прислала мне книгу избранного своего супруга «Тяжесть плода», выпущенную издательством «Артишок» (Ульяновск) в 2006 году, – густую и талантливую. А мы опубликовали в «Исторической газете», которую я тогда издавал, добрую рецензию Ирины Ушаковой на неё под названием «Жить неоставимо. Державно». Начинаясь она таким запевом «Радостно, когда родная земля помнит о своём выдающемся поэте. Это голосом поэта говорит с нами сама опалённая войной Россия – мать, вдова, хранительница русской истории. Но говорит она не о смерти – о жизни, и названия

глав этой книги самые жизненные: «Жар-слово», «Просыпаются яблоны», «Глубинка» «Ладонь на ладони»...

Конечно, я знаю творчество Николая Николаевича. Конечно, я знаю, что помогали ему в становлении творческом поэт-фронтовик Дмитрий Михайлович Ковалёв и особенно Григорий Иванович Коновалов, мудрый писатель. Я хорошо знал их. И слышал от них добрые слова надежды на дальнейший рост поэта. Они верили в его поэтическую звезду.

Меня с Николаем познакомил поэт Виктор Кочетков. А подружился мы с ним основательно в Доме творчества «Перedelкино», где прожили три замечательные недели, полные душевных разговоров, небылиц и шуток, на которые он был скор. Николай многое понимал из происходящего в мире. Размышляя о судьбе своего Отечества, мы печалились сердечной тревогой о том буране, что надвигается на Советский Союз, и вскоре раздробит его на части. К счастью нашему, России с величайшим трудом удалось сохранить своё историческое тело и не рассыпаться на мелкие княжества и уделы, коими русская земля была полна 500 лет назад.

Мы не только отдыхали, но и напряжённо работали в Доме творчества над своими задумками, дарили друг другу тёплые надписи, вроде подобной от 11 апреля 1987 г.: «Анатолию Парпаре, с радостью, потому что узнаю брата!

*Переёлка пела: «Спать пора!
Ты писал. Не слышал, Парпара?
Н. Благов.*

Этот автограф Николай Николаевич начертил на лауреатской книге «Поклонная гора». Вот о ней-то я и хочу кое-что вам поведать. Но перед этим могу вам сказать о таинственной связи между книгой моего друга и настоящим холмом, который давние москвичи называли Поклонной горой, ибо с этого боголюбимого места (бывшие Фили) была видна вся древняя русская столица в полном сиянии сорока сороков христианских храмов. Такой её узрели русские воины, возвращавшиеся из побеждённого Парижа в 1813 году. Такой её видел мой отец Анатолий Иванович, когда уходил на фронт в июле 1941 года. Такой её видел я, шестилетний, когда мы с матушкой моей Анной Михайловной, перенесшие оккупацию

и расстрел Тыновки, родной деревни мамы, возвращались из разгромленной фашистами Смоленщины в Москву. А вот какой её увидел я в одном из первых самостоятельных стихотворений «Поклонная гора»:

*Да, мы встречаем тех с поклоном,
Кто в гости – с чистою душой.
Но рухнут ниц наполеоны
Перед Поклонною горой.*

«Поклонная гора» Николая Благова – книга, вместившая в себя не только исторический пласт бытия России, но и горькую драму русского человека в Великой Отечественной войне и великое мужество его. Прочитую строки из его стихотворений, которые трагедийностью своей воссоздают нам, современным читателям, образ войны, состояние человека, узнавшего впервые о войне:

*...И грохнула зимы державная опора.
«Война?!» –
окаменел всей солью человек.
Кидает бор на бор,
Как в бытность Святогора,
Молодцеватое потягиванье рек.*

Из стихотворения
«...И грохнула зимы державная опора».

*...Была война. И если не за тело,
Так за душу, кого не погляди,
Война своим слепым огнём задела,
Оставив пепел холода в груди.*

Из стихотворения
«И только бы девчонке стать красивой...»

*Наша жизнь под жерлами орудий,
Будто пушкам содали нас под суд.
На груди лишь собственные груди
Женщины бездетные несут...*

Из стихотворения
«Наша жизнь под жерлами орудий...».

Что же искал поэт бессонными ночами, изучая русскую историю, прикасаясь сердцем к древнерусской литературе? На этот вопрос можно ответить его же строкой из поэмы «Тракт»: «...Ищу в Ульяновске Симбирск я».

Родиной искал Николай Николаевич. Изначальную. Исконную. И, конечно же, нашёл.

«Ярославна вещим сердцем чует...» – писал он.

Стихотворением «Плач Ярославны» поэт, постигший зло войны на собственной судьбе, восстаёт против княжеского высокомерия, против лжепатриотизма. Вот его дерзкая – через века – князя Игоря оценка:

Малые Благовские чтения.
Слева направо:
бывшая коллега
Н. Благова
Элеонора Денисова,
поэт Анатолий
Парпара,
вдова Благова
Ляля Ибрагимовна.
2015

*Не на правый бой, а на поблудок
Ехал ты гордыню тешить, князь.*

Ему близок – по сердцу – богатырь и пахарь, справедливый Микула Селянинович:

*Всё поле оглядит он деловито
Да смочет пльь солёную с лица.
И ничего, что отдыха не видно,
И хорошо, что поляю нет конца.*
Из стихотворения «Микула Селянинович».

А мы, следя за мыслью поэта, вспоминаем народное: «сказка – ложь, да в ней намёк: добрым молодцам урок».

У Николая Николаевича – широкое поэтическое дыхание. Его богатырская грудь дышит громко и чётко. Это чувствуется не только в стихотворениях на исторические темы, но и в поэмах. (Кстати, «Плач Ярославны» и «Микула Селянинович» по сути и есть поэмы. Поэма в переводе с итальянского значит длинное стихотворение. Умел поэт в свои исторические произведения внести и драматургию («Тракт»), не поссорив её с речитативом стихотворным, и мудрую песнь сказителя («Волга»). В последней поэме это особенно проявляется. Не случайно выстраданная строфа (пятистишие) является не только запевом, но и завершением гимна Родине:

*И когда тебя втянет
в простор этот синий,
И когда ты с рекою
бессмертной, родной,
Только выдохнешь: – Волга!
Только скажешь: – Россия!
Да умоешься вечно живою водой!*

Родина, которую боготворил поэт, любит его, мудрого сына, до сих пор. И недаром Николай Благов называл её «Простецкой родиной моей». Это высокая, благородная оценка поэта,

знавшего чаяния своего народа. Умеет он благодарным сердцем ответить на русскую песню душевными стихами:

*Но в эту ночь все отзовутся годы,
Не спрашиваясь, песня зазвонит.
Пускай её не примут в хороводы,
Она и так, и рядом постоит.
Всю душу вдруг
таким теплом обложит,
Как будто это вовсе и не песнь –
Как будто друг,
пропавший и хороший,
Вот-вот окликнет,
вот он где-то здесь.*

*То юность,
потревожив путь обратный,
Идёт за песней, слыша голос свой,
Идёт, ступая тихо, тише мяты,
Придёт – и песню позовёт с собой.*

Из стихотворения
«Уходит день, склоняясь ниже, ниже...»

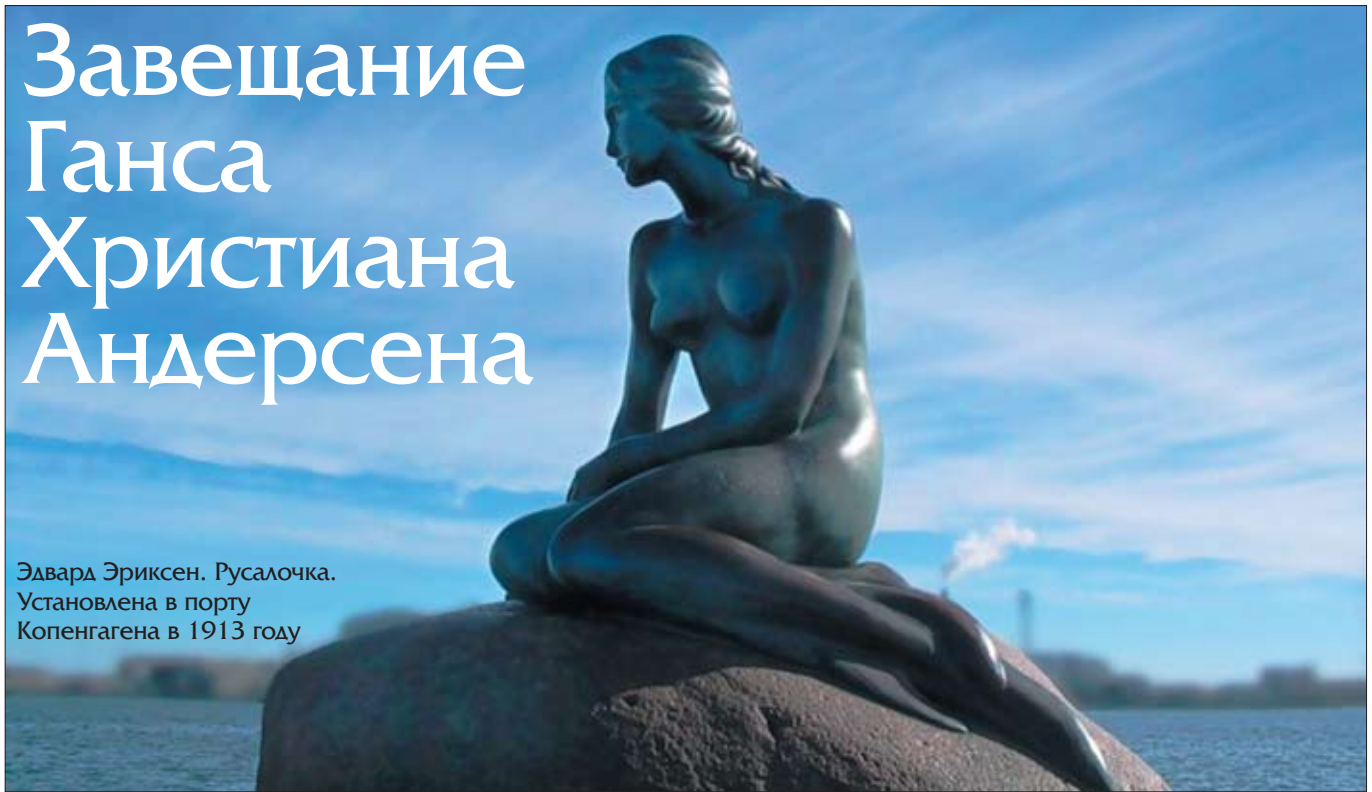
Николай Благов – достойный сын своей Родины. И для нас, живущих, его поэзия – это говорящий родник, к которому можем припасть и в час жажды любви, и в час горестных раздумий о происходящем ныне. А когда прикоснёмся воспалёнными от засухи губами к благодатной струе, тогда вода его становится исцеляющей для наших душ.

Своих поэтов надо любить. Я очень рад тому, что имя Николая Благова восстанавливается, что школьники, студенты помогают в этом становлении. Перечитывая его стихи во время подготовки к Благовским чтениям, я ещё раз для себя отметил, что он родное дитя своего языка. Настолько точны его слова, поразительна энергетика произведений: в них нет перерывов и ослабляющего темпа – они насыщены, всегда с мощным напором. Смерть рано забрала его, он много ещё мог создать для русской поэзии значительного.

Анатолий Парпара

Завещание Ганса Христиана Андерсена

Эдвард Эриксен. Русалочка.
Установлена в порту
Копенгагена в 1913 году

Не так давно весь мир был потрясён убийством в зоопарке Копенгагена молодого жирафа по кличке Мариус. Дирекция зоопарка заранее оповестила зрителей столицы о казни животного, который оказался «генетически неправильным» и подлежал уничтожению. Многие датчане захотели увидеть казнь жирафа. Взрослые привели с собой и детей. Утром в воскресенье жирафу дали его любимый ржаной хлеб и... на глазах у всех собравшихся сотрудник зоопарка с помощью строительного пистолета забил в голову бедного Мариуса гвоздь. Животное упало прямо к ногам детей. А дальше тушу животного начали разделывать, сопровождая это действие циничными комментариями. Приглашённые зрители без содрогания снимали весь этот ужас на камеры и фотографировали. И это неудивительно, ибо несколько лет назад на «родине принца Датского» зверски истребляли чёрных дельфинов, и датчане тоже приводили маленьких детей смотреть на убийство. Но ведь Дания и страна Ганса Христиана Андерсена, чьи сказки и истории любят взрослые и дети всего мира.

Одним из символов Копенгагена является андерсеновская Русалочка, чей памятник находится на морском берегу. А любят ли датчане своего великого соотечественника, чья кончина когда-то опечалила всю эту маленькую страну? Знают ли его творчество? Те взрослые, которые участвовали в казни животных, уже не знают и не любят Андерсена. А мы? Понимаем ли мы Андерсена, знаем ли его?

Андерсену не очень повезло в нашей стране. Почти век в советскую эпоху большинство его сказок и историй подвергались выхолащиванию духовной сердцевины. Это была жестокая операция, почти казнь, так как сердцевиной была христианской. Она буквально свидетельствовала читателям о Боге, о бессмертной душе, о победе Иисуса Христа над смертью, о вечной жизни, не имеющей конца. Из-за искажения

творческого наследия Андерсена советский читатель, которому постарались ампутировать душу, получил вместо полноценных произведений гения мировой литературы некий эрзац и долго не догадывался об этом.

В начале 1990-х годов вышло собрание сочинений Андерсена в переводе, сделанном в XIX веке П. Ганzenом, который максимально приближен к подлиннику. Теперь любая российская семья, а тем более христианская семья, читая произведения Андерсена, может вслед за Евангельским чтением укрепить своё духовное образование.

Уже одна из первых сказок Андерсена «Русалочка», являвшаяся его оригинальным сочинением, а не обработкой народной сказки, говорит читателю о великой ценности, которой он обладает по милости Божией, – о бессмертной душе. Дочке морского царя принцессе

Русалочке не нужны триста лет подводной жизни без бессмертной души. Она согласна ими пожертвовать, лишь бы вступить в брак с человеком и, получив частицу его души, участвовать в вечном людском блаженстве. Всплыв на поверхность моря, Русалочка видит на корабле прекрасного принца и сразу влюбляется в него. Вдруг начинается страшная буря, корабль гибнет, принц тонет, смерть угрожает самой Русалочке, но она спасает принца, не желая видеть его мёртвое тело на дне моря. Она дарит ему жизнь, ещё больше проникаясь желанием собственного бессмертия. Она встаёт на путь настоящей любви, приближающей к бессмертию, – любви-жертвы. Сначала, чтобы приобрести человеческий облик, Русалочка отдаёт ведьме свой прекрасный голос и становится немой; потом она, получив вместо раздвоенного хвоста

красивые ножки, постоянно терпит режущую боль; наконец, она терпит душевную боль, когда принц выбирает в невесты не её, а похожую на неё девушку-принцессу, якобы когда-то спасшую принца от смерти. И, когда её сёстры приносят ей со дна моря страшный нож, которым она, если хочет всё-таки прожить свои триста лет и не исчезнуть из этого мира раньше срока, должна убить принца, Русалочка соглашается на главную жертву – умереть вместо него. И тогда любовь, которая одухотворила душу Русалочки, не даёт ей окончательно погибнуть: дочери воздуха, у которых есть возможность через триста лет, если они творят добро, получить бессмертную душу, принимают её в свои ряды. «Ты, бедная Русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир; теперь ты сама можешь обрести бессмертную душу!».

Современный человек-потребитель, заражённый духом наживы и комфорта, напротив, отдал бы свою бессмертную душу даже за сто лет сытой, весёлой жизни на земле! Другого счастья он даже и не знает.

А каким может быть человеческое счастье? Возможно ли оно вообще на земле? На эти вопросы отвечает ещё одна оригинальная история Андерсена «Калоши счастья». Эти чудесные калоши принесла в дар человечеству горничная камер-фрейлины феи Счастья, думая, что своим подарком она навеки осчастливит людей. Их поочередно поносили советник Кнап, ночной сторож, студент-медик, полицейский письмоводитель и студент-богослов, однако, получив желаемое «счастье», они не знали, как от него избавиться. Советник Кнап искал счастья в прошлой эпохе, идеализируя времена короля Ганса. Оказавшись с помощью калош в средних веках, он обнаружил, что и там люди живут так же, как в его время: пребывают в богатстве и нищете, ведут войны, борются со смертельными болезнями. Надев волшебные калоши, ночной сторож захотел чужого счастья и совсем недолго побыл на месте офицера, обнаружив, что его жизнь разбита любовью и бедностью. Сторож оказался настолько глуп, что ещё не пережив смерть, пожелал выйти из тела и попасть на одну из звёзд. Беднягу (точнее его тело) чуть было не похоронили, пока с него не сняли калоши, дав возможность душе вернуться в тело. Студент-медик, надев калоши, захотел читать в сердцах людей и, получив

желаемое, едва не сошёл с ума. Приземлённый письмоводитель, прогуливаясь в чудесных калошах в городском саду, вдруг возжелал судьбы поэта, но не вынес подъёма поэтического духа. Тогда он позавидовал счастью птички, умеющей летать, и стал жаворонком. Чудом избежав участи быть съеденным кошкой, письмоводитель наконец захотел быть только человеком.

Памятник сказочнику на Ратушной площади в Копенгагене

«Лучшее, что сделали калоши», – дали посмертный опыт студенту-богослову. Когда сбылись его мечты о путешествии в Швейцарию и Италию, он захотел странствовать вне тела и произнёс: «Я хочу достигнуть блаженной цели земного странствования». И оказался в собственном гробу. "Никто не может назваться счастливым, пока не сойдёт в могилу!" – сказал Солон, и его слова подтвердились ещё раз», – замечает Андерсен. Увы, калоши счастья привели к преждевременной смерти. И тут вмешалась извечная спутница посланницы счастья фея Печали. Она прервала смертный сон юноши, ушедшего неготовым к наследованию небесных благ, сорвав с него злосчастные калоши. «... Воскресший встал. Печаль исчезла, а с ней и калоши: она, должно быть, сочла их своей собственностью». Так нужны ли на земле «калоши счастья», если ими владеет фея Печали?

Юный принц – герой сказки Андерсена «Райский сад» – имел всё, поэтому ни о чём земном не мечтал. Услышав

в детстве от бабушки рассказ о Райском саде, он с тех пор только и хотел туда попасть, самоуверенно полагая, что, окажись он на месте Адама или Евы, никогда бы не вкусил запретный плод и не дал бы греху проникнуть в мир. Его желание исполняется: восточный ветер на своих крыльях уносит принца в Райский сад. Оказывается, что дорога в Рай – это дорога смерти, и им приходится следовать сквозь пещеру, похожую на «гигантскую усыпальницу с немymi органными трубами и знамёнами, выточенными из камня». В Раю принц увидел «отпечатки времени»: изображённые на стекле образы Адама и Евы, сына Иакова и всего того, что было на свете. Увидел он и дерево познания добра и зла: «с каждого листика капала блестящая красная роса – дерево точно плакало кровавыми слезами». Когда принц захотел остаться в Райском саду навсегда, ему напомнили о прежнем условии: нельзя добиваться запрещённого плода. Но тяга к познанию победы: «Всё нужно знать! Всё надо изведать! Человек – царь природы!» И принц пал, как пали когда-то Адам и Ева.

Очнувшись, принц оказался на земле. И мудрая речь смерти утешила его, так как «старик с косою в руке и большими чёрными крыльями за спиной» пообещал, что он даёт ему время странствовать по свету и заглаживать свой грех добрыми делами, а потом придёт за ним, упрячет его в гроб и отнесёт в Райский сад.

Об опасности греха, который может загнездиться ещё в детском сердце и погубить человека, повествует сказка «Красные башмаки». Героиня его сказки Карен с детства мечтала о красивых красных сафьяновых башмачках, какие видела однажды на ножках принцессы. Наконец они появились у неё, так как не пришлось по ноге графской дочке. Она решила именно в них пойти на конфирмацию. В церкви Карен обо всём забыла, не слышала слов священника, пения хора и звуков органа, не прочла псалом и молитву «Отче наш», ибо думала о своих башмачках и любовалась ими. Они будто плавали перед ней в самой чаше!

Когда барыня, заменившая ей мать, тяжело заболела и готовилась к смерти, Карен бросила её и побежала, надев башмачки, танцевать на бал. Танцевать ей пришлось долго: днём и ночью. На пороге кладбищенской церкви ей явился строгий ангел, повелев «плясать от ворот до ворот и стучаться в двери тех домов, где живут гордые, тщеславные дети: твой стук будет пугать их!»

В итоге Карен упростила палача отрубить ей ноги вместе с башмачками, лишь бы она смогла остановиться. Готовясь к смерти, Карен исповедала свой грех. Палач отрубил ей ноги с башмачками, и «пляшущие ножки понесли по полю и скрылись в чаще леса». Калека Карен, думая, что уже достаточно настрадалась, решила пойти в церковь, но «перед ней опять заплясали красные башмаки». И только когда она действительно глубоко покалалась в грехе, оскорбившем Господа, ей явился ангел Господень с зелёной ветвью, усеянной розами, и перенёс её в небесную церковь.

Чтобы избавиться от греха тщеславия, девочке пришлось лишиться ног, иначе никогда бы она не разлюбила свои прекрасные башмачки. А что делать, если гордость превращает сердце ребёнка в ледышку? Об этом рассказывает, наверное, самая известная сказка Андерсена «Снежная королева». Как долго дети (и взрослые тоже!) советской страны победившего атеизма, знакомые с этой сказкой в варианте Е. Шварца, не знали, что в ней сокрыта евангельская истина: «Если не будете, как дети, не войдёте в Царствие Небесное!» Им внушали веру в волшебника и его абракадабру: «Снип, снап, снуре». На самом деле андерсеновская Герда, имея любящее отважное сердце, победила Ледяную королеву, олицетворявшую дьявольскую гордыню, уповав на помощь Божию с молитвой «Отче наш». Став взрослыми, Кай и Герда остались детьми сердцем и душой. И это не результат волшебства, а действие Божией благодати.

Бывает, что человеческие сердца леденеют от равнодушия, и тогда в холодном мире замерзают невинные дети. Например, девочка со спичками из одноимённой истории Андерсена. Под Новый год, когда городские жители готовятся сесть за праздничный стол, она, бедная, с непокрытой головой и босая, бредёт с пучком спичек, которые ей так и не удалось никому продать. Девочка зажигает спички, пытаясь согреться, ей некуда идти, потому что дома холодно так же, как на улице, и отец может прибить её за то, что не принесла ему денег. Ей чудится накрытый яствами стол, ёлка, звезда, падающая с неба и, наконец, перед ней предстаёт окружённая сиянием бабушка, единственная, кто любил её на земле. Девочка просит, чтобы она взяла её с собой, и «они полетели вместе в сиянии и в блеске высоко-высоко, туда, где нет ни холода, ни голода, ни страха: к Богу!»

Люди пожалели девочку только тогда, когда нашли её мертвой, а согрел её душу сам Господь.

Земная юдоль есть место скорби, и венчик из жемчужин счастья, получаемый новорождённым, обязательно замыкается самой драгоценной жемчужиной – жемчужиной скорби. Она сияет яркой семицветной звездой в руках ангела-хранителя, героя истории «Последняя жемчужина». Ангел поясняет, что «без этой последней жемчужины не полон венец земных благ <...>. Видишь в ней сияние радуги – моста, соединяющего землю с небом? Взгляни на жемчужину скорби: в ней скрыты крылья Психеи, которые уносят нас из этого мира!»

В истории «Мать» Андерсен описывал теплицу Смерти, где росли разнообразные цветы и деревья, и каждое растение имело своё имя, ибо все они являлись чьей-то жизнью, «а сами люди были разбросаны по всему свету: кто жил в Китае, кто в Гренландии, кто где». Ни один цветок Смерть не могла вырвать без воли Божией. Смерть – только садовник, она забирает Божии цветы и пересаживает их в великий Райский сад – «неведомую страну».

Кажется, что сам Андерсен был «отпрыском райского растения», оторвавшимся от цветка, несомого ангелом, и упавшим на землю. Эта одноимённая история напоминает другую прославленную историю Андерсена «Гадкий утёнок», чей образ символизировал судьбу писателя, «сказку его жизни».

Но в истории «Отпрыск райского растения» сокрыт и более глубокий смысл. Расцветшее райское растение своей необычностью вызвало возмущение мелких растений, не желавших с ним знаться, и недоумённое молчание больших деревьев. Оно озадачило профессора ботаники, так как не было внесено в таблицы. А растение со временем стало прекрасным деревом, и птицы преклонялись перед ним. Чертополох и крапива продолжали возмущаться, а «чёрные лесные улитки плевали на дерево». В итоге в лес явился свинопас и выдернул с корнем чудесное дерево, чтобы сжечь его и добыть себе золы. И когда оно потребовалось, чтобы излечить от глубокой меланхолии короля, от него уже не осталось и следа. Пришлось ограничиться установкой золотой решётки на месте, где оно росло. А бедный король так и остался меланхоликом, и никто не знал, что с чудесного дерева сорвала листочек бедная невинная девушка, чьим сокровищем была старая Библия. Она вскоре умерла,

и листочек райского растения, неувыдаемый и благоухающий, лежал в Библии, а сама Библия – под головой покойницы, чья душа находилась уже перед Божиим престолом. Конечно, Андерсен имел в виду евангельский образ дерева, проросшего из горчичного зерна, означавший Небесное Царство. Все остальные герои этой истории – человеческие души, по-разному относящиеся к нему. Некоторые, как чертополох и крапива, негодуют и завидуют, зная свою ограниченность; другие, полные собственного величия, как большие деревья, хранят равнодушно молчание; третьи, как ничтожные чёрные улитки, плюют; четвёртые, как высокоумный профессор ботаники, отворачиваются; пятые, как невежественный свинопас, обладая лишь житейским рассудком, вырывают его под корень. Только благородная королевская душа страдает излечиться от земной тоски и, узнав о чудесном растении, стремится найти его, но поздно: его уже погубило чужое невежество. И дано было прикоснуться к этому небесному сокровищу и обладать им только чистой невинной душе-деве, душе-христианке.

Андерсен оставил своим читателям своеобразное завещание – историю под названием «В день кончины». Это христианский текст от первого до последнего слова, который написал человек, трепетавший перед тайной смерти, но не боявшийся её, ибо он имел надежду на великое Божие милосердие. И ещё веру в то, что, проходя тернистым путём земной юдоли, человек призван к бесконечному совершенству в Небесном Царстве.

По большому счёту завещанием писателя является всё его творчество, настолько оно пронизано христианским духом. История «В день кончины» – его квинтэссенция, обращённая лично к каждому читателю-христианину.

Современный мир стремительно расчеловечивается, ибо его культура, пребывая в стадии постмодернизма, нацелена на это. Первыми под её прицелом оказываются дети, которых лишают детства прививкой взрослых грехов и даже пороков. У детей-жертв нет счастливого будущего, ибо они станут взрослыми, в которых убит ребёнок. Чтобы защитить детей, необходимо позаботиться об их духовном иммунитете. Сказки и истории Андерсена могут в этом помочь, потому что они написаны живым человеком с сердцем и душой ребёнка.

Ирина Васильева,

доцент кафедры искусствоведения факультета культуры и искусства УлГУ

Село Еделево – одно из самых древних в Кузоватовском районе, оно заселялось с 1670 года. Считается, что первыми жителями села были охотники. Первые поселенцы ставили свои дома там, где теперь находятся клубное здание и школа. Первая улица была названа Песчаной.

Люди селились не только у озера, но и вдоль реки Томышёвки. Позднее образовались улицы, которые сейчас носят названия: Гражданская, Советская, Московская, Ленинградская, Ульяновская. Почти всё село расположено по долинам речек Лепелейки и Томышёвки. Местность села Еделево холмистая, изрезанная оврагами и балками.

В селе было две церкви: зимняя – Живоначалной Троицы и летняя – Архистратига Михаила. Таким образом, каждый год в селе справляли два престольных праздника: Троицу и Михайлов день. Красная церковь была с двумя куполами. В начале XX века она перестраивалась, и одна глава была снята. Приблизительно в то же время была построена на средства прихожан белая церковь. Вес большого колокола составлял 106 пудов, в него звонили только по большим праздникам. Сторожевой колокол весил 40 пудов. Были и малые колокола. Их общий звон слышался окрест за 25–30 километров. Ещё в селе была молельня старообрядцев.

Основными занятиями жителей были земледелие и скотоводство. Мужчины занимались также плотничеством, и это ремесло до сих пор передаётся из поколения в поколение. Делали дровни, сани, колёса, а зимой отправлялись на лошадах в извоз на реку Яик (Урал), где меняли свои изделия на рыбу и деньги.

Жители села одевались просто: летом в холщёвую одежду, а зимой – в поддёвки, кафтаны из самотканого сукна, овчинные тулупы и чапаны. Обувались зимой и летом в лапти, а около дома – в ступни. Редко, в основном по праздникам, люди обувались в валенки – их, как правило, носили по 15–20 лет. Медицинского обслуживания не было. Лечили людей знахари.

В 1930 году началась массовая коллективизация. Колхоз назвали «12-й год Октября». Его председателем стал двадцатипятилетний П.П. Национ. Это был энергичный, умелый орга-

низатор. Ему удалось создать крепкое колхозное хозяйство.

Великая Отечественная война не прошла мимо села Еделево. Мужчины ушли на фронт, в селе остались старики, женщины и подростки. Часть тракторов, автомашину и лошадей забрали на фронт, а теми машинами, которые остались в колхозе, некому было управлять. Женщины и старики пошли на курсы механизаторов. Колхозники трудились день и ночь. Люди не считались с трудностями, всеми силами старались содержать хозяйство, обеспечить продовольствием армию.

После войны колхозные дела стали улучшаться. В 1950 году мелкие колхозные хозяйства объединились в крупные. В еделевский колхоз вошли село Еделево, а также посёлки Чёрный Ключ и Лысая Гора. Коллективное хозяйство назвали «Заветы Ленина». В 1959 году председателем колхоза стал опытный хозяйственник И.П. Казаков. За короткий срок значительно возросли производство и реализация сельхозпродукции. Улучшилась жизнь людей.

В 1962 году на базе восьмилетней школы открылась средняя. Двумя годами раньше всё село было радиофицировано и электрифицировано. Но через пять лет случилось несчастье: произошёл большой пожар, в результате которого сгорело около 80 домов. Сгорели даже мазанки, которые находились на значительном расстоянии от них. Большую помощь пострадавшим жителям села оказало государство. Оно выделило лес, другие стройматериалы для постройки новых домов, нуждающимся были выданы денежные ссуды. Сгоревшие строения удалось восстановить за 1,5 года. Село приняло более привлекательный вид.

Большие перемены произошли в Еделево за последние годы. Выросли добротные жилые дома с удобствами, улучшилось благосостояние людей.

Стала возрождаться и национальная мордовская культура. Пристальное внимание уделяется родному языку.

У истоков этой работы стояла учительница начальных классов К.И. Казанчева. Ей удалось сделать многое: кабинет мордовского языка пополнился наглядными пособиями, литературой на мордовском языке, ребята увлеклись изучением национальных традиций. Возрождение национальной культуры осуществляется также на уроках рисования, трудового обучения и музыки. Проводится большая внеклассная работа через краеведческие и фольклорные кружки и библиотечные уроки. Школа работает в тесном контакте с Еделевским Домом культуры и сельской библиотекой. За большую работу по возрождению родной культуры и языка имя К.И. Казанчевой занесено в Почётную книгу областной мордовской автономии. Теперь она на заслуженном отдыхе, но связь со школой и Еделевским сельским Домом культуры, с библиотекой не теряет: выступает со стихами и песнями собственного сочинения на эрзянском языке.

Фольклорная группа села Еделево

Давно стали традиционными мордовские фестивали. Фольклорная группа села выступает на районных и областных мероприятиях, неоднократно была участником областных фестивалей мордовской песни «Масторавань морот» («Песни матери земли»). Когда звучат народные песни – это прекрасно. Значит, жива культура. Значит, мы помним наших предков, дорожим своей историей.

Татьяна Нуйкина

Дом-ателье архитектора Ливчака

Фото Лилии Янушевской

Особый шарм придают нашему родному городу здания филармонии (бывший Дом народного собрания), кинотеатра «Художественный» (бывший кинотеатр «Ампир»), общества взаимного кредита. Они связывают настоящее с прошлым, позволяя представить Симбирск начала XX века. Все эти дома построены по проектам талантливого архитектора Фёдора Осиповича Ливчака.

Будущий архитектор, инженер и изобретатель родился в 1878 году в городе Вильно. От отца Осипа Николаевича он унаследовал талант изобретателя, и в 1900 году в Санкт-Петербурге поступил на архитектурно-строительный факультет института гражданских инженеров императора Николая I. Окончив учебное заведение с отличием, Фёдор Осипович получил звание гражданского инженера с правом на занятие должности X класса и отправился в Смоленск, где работал в строительном отделении Смоленского губернского правления. Спустя два года, в 1906 году, Ливчак вместе с семьёй переехал в Симбирск и стал архитектором Симбирской городской управы. На протяжении следующих пяти лет архитектор разработал несколько проектов. В этот период были построены Дом симбирского общественного собрания и церковь Воскресения на Новом кладбище. В 1910 году Фёдор Осипович стал заведующим строительным отделом губернского земства, а в 1913 году его, как почётного жителя, завоевавшего уважение, избрали в состав гласных Симбирской городской думы.

Работы архитектора созданы в стиле модерн, однако отличаются нехарактерной для него сдержанностью

и умеренностью. Именно это сочетание вкупе с тонким вкусом и практичностью формируют почерк Ливчака.

Говоря о практичности, нельзя не упомянуть деятельность Фёдора Осиповича, связанную с бетоном. Этим материалом он заинтересовался ещё в Смоленске и даже написал книгу «Образцовая смета на постройку каменного жилого дома и сравнительная на постройку того же здания из бетонных блоков», которая стала результатом изучения бетонита. Практическим же результатом стали открытый в 1911 году цементный завод и здания, построенные по новейшей на тот день технологии. Визитной карточкой многих архитекторов, воплощением всех их замыслов часто являются их собственные дома. Не стал исключением и дом Фёдора Осиповича Ливчака.

23 декабря 2014 года состоялось открытие Дома-ателье архитектора Ливчака. Четыре года понадобилось реставраторам, чтобы восстановить облик жилища. К этой задаче специалисты подошли со всей серьёзностью. Посетители могут быть уверены: даже люстры и дверные ручки полностью копируют детали реального интерьера. В день открытия за создание торжественной атмосферы отвечал небольшой

оркестр, а артисты в костюмах перенесли гостей в другую эпоху. Директор музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» Ирина Котова рассказала о долгой и кропотливой реконструкции и главной особенности музея: в мастерской Ливчака можно не только взглянуть на экспонаты, но и почувствовать себя архитектором. Здесь можно посидеть за столом мастера, полистать старинные книги и создать свой чертёж при помощи инструментов того времени.

Второй этаж музея оснащён по последнему слову техники. В одном из залов стоит интерактивный стенд, с помощью которого можно узнать интересные сведения об экспонатах. Другой зал напоминает гримёрную прошлого века, за исключением маленькой детали – «умного» зеркала. Любой желающий может встать перед ним и увидеть себя в старинном костюме.

Погружение в прошлое невозможно без привычного для тех лет досуга. Любимым увлечением семьи Ливчака был театр, и потому экспозиция из Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина «А.А. Бахрушин и музей его имени. Лица русского театра» так естественно вписалась в пространство музея. К размещению этой экспозиции работники

также подошли основательно. Так, директор Театрального музея имени Бахрушина Дмитрий Родионов объяснил, что непривычно «тесное» расположение и смешение картин, карикатур и афиш объясняется традициями прошлого и стремлением коллекционера собрать полную картину театральной жизни.

Приятным завершением церемонии открытия и продолжением темы театра стал спектакль «Любовь в лихолетье», рассказывающий о том, как революция ворвалась в жизнь семьи Ливчака и навсегда изменила её. В основе сценария – трагические страницы биографии архитектора: в сентябре 1918 года не принявший революцию Фёдор Осипович умер в Омске от сыпного тифа вдали от жены и детей. Они узнали о его смерти лишь спустя три недели.

Спектакль планируют периодически показывать посетителям. Среди других задумок – обустройство прилегающей к зданию территории и строительство беседок. Остаётся пожелать успехов создателям Дома-ателье Ливчака в воплощении самых смелых планов.

Арина Хохлова

Фото Владимира Никитина

С наилучшими пожеланиями...

Много лет – почти полвека – летели в Ульяновск письма и открытки из Москвы, а потом из Минска, адресованные Альберту Михайловичу Рахманову. Это были не простые открытки, а рукодельные – изяшные графические шедевры, выполненные художником Николаем Романовичем Козловым. А началась эта дружба с работы на УАЗе...

С 1956 года Альберт Михайлович работал на УАЗе конструктором, затем – дизайнером. А в 1967 году в отдел главного конструктора автозавода пришёл молодой художник Коля Козлов.

Ещё будучи подростком, Николай увлёкся рисованием и поступил в художественную школу. Его педагогом стал незаурядный человек, профессиональный художник Юрий Васильевич Павлов, который на базе изостудии в 1961 году создал с нуля эту школу и возглавлял её полвека. Учитель следил за своими учениками – талантливыми ребятами, окончившими школу, пытался поддержать их в трудных жизненных ситуациях. И, когда Николай Козлов не смог поступить в Московский полиграфический университет, именно Юрий Васильевич помог ему найти работу.

Н. Козлов. Старые игрушки

На заводе юноша подружился с конструктором Альбертом Михайловичем Рахмановым, который был старше него, уже имел семью. Как-то Альберт попал домой к художнику. «Николай жил с бабушкой и братом в небольшой коммунальной квартире, в одном из трёх пятиэтажных домов постройки середины 1930-х годов с высокими потолками и большими окнами», – вспоминал он позже.

Работы юного художника на заводе воспринимали с неким скептицизмом и в то же время с интересом – они были очень оригинальны и необычны: «Я до сих пор храню исполненный Колей приглашенный билет на новогодний вечер отдела. Была у нас тогда такая практика: на кальке рисовался билет и на светокопировальном громоздком

Николай Козлов (слева) и Альберт Рахманов. Ульяновск. 1970

Н.Р. Козлов (в центре) на открытии персональной выставки. Минск. 2011

Н. Козлов. Звезда морей

устройстве делались копии. Так копировались и чертежи. И этот билет, его исполнение графическое, наглядно «проявляет» изыск, начало творческого поиска своего пути в творчестве, своего лица». У друга осталось также несколько работ Николая: этюд «Лодки», написанный маслом в стиле импрессионизма, который тот подарил ему, когда уезжал в институт (он до сих пор висит у А.М. Рахманова дома), конверт (чехол) для большой виниловой пластинки «Джаз» и разворот с иллюстрациями для детской книги. Это студенческие работы Н. Козлова.

Близкое знакомство длилось всего два года – до тех пор, пока Николай не поступил в Московский полиграфический институт. Уже студентом он приезжал в Ульяновск, и друзья встречались, а потом были письма и открытки – целых полвека...

Каждое послание становилось праздником для Альберта Михайловича. Конструктор бережно хранит все письма, а с ними и рукодельные открытки, которые художник периодически присылал ему. Со временем накопилась небольшая коллекция этих работ. Внутри каждой открытки – оригинальный рисунок и поздравление с праздником. Любая из них – особое произведение, не похожее на остальные. Стоит только взглянуть на них, и чувствуется теплота, объединяющая этих людей: в эти миниатюрные бумажные творения автор вкладывал частичку себя.

16 июля 2011 года Альберту Михайловичу пришло новое письмо, и он, как всегда, был очень рад: ждал обещанный каталог выставки художника. Но это было страшное письмо – сообщение от сына Романа, что 8 июня 2011 года, через полтора месяца после открытия персональной выставки,

Н. Козлов. Сон голубой рыбы

Николай Романович умер. За семь месяцев до этого ему был поставлен страшный диагноз – рак. Несмотря на операцию и прогрессирующие боли, Николай Козлов продолжал ходить в мастерскую и творить. Свою последнюю серию он назвал TONDO fantazus, в неё вошли 16 графических работ. Многие посетители выставки даже не знали о том, что автор смертельно болен.

Николай Романович работал художественным редактором в издательствах «Мастацкая літаратура» и «Юнацтво». Оформил и проиллюстрировал свыше 150 книг. Отмечен дипломами на всесоюзных и республиканских конкурсах «Искусство книги», награждён бронзовой медалью ВДНХ СССР, почётной грамотой БСХ, грамотой Министерства культуры Республики Беларусь.

В Ульяновске до сих пор помнят художника и его великолепные работы. Это неудивительно. Фантастический подбор цветов, тонкие мазки, идеально выстроенная композиционная структура – его работы невозможно не оценить по достоинству. У этого человека было своё особенное видение мира, которое он сумел передать в своих творениях. Николай Романович оказал огромное влияние на создание образа современной белорусской книги. У него осталось большое количество эскизов, недоделанных проектов и идей. В настоящее время работы автора находятся в художественных фондах БСХ, в коллекции Музея современного искусства РБ, в Министерстве культуры России и частных коллекциях.

Татьяна Немова

Его рукой водило Божье провиденье

Ни в одном из современных изданий о художниках нашего города вы не найдёте имени Михаила Козьмина. Несколько строк в книге «Художники Ульяновска», изданной тридцать лет назад, посвятила его творчеству С.М. Червонная. 24 октября 1952 года о нём как о старейшем художнике города писала «Ульяновская правда», а 30 ноября того же года сообщала о выставке его работ, открытой в стенах областного художественного музея. Это была последняя его прижизненная выставка – в 1955 году Козьмина не стало.

М. Козьмин. Памятник Минаеву. 1952

Родился М.И. Козьмин в 1879 году в Нижнем Новгороде. Когда ему было 11 лет, семья переехала в наш город, где он прожил всю оставшуюся жизнь. Отец его, доморощенный художник, писал на заказ вывески, чему учил и сына. Отсюда во многих акварелях Михаила Козьмина особенная декоративность. А вот чёткость графического рисунка у него от профессии чертёжника.

Художником Михаил стал, пройдя многие ступени ремесленного мастерства изготовителя вывесок, ретушёра в фотографии, чертёжника, ученика рисовальной школы у художника и преподавателя рисования Алексея Николаевича Остроградского.

Фотография М.И. Козьмина из газеты «Ульяновская правда» от 24 октября 1952 года

В 1924 году Михаил Козьмин впервые участвует в выставке, устроенной местными художниками, а в 1947 году его произведения экспонируются на Всесоюзной выставке в Москве.

Впервые я услышал о художнике Козьмине от Петра Григорьевича Панина, учившего нас, студентов педагогического института, азам изобразительного искусства. Небольшая разница в возрасте этих людей и любовь к живописи сблизили их. Не были эти школьные учителя рисования избалованы большим вниманием общества при жизни, но тем они нам и милы, что вспыхивают иногда на художественном небосклоне яркими звёздочками отдельные их работы.

Многое из того, что рассказывал Пётр Григорьевич, к сожалению, уже забылось. Когда же в мои руки попали рисунки Михаила Ивановича Козьмина, я сразу вспомнил рассказ о нём П.Г. Панина, этого чудесного человека и художника.

Картины Михаила Козьмина хранятся в фондах УХМ и УОКМ. В моей коллекции сохранились три акварели.

«Памятник на могиле поэта-сатирика Дмитрия Дмитриевича Минаева» (1952). Поставлен был 21 июня 1899 года. В 1954 году перенесён с останками Минаевых на новое кладбище по улице Карла Маркса. Художник изобразил его ещё до переноса, когда он стоял на том месте, где сейчас плещутся волжские воды. Этот рисунок сохранил нам памятник в первоизданном виде. Филигранный рисунок ограды с чертёжной чёткостью воспроизводит оригинальное творение мастеровых, создавших невиданной красоты чудо. Монумент памятника, исполненный в идеальных пропорциях и дополненный аллегорическими барельефами, присущими такого рода сооружениям, венчается куполообразным навершием с большим золотым крестом. Великолепный ансамбль памятника возвышается белоснежным монолитом на синем фоне неба и нежного золота листвы осеннего дерева. Парящая и зовущая ввысь красота особенно хорошо заметна среди скромных памятников соседних могил. В этом рисунке выразились все черты самобытного художника: от чертёжной точности изображения до яркой декоративности и высочайшей техники исполнения.

«Беседка Гончарова» (1947). Эта та беседка, которую поставили стараниями Екатерины Максимилиановны Перси-Френч в 1912 году. Не просто беседка-памятник, а символ грустной истории любви, описанной Иваном Александровичем Гончаровым в романе «Обрыв».

Художник создал такую тонкую и лирическую композицию, что вряд ли нужно говорить большее: одним чёрно-белым рисунком он передал содержание всех произведений Гончарова. Рисунок – это не только беседка, это история деревни Винновки, принадлежавшей Киндяковым, с её старыми домами и повалившимися заборами. Винновка, Киндяковка тож, – это роща и неоглядная ширь Волги с большим прибрежным лугом. Мы видим не ухоженную рощу, а лес, стремящийся к вершине горы. Его глухая первобытность лишь подчёркивает воздушную красоту маленькой беседки на фоне светлых вод Волги. Рисунок этот – классическая иллюстрация памяти Гончарова. Это единственное художественное изображение беседки на её историческом месте, дошедшее до наших дней в оригинальном исполнении.

М. Козьмин. Винновская роща. Беседка Гончарова. 1947

М. Козьмин. Подгорье. 1941

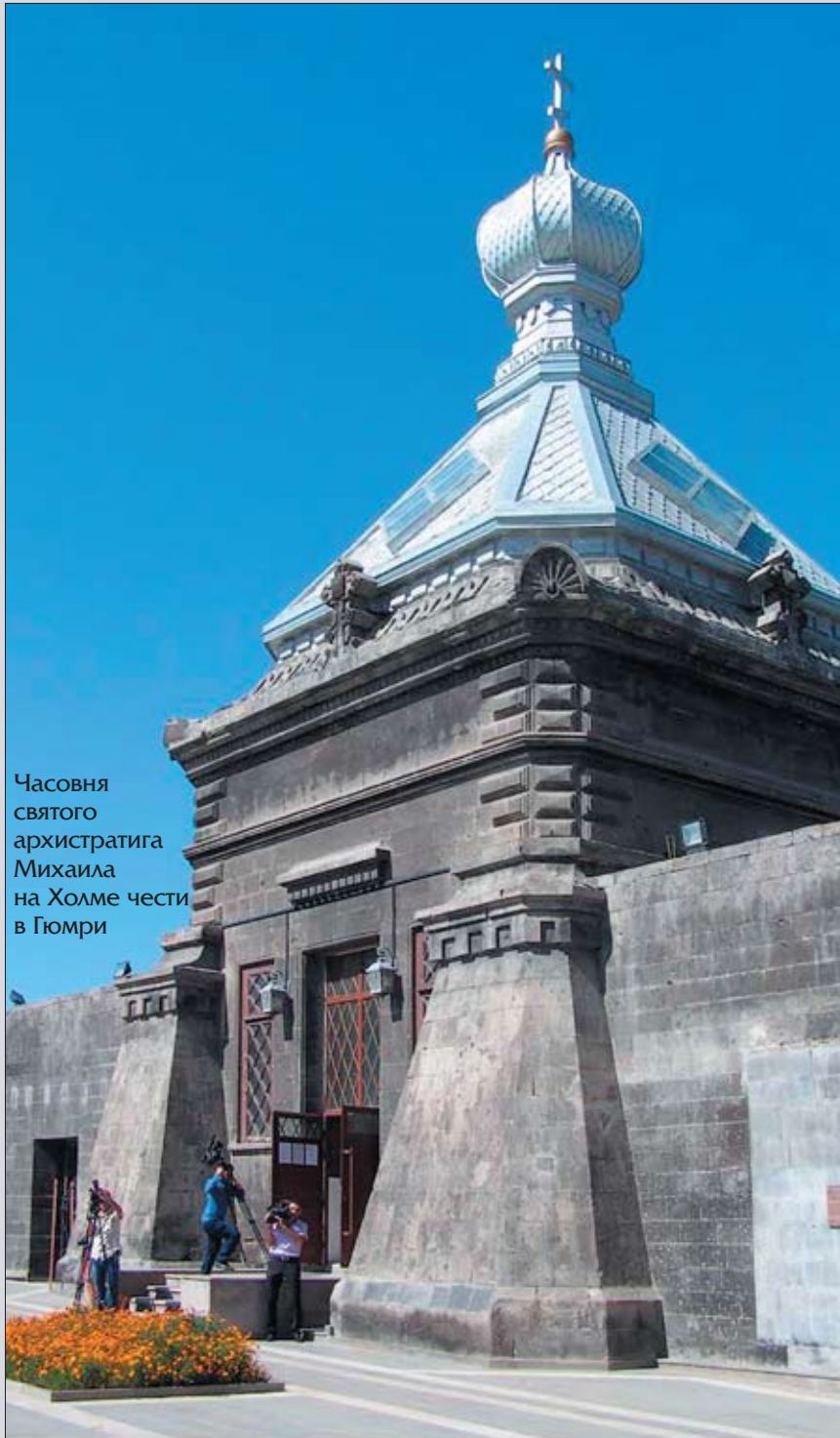
«Подгорье» (1941). Знакомые до боли глухие заборы с высокими воротами и маленькими калитками, за которыми уютно спрятались рубленые сараи и бани, редкой красоты загородные дома с башенками некогда состоятельных горожан. Еле заметный в траве булыжник у крутого спуска с Венца до берега Волги и добротные дома, в которых живут серьёзные люди, купаются в пыли сонные куры и бродят скучные собаки. Деревянный уют дворов тесного Подгорья навеивает тоску по былому счастливому спокойствию. Сплошные сады, огороды и нетронутые цивилизацией лужайки говорят о неизменности бытия.

Ещё Подгорье – это тишина летней Волги с её островами и дальними дачами, прерываемая иногда короткими взвизгами прокопчённых буксиров и хриплыми басами колёсных пароходов. Ещё это рыбная Волга с сенокосными островами и коровами на прибрежных лужайках. Ещё это неторопливая и улаженная жизнь людей, которым незачем некуда спешить, а близость Божьего храма говорит о прошлом и вечном. Так было постоянно, из века в век.

Константин Новеньков

Работы художника М. Козьмина
из личного архива автора

Во славу русского воинства

Часовня
святого
архистратига
Михаила
на Холме чести
в Гюмри

Во втором по величине городе Армении Гюмри (в советское время Ленинакан) ныне действует мемориальный комплекс «Холм чести», воссозданный при содействии губернатора и правительства Ульяновской области.

Памятник
русским
офицерам
на Холме чести
в Гюмри

В ходе русско-турецких войн XIX века особо ожесточённые бои в Закавказье велись за овладение неприступной крепостью Карс (1855, 1877–1878).

Воинское кладбище в Александрополе (прежнее название Гюмри) с возведённой позже здесь часовней св. архистратига Михаила и с аркой, символизирующей армяно-русскую дружбу, в 1855 году по приказу Главнокомандующего Кавказским корпусом генерал-лейтенанта Николая Муравьёва-Карского было переименовано в Холм чести.

По различным данным, здесь покоятся от 156 до 240 офицеров русской армии, умерших от ран и погибших за крепость Карс, в том числе генералы Ковалевский, Граббе, Челобаев и князь Гагарин.

В послевоенное время мемориальное кладбище было скрыто, надгробья уничтожили или использовали для строительных нужд, а на территории кладбища построили два корпуса детского санатория и бассейн. После армянского землетрясения 1988 года в уцелевших строениях поселили несколько местных семей, а территория кладбища представляла собой свалку бытовых отходов.

С обретением независимости в Армении стали настойчиво поднимать вопрос о восстановлении мемориального комплекса в память о русском воинстве.

Идею восстановления Холма чести предложил посол России в Армении В. Коваленко, и она получила поддержку руководства двух стран.

На Холме чести решили возвести памятник русским офицерам по

Венки от администрации и правительства Ульяновской области, УВАУ ГА и армянской диаспоры Ульяновской области возлагает ульяновская делегация. Гюмри. Холм чести. 2014

точному образцу того монумента, который был здесь взорван турками в 1919 году. Скульптором воссозданного памятника стал Ю. Минасян.

В 1886 году на Холме чести построили и освятили православную часовню святого архистратига Михаила. Изначально здесь отпевали русских воинов. Она дожила до наших времён в повреждённом состоянии. Её восстановили. Ныне часовня приписана к гюмрийскому храму святой мученицы Царицы Александры. Над входом в часовню – первоначальная надпись: «Здесь царство мира и покоя».

Мемориальный комплекс «Холм чести» восстанавливался при содействии администраций Ульяновской области России и Ширакской области Армении. В рамках Соглашения между

правительством Ульяновской области (РФ) и администрацией Ширакского марза Республики Армения о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве, подписанном 15 сентября 2009 года, был включён специальный договор о создании памятника русским воинам на мемориальном комплексе «Холм чести». Автор проекта по восстановлению комплекса – ульяновский архитектор О. Владимир.

Для решения организационных вопросов с ноября 2009 года стала действовать российско-армянская благотворительная организация «Дело чести».

Холм чести воссоздали к 65-летию Победы (май 2010 года). Торжественное открытие состоялось 20 августа 2010 года с участием Президента РФ

Д. Медведева во время его государственного визита в Армению и Президента Армении С. Саргсяна.

Осенью 2014 года в Армении побывала ульяновская делегация для подписания Меморандума о сотрудничестве между Ульяновским высшим авиационным училищем гражданской авиации и Главным управлением гражданской авиации Республики Армения в подготовке авиационных кадров и в связи с 25-летием со дня гибели на Армянском нагорье в октябре 1989 года самолёта Ил-76 Ульяновского Центра ГА стран-членов СЭВ с гуманитарным грузом для пострадавших от землетрясения 1988 года.

Лидия Берч

Фото автора. Сентябрь 2014 года

Русский бастион – крепость Карс. Современный вид. Сентябрь 2014 года

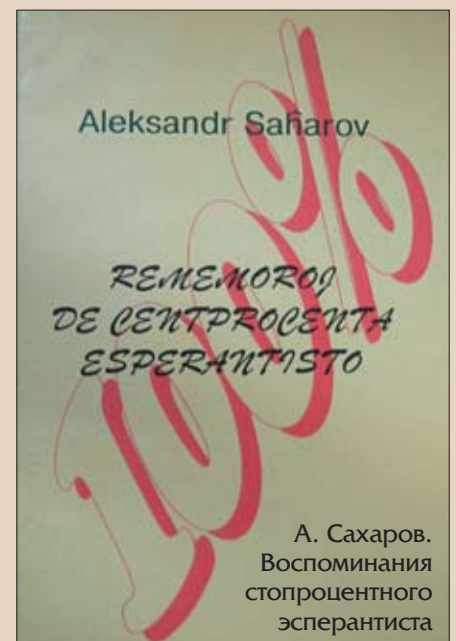

Летняя эсперанто-школа в Подмоскowie собрала более 80 участников, в том числе и из Ульяновска. 2014

Александр Сахаров – пропагандист эсперанто

Ульяновцы **Сергей Абрамов** и **Сергей Серягин** в преддверии 150-летия первого симбирского эсперантиста Александра Андреевича Сахарова принесли в редакцию журнала «Мономах» приятную новость. 29 января 2015 года на заседании научно-экспертного совета по культурному наследию было принято решение увековечить память симбирских эсперантистов мемориальной доской на здании бывшей городской думы на ул. Гимова, 1 (теперь музыкальное училище). Здесь в начале прошлого века проводились первые собрания эсперантистов и состоялась торжественная церемония открытия Общества эсперантистов.

Немногие изучающие историю возникновения эсперанто в России знают об Александре Андреевиче Сахарове (1865–1942), составителе учебника «Основной курс международного языка эсперанто». Достаточно известный в научных кругах инициатор эсперантского движения на своей родине незаслуженно забыт.

А.А. Сахаров родился 7(19) апреля 1865 года в семье священника деревни Кудеиха Сиявской волости Алатырского уезда Симбирской губернии (ныне в составе Чувашской республики). В 1885 году он успешно окончил

полный курс Симбирской классической гимназии, а затем математический факультет Казанского университета (1890). Год не работал, а затем получил канцелярскую должность в Симбирской казённой палате. Через два года Александр Андреевич стал финансовым инспектором в Ардатском районе.

В 1903 году ему неожиданно пришлось письмо от университетского друга Сергея Полянского на непонятном языке. Надо заметить, что в гимназии Александр Андреевич усиленно занимался изучением французского языка

и латыни. Удивительным было то, что, не зная языка, на котором письмо было написано, Сахаров понял почти всё. Оно было написано на языке эсперанто. В конце был дан адрес доктора Заменгофа в Варшаве. Так Александр Андреевич впервые познакомился с эсперанто. В апреле 1906 года в газете «Симбирские вести» вышла его статья «Ярмо классицизма в школах и эсперантизм», пропагандирующая искусственно созданный язык. В том же 1906 году Сахаров зарегистрировал в Ардатове первое общество эсперантистов. Первым оно было не только

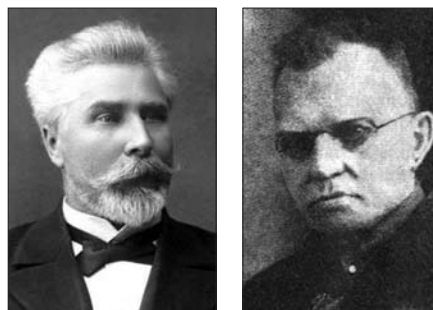
на территории Симбирской губернии, но и в Поволжье в целом. Официальное положение общества дало ему право организовать эсперантские курсы для своих членов, на которые сразу записались около двадцати человек. Также продолжилось и его сотрудничество с газетой «Симбирские вести» – в июле 1906 года были напечатаны фрагменты его отчёта о поездке на международный конгресс в Женеву.

В 1907 году Сахаров взял отставку и переехал в Москву, где открыл эсперантский книжный магазин с издательством (на ул. Тверская, 26), а затем, в декабре 1909 года – Московский институт эсперанто. Несмотря на это, с Симбирском он не расстался – здесь у него остались мать и брат, к которым он периодически приезжал. В 1919 году он пять месяцев прожил в Курмыше и даже преподавал эсперанто в местной школе. «На удачу директором сельской школы оказался мой знакомый П.В. Архангельский. Ему пришла мысль пригласить меня в школу в качестве преподавателя Эсперанто. Сразу по получении одобрения я был зачислен в список оплачиваемых и получающих рацион преподавателей школы в качестве учителя Эсперанто и начал учить. Кроме того, я организовал курс Эсперанто для учителей и нескольких посторонних, пожелавших изучить этот язык», – писал А.А. Сахаров в своих «Воспоминаниях стопроцентного эсперантиста».

Пропаганда эсперанто в Симбирске, начало которой было положено ещё в 1906 году, не пропала даром. В декабре 1909 года общество эсперантистов было зарегистрировано уже в самом губернском центре. Состав говорит сам за себя. Среди первых слушателей: симбирский городской голова Л.И. Афанасьев, председатель губернской земской управы Н.Ф. Беляков, известный бизнесмен и благотворитель Н.П. Пастухов, князь С.М. Баратаев, П.Л. Мартынов и многие другие. Первым председателем общества стал известный врач, директор Карамзинской колонии душевнобольных В.А. Копосов. 31 января 1910 года состоялось торжественное открытие Симбирского общества эсперантистов. Деятельность общества охватывала всю территорию Симбирской губернии. Однако общество имело широкие связи, выходящие за пределы губернии. Так, В.А. Копосов и С.Н. Яковлев представляли Симбирск на I Всероссийском съезде эсперантистов, состоявшемся в Петербурге в апреле 1910 года,

а Н.И. Портнягин даже был делегатом Всемирной эсперантской ассоциации.

Распространение эсперанто предполагало своей целью обогатить человечество духовно и возвысить его морально. Ближайшей программой эсперантистов являлась прежде всего пропаганда идей мира, культурного единения народов и поднятия духовного уровня каждой нации до такой высоты, когда сами собой уничтожатся царствующие между ними враждебные отношения на почве взаимного соперничества, которое заменит сознание всеобщего братства на началах истинного демократизма. «Внутренняя идея эсперанто – братство человечества есть высшая ступень в эволюции человеческой этики и верховная регулятивная идея человеческой культуры», – подчёркивал доктор В.А. Копосов в своей речи на I Всероссийском съезде эсперантистов (1910).

Первые эсперантисты В.А. Копосов и А.А. Сахаров (справа)

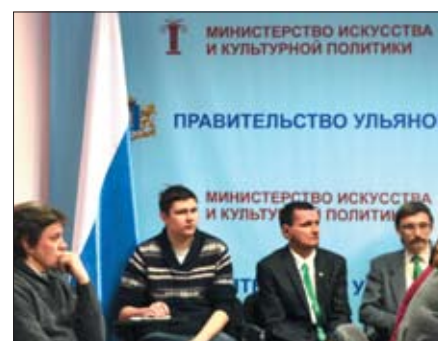
В библейской легенде говорится: когда строилась Вавилонская башня, бог Ягве не пожелал, чтобы люди достигли до неба, и в наказание перемешал все человеческие языки. Люди перестали понимать друг друга. Начался хаос, появились разногласия и войны, стройка остановилась. Так и в мировом сообществе: непонимание – главный враг прогресса. Международным языком эсперанто призван объединить всех людей в одну семью и поднять культуру на более высокую ступень. Среди сторонников эсперанто были А. Эйнштейн, Б. Шоу, Г. Уэллс, К. Циолковский, Л. Толстой, Р. Роллан, Р. Дизель, Ж. Верн, М. Магромаев, А. Стругацкий и многие другие. И сейчас, в условиях, когда международный английский язык всё больше становится языком агрессии, тема братства человечества как регулятивная идея человеческой культуры приобретает особую актуальность.

Ульяновск в этом отношении вполне мог бы стать одним из центров мировой

эсперантистской школы... Памятная доска, которая будет установлена на фасаде здания на ул. Гимова, 1, войдёт во всемирный перечень Заменгофо Эсперанто Объектов (ZEO).

В ZEO входят улицы, площади, памятники, мемориальные доски, парки, дома культуры, кафе, музеи, реки, фонтаны и т. д. В России на данный момент времени таких объектов насчитывается всего четыре: улицы в Казани и Богородске, Дом культуры в Санкт-Петербурге и кафе в Кирове. Для сравнения: в Польше – 187 объектов, в Бразилии – 170, во Франции – 163, по всему миру – более 1500. Перечень ZEO ведёт Всемирная эсперанто-ассоциация со штаб-квартирой в Роттердаме (Нидерланды).

В перспективе ульяновский эсперанто-клуб ставит целью проведение в нашем городе всемирного универсального конгресса (УК) международного языка эсперанто, который проводится каждый год в разных странах, но ни в СССР, ни в России ещё не был. Тогда в Ульяновск смогут приехать гости из 50-60 стран. В 2010 году конгресс проводился на Кубе, в 2011-м – в Дании, в 2012-м – во Вьетнаме, в 2013-м – в Исландии, в 2014-м – в Аргентине. В 2015 году сотый юбилейный Всемирный конгресс эсперантистов пройдёт на севере Франции, в городе Булонь-сюр-Мер. Помимо укрепления статуса Ульяновска как культурной столицы Европы, предлагаемые мероприятия будут способствовать расширению международных связей региона, что привлечёт туристов из других городов и стран. Таким образом, развитие эсперанто в Ульяновске может принести ощутимую реальную пользу. Всё, что в этом случае требуется, – поддержка благих начинаний общественности со стороны властей.

Ульяновские эсперантисты С. Абрамов и Ю. Карцев (справа) на заседании научно-экспертного совета по вопросам охраны объектов культурного наследия

Разыскиваются памятные доски

Гости Ульяновска после первой же ознакомительной прогулки по городу часто восклицают: «Как много в вашем городе мемориальных досок!». Именно эту городскую особенность отмечает свежий взгляд приезжих. Действительно, по количеству памятных досок и табличек Ульяновск не уступает Санкт-Петербургу! С Симбирском-Ульяновском связаны имена многих выдающихся людей, внесших достойный вклад в науку, технику, литературу, культуру и спорт, общественную, политическую, военную или производственную деятельность. Да и событий истории, достойных увековечивания, в Ульяновске всегда находится немало. Только вот после того, как инициативные группы добьются постановления об установке памятной доски, далеко не факт, что напоминать о выдающемся земляке или событии она будет долго.

В редакцию нашего журнала приходят люди неравнодушные и внимательные и всё чаще рассказывают, что та или иная доска либо загорожена рекламным плакатом, либо находится в плохом состоянии, либо исчезла вовсе и отыскать следы её местонахождения оказывается невозможным. Постановление о том, чтобы установить доску на том или ином доме принимает специальная Комиссия по установке, последующему содержанию и обслуживанию мемориальных досок и других памятных знаков. Однако, как выяснили эмпирическим путём наши читатели, найти того, кто отвечает за установленную доску, практически невозможно.

Краевед Вячеслав Николаевич Ильин, обладатель Гран-при «Шапка «Мономах» 2012 года, сетует: «Если раньше за установленные доски отвечали городские власти, то теперь ответственность ложится на собственника здания. Выяснить, кому оно принадлежит, не так-то просто. В своё время я долго искал мемориальную доску, исчезнувшую со здания на ул. Карла Маркса, 9/40 после ремонта. В этом здании работал наш выдающийся краевед Павел Любимович Мартынов. В конце концов оказалось, что доску снимали на время ремонта, по неосторожности уронили, и она разбилась...». Теперь владелец дома повесил её на место в обновлённом виде, но так случается далеко не со всеми исчезнувшими объектами.

Старожил Ульяновска Татьяна Петровна Ильина, в бытность свою педагогом, иногда сталкивалась с такой

ситуацией. Даёт она задание детям пойти к конкретному зданию, прочитать и запомнить, что написано на установленной на нём мемориальной доске, а ученики на следующий день сообщают – доски нет. Татьяна Ильина отметила для себя целый ряд мемориальных досок, пропавших после ремонтов зданий. Например, со Дворца бракосочетаний (Гимова, 3) исчезла памятная доска, сообщающая, что в этом здании размещался Реввоенсовет Восточного фронта во главе с М.В. Фрунзе. Многие доски находятся в плохом состоянии, иные просто грязные. Некоторые со временем оказались в недоступных для горожан местах. Четыре мемориальных доски находятся в Краснознаменном переулке, 6/7 на территории, огороженной забором. Все они посвящены событиям 1918 года (в том числе тому, что здесь был ликвидирован левозеровский мятеж и убит его инициатор М.А. Муравьёв и др.).

Исчезают и памятные таблички. Ветеран Ульяновского речного порта капитан Анатолий Алексеевич Пирогов уже много лет пытается отыскать следы когда-то установленной таблички из жёлтого металла на площади 30-летия Победы в Ульяновске. Она напоминала о создателях обелиска Славы, в том числе и о хорошем знакомом А.А. Пирогова, авторе скульптурной композиции монумента Рафике Арменаковиче Айрапетяне. Талантливейший скульптор умер в 2008 году. И вскоре после этого исчезла и табличка. «Куда я только ни звонил, где только ни искал следы исчезнувшей таблички, – говорит

Фото Антона Шабалкина 2008 года

Анатолий Алексеевич. – Концов найти так и не смог». Интересно, появится ли она вновь на площади, реконструированной к 70-летию Победы?

То, что та или иная памятная доска или табличка пропала, обнаруживается совершенно неожиданно. В прошлом году, например, редакция искала иллюстративный ряд к статье Владимира Ивановича Радаева о праздновании Дня Советской авиации в послевоенном Ульяновске. К материалу планировалась фотография памятной доски, установленной по адресу Московское шоссе, 53: «В этом здании в 1931–1945 г.г. размещался командный пункт аэродрома Ульяновского объединения школы пилотов и авиатехников». Поехали фотографировать здание и увидели, что оно обшито новым голубым сайдингом, но доски на нём уже нет. Здесь теперь располагается детская школа искусств № 13. Дети и подростки каждый день ходят сюда на занятия. Но они уже не прочитают о том, что на месте жилой застройки примыкающего к автозаводу района когда-то располагался аэродром, не задумаются о том, что здесь когда-то было, и у них, наверное, будет чуть меньше любви к своему родному городу и интереса к его истории.

В постановлении об установке мемориальных досок их рекомендуется делать из долговечных материалов, но ни гранит, ни мрамор, ни металл не в силах противостоять небрежности, царящей в благородном деле об увековечивании выдающихся людей и событий истории.

Лилия Янушевская

Рудольф Азбукин: «Пожелайте мне, чтоб я выглядел на все сто!»

Своё 80-летие отметил давний друг журнала, член редакционного совета и наш постоянный автор Рудольф Григорьевич Азбукин.

Рудольф Азбукин родился 21 февраля 1935 года в селе Рязаново Мелекесского района. В 1954 году поступил в Саратовское военное училище. В 1957 году училище перепрофилировали, теперь оно готовило офицеров конвойных войск МВД, и Рудольф Азбукин сделал свой выбор: подал рапорт об увольнении. В 1957 году он приехал в Ульяновск и поступил в сельхозинститут, который окончил в 1962 году. Последние два курса учился на заочном отделении и работал инструктором в обкоме комсомола, затем – заведующим отделом пропаганды, комсоргом обкома комсомола по Мелекесскому колхозно-совхозному управлению.

Молодого агронома всё больше тянуло к работе на земле, и Рудольф Григорьевич возглавил третье отделение совхоза «Выровский», а через год стал председателем колхоза «Ульяновец» Майнского района. Так он попал в аксаковские места и навсегда прикипел сердцем к творчеству С.Т. Аксакова. А рядом была Прислониха – она подарила знакомство с А.А. Пластовым. Именно тогда Рудольф Григорьевич увлёкся историей родного края.

Он умел работать, легко находил подход к людям, и дело спорилось. Хотя времена для сельского хозяйства были нелегкими: волюнтаризм Н.С. Хрущёва проявлялся в бесконечных реформах, чаще всего неоправданных. Р.Г. Азбукин с радостью принял новое назначение: старшим агрономом в Ульяновском филиале института «Волга-гипрозем». Должности менялись: начальник проектного отдела, главный специалист, главный инженер-землеустроитель города Ульяновска... Не менялся лишь характер: улыбчивый, живой, дружелюбный – Рудольф Григорьевич и сегодня такой, всегда готовый к общению и борьбе за справедливость.

Много лет Р.Г. Азбукин был председателем библиотечного совета Центральной городской библиотеки. В том, что библиотека получила имя выдающегося земляка И.А. Гончарова, есть

Гран-при «Шапка Мономаха» Р.Г. Азбукину вручает губернатор Ульяновской области С.И. Морозов. 22 декабря 2008 года

и его заслуга. Он «выбивал» деньги у спонсоров на ремонт крыши, на благоустройство фонтанчика у библиотеки, оформление залов. Для пополнения фондов придумал День дарения – эта идея прижилась, и не только в ЦБС.

Поклонник творчества С.Т. Аксакова, Рудольф Григорьевич приложил большие усилия, чтобы областную библиотеку для детей и юношества назвали именем автора «Аленького цветочка».

Читатели «Мономаха» знают Рудольфа Григорьевича Азбукина как автора ярких, запоминающихся очерков. О чём бы он ни рассказывал – устно или на страницах журнала, любая история в его интерпретации превращается в трагикомедию. Все его герои – реальные люди с их бедами и радостями, а в любой самой грустной ситуации кроется смешное, потому, наверное, так жизненны все написанные им материалы и всегда востребованы читателем.

Его книга «Парад победы в Бугровке» находится в библиотеке Конгресса США, в Фонде славянской письменности и культуры.

Редакция журнала «Мономах» поздравляет замечательного автора и краеведа с юбилеем и ждёт от него новых интересных историй.

Читать журнал интересно и познавательно!

Редакция нашего журнала получила письмо, в котором содержится отзыв на «Мономах» № 6-2014. Наш юбилейный журнал пришёлся по душе Юрию Семёновичу Красных из Пензенской области. В Ульяновске живёт его друг, ныне ветеран-геолог Юрий Петрович Осипов, который активно сотрудничает с редакцией и высылает однокласснику в соседнюю область экземпляры нашего издания.

«Интересные вещи публикуются об истории края. А какое качество оформления журнала! Отличные фотографии и репродукции, замечательная полиграфия. Журнал с каждым номером всё лучше и лучше. По прочтении я даю его своему другу познакомиться с номером. Он с удовольствием и интересом всё прочитывает и остаётся очень довольным. Особый упор я делаю на статьи нашего земляка Юрия Осипова. Интересны материалы о первых пароходах на Волге, о первом водопроводе в Симбирске и др. И у нас в Кузнецке что-то подобное было в старину (деревянный водопровод от Щурчавого до города самотёком; но мы ничего толком не знаем об этом. Некому взяться).

Так что ваш журнал «Мономах» вышел за пределы Симбирского края. Спасибо большое редакционному совету и всем авторам!

*Юрий Красных.
25 декабря 2014 года.
г. Кузнецк Пензенской области».*